

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Перевод
как фактор межнациональной
истории культуры

Россия – славяне – Европа

Тезисы и материалы
международной научной конференции

19–22 апреля 2016 г.

Москва 2016

УДК 821.16
ББК 83.3(0)
П 27

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 16-04-14052

П 27 Перевод как фактор межнациональной истории культуры.

Тезисы и материалы международной научной конференции.
19–22 апреля 2016 г. / Отв. ред.: И. Н. Смирнова, Ю. А. Созина. –
М.: Центр книги Рудомино, 2016. – 180 с.

Исследования межнациональной истории культуры невозможны без перевода – не просто как основного средства непосредственного общения внутри самого научного, литературного и какого-либо иного сообщества, но и как базы сложнейших процессов взаимодействия, обмена идеями, практическими достижениями и духовными ценностями целых культур. Перевод одновременно является отражением идейно-нравственного состояния общества и духовных поисков конкретной личности (например, самого автора), национальной и наднациональной традиции, историческим свидетельством эпохи, индикатором цивилизационного уровня развития и «рупором» современности.

ISBN 978-5-00087-115-7

УДК 821.16
ББК 83.3(0)

© ИСл РАН, 2016
© Авторы, 2016
© ООО «Центр книги Рудомино», 2016

**Русские поэты и писатели в чешской среде 1920-х гг.:
периодика левого политического крыла¹**

В рамках данной темы исследуется восприятие чехами в 1920-е гг. русской послереволюционной литературы, а также ее влияние на чешскую литературу и философскую и политическую мысль. Объектом изучения служит периодика левого политического крыла (такие издания, как «Руде право», «Делница света», «Кмен», «Маяк», «Комуниста» и др.), в которой будут выявлены переводы русских авторов, критические статьи и другая связанная с ними информация, а также монографические издания чешских представителей указанного направления. Собранные материалы, с одной стороны, станут частью банка переводов русской литературы, а с другой стороны, являются базой для аналитического обзора по указанной теме, в частности с точки зрения критериев отбора авторов и их творчества, а также его интерпретации посредством как самих переводов, так и их критического осмысления. В перспективе предполагается исследовать периодику других политических ориентаций и периодов.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

Проблемы восприятия чешской литературы в России и русской в Чехии

Очевидно, что при совпадении парадигм литературных направлений, опорных точек литературного пространства иноязычная литература легко войдет в литературу национальную. Произведения романтиков, реалистов, символистов заняли прочное место в русской литературе. Иными словами, переводной текст должен вписываться в риторическую традицию воспринимающей литературы. Ожидание реципиента, сложившееся в рамках национальной риторики, должно быть удовлетворено переводчиком. Переводное произведение не может резко противоречить эстетическому опыту читателя, противостоять риторической традиции, сложившейся в национальной культуре. Риторические фигуры и приемы, которые использует переводчик, не могут выходить за рамки этой парадигмы. Однако тут кроется и опасность для жизнестойкости переводного текста. Используя своего рода готовые формы, можно столкнуться с тем, о чем говорили в свое время русские формалисты: повторение приема ведет к избитости, шаблонности. С одной стороны, ожидание реципиента, его установка на набор привычных стилистических средств: эпитетов, метафор и т. п. должно быть удовлетворено, тогда перевод войдет в культурное пространство воспринимающей литературы. С другой – горизонты его ожидания должны быть раздвинуты за счет расширения изобразительных средств перевода. Для того чтобы текст жил, переводчику приходится изыскивать способы выражения, которые бы, вписываясь в риторическую традицию своей литературы, не были избитыми и сохраняли черты переводимой литературы.

Кроме того, для успешной жизни переводного произведения в иноязычной среде недостаточно лишь близости литературных парадигм, необходимы широкие совпадения культурных

пространств, включающих в себя черты быта (и не только литературного), традиций, культурных запросов и интересов. Иначе иноязычное произведение приобретает слишком явный налет экзотики. Так, «Бабушка» Б. Немцовой воспринимается русскими как «жизнь неизвестных народов», другое дело – «Мало-странные рассказы» Я. Неруды, в которых описывается жизнь, близкая русской провинциальной жизни чеховских героев.

Однако слияние вышеупомянутых парадигм может быть и достаточно коварным. Положение Мира западных славян, в частности чехов, между Россией и Западом порождает ряд непониманий и сложностей в восприятии чешской литературы русским читателем и наоборот. Так, переход к реализму в русской литературе осуществлялся натуральной школой, породившей образ маленького человека-чиновника, находящегося в самом низу социальной лестницы, социально незащищенного и не могущего постоять за себя. В художественном пространстве Чехии, бывшей частью Австрийской империи, место между романтизмом и реализмом заняла эпоха бидермейера, рожденная в австрийской литературе и распространившаяся на литературу немецкую. Простой человек, герой бидермейера, кардинально отличался от маленького человека-чиновника. Произведения чешского бидермейера переводились как романтические, поскольку так и воспринимались переводчиками. Из-за такого подхода чешская литература как бы «подтягивалась» до романтической и тем самым – «обеднялась». В первую очередь это касалось произведений Б. Немцовой и К. Светлой.

При переводе русской литературы натуральной школы на чешский язык, в частности «Петербургских повестей» Н. В. Гоголя, от чешских переводчиков, а вслед за ними и от читателей ускользал глубинный религиозный смысл произведений, поскольку для чешских художественных текстов характерна актуализация нескольких соположенных художественных смыслов, а для русской – неисчисляемое множество.

Однако подлинная жизненность перевода художественной литературы зависит, думается, от того, удалось ли переводчику создать текст, имеющий потенциальное значение, способный разворачиваться, расширять горизонты своего восприятия, раскрывать перед читателем все новые и новые глубины. Должна сохраняться дистанция между прочтением произведения и горизонтом ожидания, то есть тем, что знакомо по предшествующему эстетическому опыту. По мере сокращения этой дистанции жизненность произведения тает. Изменение литературной парадигмы влечет за собой изменение восприятия перевода. Так, творчество, например, М. Пуймановой вызывало искренний интерес читателя в середине XX века, когда в русской литературе господствующим стилем был стиль реалистический, с вариантом соцреализма, который на самом деле весьма условно может быть отнесен к реалистической парадигме. На стыке XX и XXI веков парадигма русской литературы изменилась. С существенным опозданием в ней стал господствовать постмодернизм. Стиль социального реализма стал слишком предсказуем. Дистанция между произведениями и горизонтом ожидания читателя стала исчезать. Реалистов стало скучно читать. С изменением политического пространства, гласностью, религиозной толерантностью «острые» темы реализма XX века: критика сталинских лагерей, преследование инакомыслящих и т. п. стали «необычными». Чтение о «наболевших» темах: гибели деревни, гибели русского народа, нравственного состояния общества или о темах вечных в полностью предсказуемой реалистической манере не очень-то увлекало. Постмодернизм предлагал новые формальные решения, дистанция между произведением и горизонтом ожидания читателя (а читатель ждал реализма) увеличивалась. В такой ситуации наступала своего рода «смерть» переводного реалистического произведения с социальной тематикой. Дистанции между прочтением произведения и ожиданием не было, ожидание читателя полностью оправдывалось, тем более что и содержание зачастую было предсказуемо. Оно не предлагало новых

этических решений жизненной практики читателя, не рушило табу господствующей морали, как в свое время «Мадам Бовари» Г. Флобера. Вместе с тем и для постмодернистских произведений можно спрогнозировать «смерть», наступающую (собственно, уже наступившую) с исчезновением горизонта между ожиданием читателя и прочтением текста.

**Художественный перевод как факт сопротивления
глобализации: Польша – Россия – Сербия**

1. Выбор текста – главная аксиологическая проблема перевода.
2. Роль создаваемых переводов в формировании персонального творческого пространства.
3. Роль публикуемых переводов в социальном функционировании литературы.
4. Регрессивная функция институтов управления культурой в продвижении переводов.
5. Опыт альтернативной коммуникации через книгоиздание: аспект перевода.

М. Л. Бершадская (Санкт-Петербург)

Национальное и интернациональное в художественном переводе

Специалисты в области общей теории перевода, а также сами переводчики неоднократно отмечали взаимосвязь и взаимодействие между национальной и интернациональной составляющими как в оригинале произведения, так и в его переводе. Воссоздание национального и интернационального характера текста является одной из самых больших трудностей, возникающих в работе переводчика. Чем ярче произведение отражает национальную жизнь, чем больше в нем характерных ситуаций и реалий, тем труднее переводчику найти соответствующие, адекватные изобразительные средства. Для преодоления этих трудностей переводчик должен осознать индивидуальность, уникальность созданных автором образов, идейный строй произведения, его национальное своеобразие, отражающееся как в содержании, так и в форме (языковые особенности, ритм, реалии и т. п.).

Правильная передача элементов национального открывает путь для выявления его общечеловеческой интернациональной значимости, для превращения духовных ценностей одного народа в достояние другого, в факт мировой культуры.

Почти двести лет назад Гете писал о том, что переводческий труд был и остается одним из важнейших и достойнейших дел, связывающих Вселенную воедино. В наше время, когда отношения между народами и национальными культурами многократно усилились и усложнились, деятельность переводчиков художественной литературы становится еще более важной и ответственной.

Данные тезисы иллюстрируются примерами из истории славянских и западноевропейских литератур.

Приветствие участникам конференции

Международную конференцию «Перевод как фактор межнациональной истории культуры: Россия – славяне – Европы» организовал Отдел истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Наш Отдел занимается историей и теорией литератур западных и южных славян, литературными связями, имагологией, проблематикой славянского литературного модерна, авангардных течений. На счету Отдела трехтомная «История литератур западных и южных славян от истоков до середины XX столетия» (1997, 2001), книги о русско-славянских литературных связях и контактах: «А. С. Пушкин и мир славянской культуры» (2000), «Н. В. Гоголь и славянские литературы» (2012), «Россия в глазах славянского мира» (2007), «Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе» (2011), объемный труд «Россия и русский человек в восприятии славянских народов» (2014). Одно из последних изданий – научный сборник «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» (2016). На подходе сдача в издательство труд «Сражение и связи. Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда».

В настоящее время ведется работа над проектом «Роль России в распространении знаний о славянстве».

Переводная литература, которой все мы пользуемся не менее часто, чем родной, отечественной, настолько давно и прочно вошла в нашу жизнь (да и в жизнь грамотных людей любых профессий), что кажется чем-то само собой разумеющейся, естественной, не нуждающейся в особых разговорах. Может быть поэтому, переводческая деятельность, реже, чем другие, становится предметом специального обсуждения. Правда, среди нас есть энтузиасты

переводческой работы и анализа искусства переводов. Инициатор и организатор этой конференции – научный сотрудник Отдела Юлия Анатольевна Созина, которая является не только исследователем, но и активным переводчиком словенской художественной литературы, а также руководителем Российско-словенского семинара переводчиков, происходящего то в Словении, то в России, – во многом инициировал внимание институтских литературоведов к переводческому искусству, как предмету специальных исследований. Но одно дело двусторонний семинар, другое дело масштабная международная конференция. В Отделе истории славянских литератур было много и внутренних и международных конференций, но конференция, посвященная исключительно переводу как фактору развития российской, славянской, европейской, да и мировой культуры проводится в нашем Отделе впервые.

Данное мероприятие можно считать частью выполнения коллективного проекта «Роль России в распространении знаний о славянстве». Однако оно имеет не только вспомогательное, но и вполне самостоятельное научное значение, связанное с целым комплексом проблем трансплантации оригинального произведения в другую языковую среду. От переводчика зависит, примет ли переведенное произведение иноязычная среда, не померкнут ли в ней его достоинства, не станет ли оно там инородным телом и какие усилия надо приложить, чтобы «чужое» стало «своим», органично вписалось в инонациональную культуру. Задача конференции не только проанализировать разные аспекты переводческой деятельности, переводной литературы, познакомить друг друга с малоизвестными, но примечательными примерами переводческого искусства, расширить культурный кругозор каждого участника, поделиться личным и сторонним опытом переводов, но и нащупать какие-то болевые точки этой сферы деятельности, выявить проблемы спорные, продвинуть решение которых, возможно, помогут коллективные усилия.

В заключение хотелось бы процитировать яркие высказывания Татьяны Толстой о роли переводческого труда не только во взаимодействии культур, но просто в повседневной жизни людей: «Как-то раз мне попались в руки две книги Корнея Чуковского «Живой как жизнь» – о русском языке и «Высокое искусство» – о переводе. Книги гениальные <...> Я благодарна ему бесконечно за то, что он, как никто, научил меня видеть и слышать слово <...> Книги Чуковского меня устыдили и поразили. Помимо понятного мне, любимого и пластичного, казалось бы, знакомого русского языка и того, что на нем сочинено и написано, передо мной открылись необозримые пространства других языков, тоже кем-то любимых, тоже гибких и сверкающих <...> Вдруг стало понятно и то, что прекрасные книги, столь любимые мною, кто-то сочинил на своем невнятном для меня, темно бормочущем языке, а некто другой приклонил ухо, разобрал, понял и взял на себя тяжкий труд донести это до меня, перевести, переосмыслить, подобрать слова, сравнить, взвесить, чем-то пожертвовать, устроить и организовать, накрыть пиршественный стол, чтобы самому скромно уйти в тень примечания, отойти в сторонку, слиться с толпой <...> Мне открылась вдруг сполна тяжесть каторжного труда переводчика, подвиг его, ничем практически не вознаграждаемый, мало кем ценимый, потаенный. Подобно Адаму, он вынужден вновь и вновь давать имена вещам, предметам, понятиям чужого, тайно и буйно цветущего за оградой сада».

Однако писательница не ограничилась лишь осанной, а навела и критику на тех, кто ее заслуживает: «Оглядываясь назад, на гору прочитанной и забракованной мною иностранной литературы, я с горечью и сожалением осознаю, сколько прекрасных писателей, сколько чудных голосов загубили для меня гугнивые, косноязычные толмачи, криворукие и торопливые халтурщики. Равнодушные к русскому языку, рабы иностранных синтаксисов, они словно бы

никогда не брали в руки ни Тургенева, ни Гоголя, ни Бунина, ни Лескова»¹.

Можно выразить надежду, что научные мероприятия подобно нынешней конференции, будут всячески способствовать тому, чтобы в цехе переводчиков с любых языков возрастало число мастеров и сокращалось количество халтурщиков.

---

¹ Толстая Т. Н. Девушка в цвету. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. Стр. 94–97.

Роль русского восприятия «бравого солдата Швейка» в повышении его мирового престижа¹

Перевод произведения на другие языки – один из зримых показателей его ценности. По сути дела именно из переводных произведений складывается содержание понятия «мировая литература». Возможно, в анналах истории таятся еще не открытые человечеством, им еще не познанные, не признанные шедевры. А это значит, что они еще не нашли своих переводчиков.

Доклад посвящен той роли, которую сыграли в судьбе сатирической эпопеи Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка в Первой мировой войне» ее переводы на другие языки.

Первым из иностранных языков, на которые была переведена эпопея Гашека, был немецкий. Переводчиком выступила Грета Рейнер, немка, жившая в Чехии. Под заголовком «Die Abenteuer des braven soldaten Schwejk» произведение вышло в Праге в 1926 г.

С этого немецкого текста сделали русские переводы литератор Герберт Августович Зуккау (он перевел первые две части) и его жена Алиса Германовна, с которой они вместе перевели третью и неоконченную четвертую части. (Эти переводы вышли в ленинградском издательстве «Прибой» в 1927–1928 гг.) Первые советские рецензии на гашековскую эпопею, а их было довольно много, были откликами на книгу «Хашек Я. Приключения бравого солдата Швейка. Перевод с немецкого <...>». Только в 1929 г. первые две части романа Гашека («В тылу» и «На фронте»), переведенные непосредственно с чешского Петром Григорьевичем Богатыревым, известным фольклористом, членом Пражского лингвистического кружка, находившимся в длительной командировке в Чехословакии, вышли в Гослитиздате (М.–Л.) в 1929 г. под названием «Похождения

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

бравого солдата Швейка в мировой войне». Полный перевод эпопеи П. Г. Богатырева, признанный классическим, вышел в 1956 г.¹

Необходимо отметить, что каноническое название романа Гашека «Похождения бравого солдата Швейка в мировой войне», под которым его знают и любят многие поколения русскоязычных читателей – это результат коллективных усилий переводчиков и отступление от названия оригинала: «*Osudy dobrého vojáka Švejka*». Его точный перевод – «Судьбы доброго (хорошего, примерного) солдата Швейка». Грета Рейнер отказалась в переводе на немецкий от слова «Судьбы» – *die Schicksalen* – и использовала слово «Приключения» – *die Abenteuer*. Ее перевод вышел под названием «*Die Abenteuer des braven soldaten Schwejk*». На немецкую версию названия гашековской эпопеи ориентировался и Герберт Зуккау, озаглавив свой перевод «Приключения бравого солдата Швейка». Уже в переводе Греты Райнер «*dobrý voják Švejk*» стал не «хорошим или примерным», а «бравым». Утвердившийся в переводах Зуккау и Богатырева в высшей степени удачный эпитет – бравый – был подсказан обоим Гретой Рейнер, то есть немецким языком. В чешских словарях слово «*bravý*» отсутствует, в толковом словаре Травничека есть слово «*brav*», означающее «*drobný dobytek*» – мелкий скот.

Немецкое «*brav*» – слово многозначное, означающее: бравый, славный, добрый, честный, храбрый, полностью совпадающее с русской семантикой этого слова, как нельзя лучше подошло к солдату Швейку, именно не к «доброму», а к «бравому». Только в контексте романа слово приобрело иронический смысл, поскольку усердие бравого солдата, доводило до абсурда распоряжения вышестоящих чинов, помогая вскрыть и абсурдность происходящего.

Заметим, что П. Г. Богатырев, сохранив эпитет Греты Рейнер и Зуккау, внес свой нюанс в название романа Гашека, изменив до-

---

¹ См. подробнее: Глазкова Н. Л. Швейк шагает «левой! левой! левой!» // Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Книга первая. 1926–1940. М., 2012. С. 7.

вольно нейтральное слово «приключения» на слово «похождения», более весомое и точное, связанное с переменами мест, с отмерянными солдатскими сапогами расстояниями. Итак, именно под названием, которое дали эпопее не ее автор Я. Гашек, а переводчики с немецкого и русского языков, она получила свою широчайшую известность в России.

Гашек начал писать свой роман в 1921 г., и не в тиши кабинета, а в кабаках и пивных, среди простолюдинов, одного из многих (а именно солдата Швейка, кому уже были посвящены некоторые ранние, еще довоенные рассказы) он сделал героем своего нового произведения. Первые части он издавал вместе со своим другом, мелким предпринимателем Франтишком Сауэром на взятые в долг деньги. Первая часть романа вышла в марте, вторая и третья в апреле и мае 1921 г. Сами же – Гашек и Сауэр – и распространяли издание, носили в рюкзаках «книжки по пивным, вокзалам, просто продавали где придется. Но дохода не было», – вспоминала жена Гашека, Александра Гавриловна Львова, которая приехала с ним вместе из России 19 декабря 1920 г.¹ Интерес к роману, которому сам автор не придавал особого значения, возник неожиданно и четвертая часть пошла уже нарасхват. С автором связался издатель Адольф Сынек, предложил издавать «Швейка» у него в издательстве, подписал с ним договор, что позволило Гашеку нормально жить и интенсивно работать над «Швейком». Однако, несмотря на одобрительную рецензию Ивана Ольбрахта и позитивное отношение к роману лево ориентированных писателей, «Похождения бравого солдата Швейка» долгое время не воспринимались у него на родине всерьез, будто бы оправдывая народную мудрость о том, что нет пророка в своем отечестве. «Часть вины за это должен, по-видимому, взять на себя сам писатель. Он был первым, кто открыто высказывал сомнения в значимости своего творчества; пер-

---

¹ См.: Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Книга первая. С.13, 15.

вым, кто высмеял юношеское литературное тщеславие своих сверстников и, что еще важнее, – свою собственную литературную работу, нередко отзываясь о ней пренебрежительно лишь как о ремесле»¹.

Явную недооценку эпопеи Гашека у него на родине оспаривал тот горячий прием, который она находила в нашей стране. Настоящий бум популярности эпопеи и ее главного героя приходится в России на начало Великой Отечественной войны, что будет рассмотрено в процессе реализации проекта «Роль России в распространении знаний о славянстве», в статье «Русское восприятие эпопеи Гашека “Похождения бравого солдата Швейка” и ее международный престиж».

---

¹ *Пытлик Р.* Ярослав Гашек и «Похождения бравого солдата Швейка». Прага, 1983. С. 11.

К вопросу о переводе с греческого на старославянский средств вербализации концепта «место лишения свободы»

Лишение свободы как способ воздействия на человека известно с древнейших времен у большинства народов. Однако границы его применения для содержания под стражей до суда и в качестве отдельного наказания у европейских народов в средневековье вызывают споры.

С одной стороны, в ранних памятниках права – как славян (Правда Русская и др.), так и германских народов (Lex Salica и др.) – нет упоминаний о специальных местах лишения свободы, о процедуре схожей с современным содержанием под стражей и домашним арестом. С другой стороны, в славянских памятниках византийского происхождения (как литературных, так и правовых) такие упоминания есть. Аналогично, например, в отличие от Lex Salica, в Lex Visigothorum, основанном на римском праве, есть упоминания о тюрьмах (*carcer*) и содержании под стражей (*custodi*): «Si quis carcerem fregerit aut custodi persuaserit, vel ipse carcerarius aut custos eos...»¹.

В исторической науке и в науке истории права это противоречие до сих пор не нашло решения. Применительно к Древней Руси оно обуславливается также игнорированием диглоссии.

В 2012–2016 гг. на основе полного собрания русских летописей нами сформирована выборка известий, относящихся «до правоохранительной сферы Древней Руси». В результате было установлено, что места лишения свободы обозначались словами *темница*, *затвор*, *поруб* и *погреб*. На этом основании сделан вывод об использовании в летописях для описания реальных событий древнерусской жизни только слов *поруб* и *погреб*. Слово *темница* до 1402 г. использовалось исключительно в рамках цитат из переводных

---

¹ Lex Visigothorum VII.4.3.

с греческого источников, а употребление слова *затвор* в летописях в значении места заключения достаточно спорно¹.

До XV в. в условиях диглоссии слова *темница* и *затвор* можно отнести к лексикону старославянского языка, а *поруб* и *погреб* – древнерусского языка. На наш взгляд только в рамках второго южнославянского влияния слово *темница* при описании событий 1402 г. – пленения Родослава Ольговича Рязанского в Великом княжестве Литовском впервые используется для описания реальных событий, причем как синоним слова *тюрьма*: «в темницу, глаголемую тюрьму»².

Если на вопрос соответствия слова *тюрьма* латинскому *carcer* и греческому *δεσμοτήριον* можно ответить однозначно утвердительно, так как у нас имеются позднейшие описания тюрем московского государства как специализированных мест лишения свободы со специальным персоналом из тюремных сторожей и целовальников, то по поводу *погреба* имеются достаточно большие сомнения. В летописном материале отсутствуют сведения о его специализированной постройке как места лишения свободы, и вполне вероятно, что по необходимости туда могли сажать людей «рядом с соленьями». Слово же *поруб* использовалось в летописях исключительно как название специальной постройки для индивидуально содержания князей и в одном случае половецких послов.

Можно предположить, что с момента появления славянской письменности и до появления тюрем в XV в. на территории Древней Руси не существовало специализированных светских мест лишения свободы. С высокой долей вероятности этот вывод можно

---

¹ Подробнее см.: Сумин А. В. Диглоссия и древнерусская терминология сферы лишения свободы в XI–XV вв. (по материалам русских летописей) // Власть и общество. Воронеж, 2016.

² Подробнее см.: Сумин А. В. О первом упоминании тюрьмы в русских летописях // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. МГУ. Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – М., 2015.

распространить и на другие славянские земли в IX–X веках¹. Ввиду отсутствия летописных данных подтверждением этому могут сложить данные лингвистики.

При переводе с греческого языка на старославянский язык средств вербализации концепта «место лишения свободы», должны были использоваться соответствующие славянские слова.

Внести вклад в изучение проблемы межкультурной социолингвистической лакунарности и ее компенсации могло бы сопоставление лексем *тъмница* (*темница*, *тъмница*) и *затворъ*, вербализующих концепт «место лишения свободы», и переводимых ими греческих терминов. Указанные два слова, на наш взгляд, можно считать старославянскими, так как они присутствуют и в Старославянском словаре², и в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. В то время как слова *пору́б* и *погреб* отсутствуют в старославянских рукописях X–XI веков.

При переводе греческих слов, объективирующих концепт «место лишения свободы» возникает вопрос об аналогичных явлениях в славянской действительности и их названиях. При отсутствии такого аналога могло использоваться некое близкое слово или же искусственно сформулированное на основе близких славянских терминов.

Словом *тъмница* переводился ряд греческих слов, применявшихся для обозначения мест лишения свободы. Рассмотрим их подробнее:

δεσμοτήριον³ – тюрьма;

εἰρητή⁴ – место огороженное, ограда, тюрьма;

---

¹ Предположение делается исходя из общности социально-политического развития славянских племен, но исследования о лишении свободы у западных и южных славян нами не проводилось.

² Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р. М. Цетлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. С. 233, 714.

³ Здесь и далее используется: Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – СПб. 1899.

⁴ Там же. Стб. 378.

ἰπλό-δρομος – ипподром, ристалище (для верховой езды или колесниц);

χαταδίχη¹ – приговор против кого; наказание, штраф;

πραϊτώριον – лат. *Praetorium*;

φρουρά² – стража, гарнизон, вообще охрана;

φύλαχη³ – стража, караул, охрана (означает и действия стерегущего, и лицо стерегущее, и место, находящееся под стражей – или темницу).

Со словом *темница* использовались глаголы *затворити* и *заключити*⁴.

Словом *затворъ* в значении тюрьма / темница переводилось слово *χατοχη* – задерживание (ион. позд.)⁵. Учитывая наличие всего двух примеров его употребления в указанном смысле (у слова *темница* – более 100), а также двойственность фразы «в затворъ быти», которую можно перевести и как «быть задержанным», вызывает сомнение наличие семантического компонента «место лишения свободы».

На основании проведенного лексико-семантического анализа, можно предположить межъязыковое этимологическое различие средств вербализации концепта «место лишения свободы» в греческом и старославянском языках. Если греческие происходят от значений – «стража», «охрана», «ограниченное место», «наказание», то старославянские основаны на значениях – «темное место», «закрытое (затворенное) место». В пользу этого может говорить и употребление глаголов *затворить* (закрыв дверь) и *заключить* (закрыть ключом) со словом *темница*.

На основании лексико-семантического анализа можно также попытаться восстановить и облик реальных строений, называемых

---

¹ Греческо-русский словарь. Стб. 668.

² Там же. Стб. 1327.

³ Там же. Стб. 1329.

⁴ Там же. Стб. 695.

⁵ Там же. Стб. 695.

темницами. Этимологически слова «темница» вероятнее всего происходят от слова «тьма»¹. Можно предположить, что оно обозначает некое темное место, куда не проникает солнечный свет, что подтверждается другими его значениями, несодержащимися в старославянских рукописях X–XI вв., но имеющихся в старославянском языке древнерусского извода².

Можно предположить, что славянское место лишения свободы – это темный погреб, закрытый сверху дверью, возможно, на ключ. Отсутствие значений «охрана», «огороженное место», «специальное государственное строение» (преторион) может свидетельствовать о неимении «тюремного тына», то есть отдельной территории под место лишения свободы, и специализированного персонала, сторожей, свойственных большинству тюрем в развитых государствах. В таком случае *темница* не являлась аналогом русских тюрем XV–XVII вв., представлявших собой избы в два бревна с окнами и решетками и с тюремным тыном, что гуманнее, чем подземное содержание.

---

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т-ящур) // пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. С. 40.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3 (р-я) // СПб. 1912. Стб. 1083–1084.

**«Фауст» Гете и славянофильская идея:
к истории трех переводов**

В отделе редких книг Научной библиотеки Казанского университета нами обнаружен неизвестный текст – «Фаустъ и Маргарита Гёте»¹, «съ немецкой переделки для сцены» (1880). Безымянный сочинитель скрылся за монограммой Н. Б. Литературная «маска» выступает под литеральной номинацией.

Текст записан в тетради классического формата. Порядковая нумерация страниц отсутствует. Тетрадь не содержит инскрипт и маргиналии. Выходные данные значатся только на карточке. На ней же указано число страниц – 100. Цензурное разрешение приводится в начале и в конечном титульном листе (в колофоне):

Ко представлению дозволено.
С. Петербург. 19 января 1880.

Ставлению дозволено. С. Петербургъ. 19 января 1880 г.
Верно: заведывающий дело производствомъ
драматической цензуры.

Разрешение, без верифицирующей подписи, снабжено печатью. Обоснование цензуры придает тексту значение ситуации последнего слова. Произведение превращается в свершенное дело. Воспроизведенный вручную текст несет в себе метафору жизни. Эта вещь уникальная: литографированных оттисков не было или они не сохранились. Его так и не превратили в стройный печатный экземпляр. Изданное печатным способом, оно имело бы иной общественный вес.

---

¹ Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Очевидно, текст записан не под диктовку: это четкое, социально-допустимое письмо, без сокращений слов. Здесь нет «темных» мест, подлежащих расшифровке, отсылок к фактам и событиям, лежащим вне текста. Некоторые фразы перевода перечеркнуты крест-накрест, косой линией (и еще каждая строчка может быть зачеркнута прямой линией) – лиловыми чернилами или синим, черным карандашами. Н. Б. использует разные приемы активизации графического облика текста: подчеркивания, шрифтовые выделения, авторские знаки препинания. Переводчик отступил в тень. Осталась монограмма как последний образ. Неизвестна его социальная квалификация – происхождение, образование, род деятельности. Н. Б., вероятно, являлся выходцем из театральной среды – это его социальная характеристика. Он не схоласт и не педант: человек, не лишенный беспорядочной фантазии, – характеристика психологическая. Для такого перевода требуется начитанность; Н. Б. дает руководство к постановочной деятельности – характеристика профессиональная.

Необходимо дать адекватное описание «переделки» Н. Б. как явления языкового и поэтического. Уже заглавие текста подсказывало читателю, как настраивать свои чувства. Прототипическими для трагедии Гете являются названия греко-романской драмы. Обычно они были представлены именами героев: «Прометей Прикованный», «Антигона», «Медея», «Ипполит», «Два Менехма», «Октавия» и т. д. «Фауст и Маргарита Гёте» имеет иную жанровую генеалогию. Новонайденный перевод логичнее включить в контекст переделок для сцены, оперных либретто и балетных сценариев. Преемственность персонажей перевода с трагедией Гете выявляется через посредничество либретто. Наряду с отношением текст-адресат, включаются иные факторы. Такие как формы восприятия, инсценировка, театральность.

По наблюдению К. И. Чуковского, при изучении перевода необходимо найти «ту доминанту ошибок, при помощи которой

переводчик навязывает читателю свое литературное Я»¹. Писатель прибегает к понятию «доминанта», разработанному в русской формальной школе².

На наш взгляд, такой «доминантой отклонений от подлинника»³ является неупорядоченная дискретность и подчеркнутая фрагментарность сцен. Именно она определяет «качество» деформации. Для перевода характерны комбинации сцен, сокращения. Н. Б. нарушает ритм, который создается симметрией элементов внутри фрагмента и самой сменой фрагментов. Не переводит прологи к трагедии. Он переставляет местами строфы или опускает их. В сцене «Ночь» финалом становится не пение хора ангелов, а начало действия.

О, райские! Божественные звуки!
Вы, съ неба къ намъ, залетные друзья!
Я слушаю... и замирають муки
И плачу...и смиряюсь я (*отставляет чашу*).

Вводятся вымышленные персонажи. Например, слова Фуста «Прошла зима! Весна настала снова!» произносит «старикъ» (действие 2-е, явление 3-е).

Таким образом, вопросы точности в данном случае вторичны. Перевод интересен другим. Текст демонстрирует набор приемов, которые казались достаточными и убедительными для сценического воплощения. Автор, с помощью своеобразного «удвоения», создает эффект «плеоназма». Он проявляется на всех уровнях, «участвующих» в семантико-смысловом функционировании текста (грамматика, поэтическая семасиология т. д.). Примыкающие друг

---

¹ Чуковский К. И. Искусство перевода. М.–Л.: Academia, 1936. С. 26.

² Доминанта – методологический принцип. Заимствован формалистами из гештальт-психологической теории Б. Кристиансена, изложенной в его «Философии искусства». См.: *Christiansen B. Die Philosophie der Kunst. Berlin-Steglitz: V. Behr's Verlag Friedrich Feddersen, 1912. S. 43–44, 234, 242.*

³ Чуковский К. И. Искусство перевода. С. 27.

к другу буквы в монограмме Н. Б. образуют диграф. В диаде заглавия «Фаустъ и Маргарита Гёте» имя писателя создает «уравновешенную» асимметрию. Эффекту «плеоназма» способствуют жанровые и стилистические приемы: паремическая мифология, набор фабульных клише, редупликация, итерация, эмфатический стиль. Избыточный ассоциативно-паратактический синтаксис сменяют экспрессивно редуцированные предложения.

Н. Б., вступая в сотворчество с Гете и с автором «немецкой переделки», соотносил свой перевод с отечественной культурой. Именно в ней произведение должно было стать (но не стало) театральным фактом. Возникает явление двойной соотнесенности текста, «интерференция» двух мировоззренческих перспектив. Одно высказывание передается внутри другого. Для разработки чужеземного сюжета отыскиваются материалы в русской традиции. За мотивами, восходящими к иноязычному источнику, просматриваются его славянские аналоги. Переводчик старается придать «кириллическим» одеяниям природный вид. «Какъ попадья, я не боюсь чертей – / За то и радостей простыхъ людей не знаю»; «Начинь всему: изъ этихъ стень уйдемь!»; «Что леший и кружить и бьеть». Вместо «Фульского короля» Маргарита исполняет традиционную жалобную песнь. Для нее характерно двойное ударение – музыкальное и силовое.

Улетель мой покой
Навсегда-навсегда.
Мне его ужъ не знать
Никогда-никогда!
Где его нетъ со мной,
Тамъ мне гробъ глухой,
Безъ него целый миръ
Для меня постыль.

*

Для него одного
Я въ окно гляжу,

Для него одного
На людей выхожу.
Поступь гордая!
Молодецкий видь!
Улыбнется-то...
Взоръ огнемъ горить!

*

Говорить начнеть,
Весь взволнуется!
Какъ онъ руку жметъ,
Какъ целуется.

Многие слова фольклора обладают «двойной жизнью». Они обозначают предметный мир. В то же время являются символами: в традиционных смыслах актуализируются архетипические представления. Два семантических пласта фольклорного слова связаны между собой. Потому оно кажется изменчивым, неопределенным (хотя в пределах одного жанра не отличается излишней многозначностью). Для Н. Б. архаический фольклор (звучащий, изобразительный) – особая форма знания. Для ритуального связывания разрушительных энергий необходима прагмасемантика народного искусства, в котором приводились формулы управления стихиями¹. Оно всегда защищало человека.

Переводчик ориентируется на «общие места», аксиоматические суждения. Поэтические формулы представляют собой полигенетические цитаты. Они воспроизводимы и – в то же время – безличны: «въ горній мірь стремленью», «чаша смертная», «какъ мученикъ, въ темнице», «лучъ денницы», «кубокъ наслажденья»,

---

¹ Выдающийся словенский лингвист Ф. К. Миклошич постоянно ссылается на авторитет Гёте, когда обращается к южнославянской народной поэзии и к «народной психее»: *Миклошичъ Фр.* Изобразительныя средства славянскаго эпоса (читано въ заседаніи Венск. Акад. наукъ 3 іюня 1889 г.) / Пер. с нем. А. Е. Грузинскаго. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Ролана, 1895. С. 2, 5, 18, 27.

«молодости пыль», «избытокъ силь», «омуть вечнаго забвенья», «удель земной», «пучина преступлений», «вся бездна мрачная греховъ», «смиранный уголокъ». Это способ образного мышления о мире в категориях, выработанных индивидуальной и коллективной поэтикой. Постепенно стирается форма словосочетаний, «изнашивается» экспрессивность их значений.

Н. Б. включает «чужое слово», повторяет рифмо-синтаксические формулы («Я знаю только то что ничего не знаю!»). Некоторые строки являются текстуальными, метрическими цитатами из стихотворений Пушкина. Переводчик заимствовал их тональность, ритмический рельеф. «Да, в прочемъ, что же въ имени тебе моемъ?»; «О, чистой прелести чистейший цветъ!». Происходит символизация и семантизация личного опыта отдельного человека. Он «перекодируется» в опыт культурно-узнаваемый. Стихи обретают глубокий смысл полноты душевной: власть поэзии над сердцем.

Графический образ имени Н. Б. направляет читателя по пути противопоставления графемы и фонемы. Звуковые повторы паронимического типа сменяются резким антитезисом. Такие поэтические средства, как созвучия, корневого повтор, звуковые контрасты, «спутанные перебои звучности»¹, короткие синтаксические отрезки характерны для добрословия, «азианского» красноречия.

Автор приводит двусловные фразы, двуфразовые высказывания: «Стой время! И коса ломайся!» «Не бойся! Договора не нарушу!»; «Э! горя неть!»; «Давай-ка мантию! Снимай колпак!»; «Я прощена!.. Я спасена!...» Н. Б. прибегает к редупликации: обычно повторяет не один или два слога, но целое слово. Редупликация в существительном превращает единственное число в собирательное

---

¹ Об изменчивом узоре «в том или ином отношении к изгибу мысли стихотворения» писал А. В. Артюшков, замечательный переводчик античных авторов, ныне забытый. – См.: *Артюшков А. В. Звук и стих. Современные исследования фонетики русского стиха / С предисл. проф. А. М. Пешковского. Петроград: Изд. «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1923. С. 26, 39.*

или множественное число. В глаголе указывает на продолжение или законченность. В прилагательном, наречии, местоимении, предлоге – на интенсивность или преувеличение. «Пора, пора сказать: / Я заслужил такое наказание»; «Тогда, тогда [написано другим почерком] / Владей, владей – мной!»; «Ахь, докторь! Право ты чудакъ / Давно-бы такъ! Давно-бы такъ!»; «Въ светъ, въ светъ ударимся / Въ светъ маленький сначала / Потомъ въ большой»; «Гляди, дружокъ, гляди!»; «на ковре на самолете»; «И вотъ мой мир да весь онъ мой!»; «Нетъ, кровь такая жидкость что такой / Не сыщется другой»; «Горю! Горю!.. пылаю... адъ!»; «Ты, это! Ты все-сильная любовь»; «Все виноградъ! Да виноградъ!»; «Другъ! / Не вдругъ! Не вдругъ!»; «...Намъ вера... вера намъ нужна»; «Дитя. Дитя!.. Спроси ну, хоть кого!..»; «*Фаустъ*. Оставимъ это милое дитя. *Маргарита*. Нельзя, нельзя»; «Все, все отдай – мне да въ ответъ»; «Иди-же, иди... / Отторгнутый у неба – для земли»; «Отчаянье! Отчаянье!.. Ну, где-жъ она-то? / *Фаустъ* (*громко*). Грѣхень... Грѣхень!..» Смысл также дублируется с помощью устойчивых сочетаний, эмотивных фразеологизмов: «Но что-жъ, въ конце-концевъ»; «Но, впрочемъ, намъ не оттого-ль / Всегда и слаще хлебъ-да-соль?»; «Неразрешимыхъ хоть ты плачь»; «Когда отъ наслажденья / Хоть въ жизни разъ я буду самъ не свой».

Некоторые значения, употребляемые в эмоциональном контексте, обрастают в переводе синонимическими и синонимобразными группами слов (семантические дивергенты). «Уплотнение» синонимов осуществляется при их использовании в качестве однородных членов. «А въ глубину, въ ихъ суть не проникаемъ»; «Себя лишаль всего, и мучилъ человекъ»; «О, райскіе! Божественные звуки!»; «Ведь, все что здесь копошется и шевелится». В таком употреблении синонимов повтор сводится к перечислению – одной из основных характеристик поэтики сакрального текста. Аккумуляция, однако, редко доходит до концентрации семантически дополняющих друг друга слов. Она выражается обычно в соединении близких по значению эпитетов и создает избыточность информации.

Генетивные метафоры приводят к семантической несогласованности, сочетанию неродственных состояний («тоска высоких истин и задач»). Смысл конденсируют аппозитивные конструкции. Большая часть из них имеет уже формульный характер (ум-разум, тоска-кручина). А также конструкции, в которых неразрывность лексем объясняется сопряженностью денотатов (хлеб-да-соль, водица съ молокомъ) или соединением противопоставленных половин единого. «Не пишут больше ни съ рогами ни съ хвостомъ»; «И съ ногъ до головы приличный видъ»; «Ты съ ногъ до головы преобразишься весь!..» Происходит нивелирование видовых различий, то есть десемантизация значения отдельных лексем при одновременном усилении общего смысла нового сочетания.

Эффект «плеоназма» усиливает стилистическая фигура прибавления – градация. «Ни мудрости себе подь старость не прибавиль, / Ни даже денегъ иль связей, / Ни славы, ни друзей»; «Но – будеть! Все, что ты зовешь грехомъ, / Уничтоженьемъ, смертью, зломъ...»; «Все въ этомъ мире дымъ и чадъ»; «Я слушаю... и замирають муки / И плачу...и смиряюсь я»; «Словами: “плуть! мошенникъ! воръ!” всегда / Прямую вашу сущность означаютъ». Многочисленны примеры анафоры: «Что толку въ томъ что я толпы умней? / Что предразсудковъ съ ней не разделяю?»; «Нетъ, мы наукою себя лишь обольщаемъ! / Мы роємъ кладъ – находимъ же червей! / Мы подбираемъ лишь названья для вещей...»; «Есть въ жизни радости, / Есть в мире ликованье!»; «Жизнь хороша, полна очарованья, / А жизнь-то я, всё жизнь и обхожу». Анафорой объединяются смежные стихи. «И» членит текст на отрезки, близкие по протяженности к двустишию: «И самъ тебе я вериль въ томъ когда-то!.. / И мучился что, захлебнувшись ей, / Съ тобою рассчитаюсь клятвою моей!»

В переводе есть особого рода случаи, когда повторяется основной признак синтагмы: «мракъ ночной», «черепъ гробовой». «Семантическая тавтология» выражает тавтологичность меланхолии. Избыточное нанизывание однокоренных слов приводит к тавтологической тесноте семантического ряда: «И никто не пикни! /

Все молчекъ да молкъ!» Интенсификация признака происходит в многочисленных атрибутивных конструкциях: «темь темный», «темень темная», «темь-темная, Вальпургиева ночь страстей». Это случаи чистой предикации, усиленного утверждения факта существования. В риторических фигурах типа парегменон повторяется тот же корень в разных словообразованиях: «судомъ... / Осуждена!...» *Figura etimologica* является знаком архаической поэтики. Гармония особого рода состоит в обращенности на себя. Постоянное возвращение заключает текст в циклически замкнутое время. В одном событии концентрируются итеративные или дуративные характеристики.

Фрагменты текста строятся на уподоблении концептов. Например, тень – метафора смерти Гретхен.

Фаустъ.

День наступаетъ... заблелнела ужь ночная тень!

Маргарита.

Да! Наступаетъ! Мой последний день –
Заместо сватъбы!

Перевод осложнен энклитиками «то», «ль», «ли», «ка», «жь»: «Давай-ка мантію»; «Смотри-ка: я въ наряде-то какомъ!»; «Вольно-жь мне было ихъ не тамъ искать / Где следуеть?»; «Кто-жь ты такое?»; «Не правда-ль, целый векъ стремится»; «Все прелести такія – / Моя-то собственно и есть стихія!»; «А кормъ-то подь-носомъ у ней рас-теть!!»; «Чортъ, слышишь-ли, тебе я продалъ душу!»; «Упившися моимъ-то эликсиромъ – / Ты скоро насладишься міромъ...»; «А страшна-ль она? Ни-чуть. / Такъ вотъ и съ мудростью. / Стра-шить она сначала. / А ужь кто вкусить-то»; «Всехъ-то-знай куса-еть / Стая жадныхъ блохъ»; «Нетъ, где-жь нашъ Рай? / Все кисти-то висели винограда!»; «Философа, духовника-ли своего, – / И вечно лишь такой ответъ дадутъ»; «Но кто-жь тутъ былъ? Въ такую тем-ноту одинъ, / И въ поздний часъ такой...»

Переводчик охватывает разные временные периоды. «Когда хоть одному мгновенью / Скажу: “Постой! Такъ дивно ты!” / Веди меня въ свои владенья – / Хаосъ ничтожества и тьмы. / Мой смертный часъ тогда раздайся! / Со мной расчелся ты вполне!» Быстрая смена модальностей происходит и логически, и с помощью лингвистических приемов (аттракция и т. д.).

Явление 2.

Фаустъ и Мефистофель появляется из-за печки и идетъ къ Фаусту.

Мефистофель.

Ты звалъ меня,

Ну, вотъ и я.

Фаустъ.

Какъ звать тебя?

/: Мефистофель молчит, жметя. Фаустъ наступает: /

Ты слышала мой вопросъ. Какъ звать тебя?

Глаголы могут быть представлены в ирреальной и отрицательной модальности. Они следуют в сверхтемпоральном имперфекте:

Если-бъ только могла –

Какъ его-бъ обняла!

И держала-бы!

Целовала-бы!...

*

И ласкала-бы

Сколько хочется!..

Отъ него ко мне –

Отъ меня къ нему –

Сердце просится...

Прошедшее время может служить для выражения настоящего – во фразах общего значения, в сентенциях, изречениях. «Изъ-за

чего же – спросишь – целый векъ / Себя лишаль всего, и мучиль человекъ: / Кому какую пользу темъ доставиль?» «Зови хоть чортомъ. Дело въ томъ: / Въ наш векъ такъ изменились нравы! / Такой прогрессъ во всемъ, – / Что даже дьявола коснулся онъ. / Чертей ужъ нынче даже для забавы / Не пишутъ больше ни съ рогами ни съ хвостомъ». Такое употребление времен напоминает гномический аорист в древнегреческом языке. Он служил для выражения действия, которое могло относиться к будущему, к настоящему и прошедшему. В русском языке для гномического употребления подходит «настоящее историческое» время (*praesens historicum*). Оно выразительно и наглядно воссоздает всю картину, переносит читателя в момент совершения действия. Может служить для передачи «узкого» настоящего («Я слушаю... и замирають муки») или же действия, не относимого ни к одному из точно обозначенных времен («Мы роємъ кладь – находимъ же червей!»).

Ритм проявляется в акцентировке фонем, в расстановке цезур, в межстрочных переносах:

Вотъ шляпа с перьями, и шпага подъ плащемъ (*треплеть по плечу*).

Заживемъ, съ тобой, вдвоем.

Ну, право, мой советъ тебе переряОдиться [карандашом исправлено «я» на «о»],

Людей и светъ узнать!

Гетероморфность, то есть сочетание стиховых размеров и систем рифмования, приводит к сбоям. Они нарушают закономерности, обозначаются просодически-ритмическими сигналами. Эмфатический стиль передают бессоюзие и многосоюзие: «Но где-же лошади? где люди? экипаж?»; «И будетъ нынче-же она моей? / Да? Да? Не правда-ль?»; «Вымыть и прибрать, / И пяльцы. И чулокъ, и кухня, и стряпня, / На побегушкахъ быть... туда-сюда...» От предложений остаются лишь эллиптические следы отдельных

слов. Происходит редукция к паратактическому, «отрывистому» синтаксису.

Н. Б. рифмует слова функционально разнородные: грудь – ни-чуть, есть – весь, приму – ему. «Чтобъ и ребенокъ матернюю грудь / Взять сразу? А страшна-ль она? Ни-чуть»; «А ужъ кто вку-сить-то. Ну, самъ / Такъ и прильнетъ къ ея сосцамъ»; «И платье всякое, и косметики есть – / Ты съ ногъ до головы преобразишья весь!..»; «А я, переважно здесь его приму. / И за тебя дамъ аудіенцію ему». Синтаксические функции этих слов различны. На фоне их звуковой родственности, подчеркнутой рифмой, резко воспринимается функциональное несходство. В новом контексте меняется «семантическая» атмосфера привычных понятий. Воздействие соседних слов осложнено звуковыми соотношениями. Возникают непривычные коннотации. Н. Б. соединяет отдаленные семантические ряды по принципу контраста и «алеаторики». Читатель может соотнести денотативное значение с другими факультативными (побочными) значениями. Ему открываются семантическое, или ассоциативное поле, спектр ассоциаций. Впечатление удвоения создают знаки препинания (либо их отсутствие) и типографские знаки. «О, райскіе! Божественные звуки!»; «Дай все – что жизнь, даетъ и светъ!»; «А кормъ-то подь-носомъ у ней растеть!!»; «Я на-небе! Помолодель я вновь!».

Словарный состав перевода соответствует общим национальным потребностям. Но для него характерно более широкое, чем в обычном языке, использование фонетических изменений, искажение внешнего вида слов. Сознательно наивный язык деформирован грамматикой: «Костюмъ профессорскій мне страхъ пристанеть». Избегая резких областных черт, Н. Б. иногда сохраняет бытовые термины, неправильности, имеющие диалектологическое происхождение. «Где-жъ маменьке взяться было / Съ такой крохулькой, червякомъ?». Прибегает к эпентезирванным диалектным и просторечным формам, к стилистически неуместной просодии. «Упившися моимъ-то эликсиромъ»; «Кафтан пунцовый / Совсемъ

новый (Повертывается)». В текст перевода вводятся аналоцизмы: локальные реалии, не свойственные обстановке подлинника. Народные, диалектические обороты известны в литературном языке. Гете мог выразить высокое содержание в формах диалекта. Как и русский язык, немецкий удовлетворял лексические потребности богатством словарных расхождений своих диалектов. Посредством словосложения легко увеличивал число слов.

Именно с помощью «плеоназма» Н. Б. пытается компенсировать отсутствие мифологической легитимации в своем переводе. В творчестве Гете тесно связано мышление религиозно-мифологическое и языковое, царство мифа и сила Логоса. Так, в оригинале трагедии Мефистофель обозначает себя с помощью различных перифраз (дескриптивных либо денотативных). Возникает параллелизм имени собственного и дескриптивной перифразы: «Ein Teil von jener Kraft, / Die stets das Böse will und stets das Gute schafft» («Часть силы той...»). Строки-«половинки» в этом двустишии идентичны по ритмическому построению, по наполнению ударными гласными. Сочетание мифологической и библейской лексики Н. Б. переводит просто: «Зломь творю благое».

Сентиментальная аранжировка сюжета превращает трагическую сцену в мелодраму. Центр тяжести перемещается с темы соблазна, дьявольского искушения на коллизию разоблачения, изгнания лицемерного, скрытого злодея. Сокровище становится не сокровенным, но только соблазнительно-прикровенным. Линия трагической любви присутствует в переводе в форме балладных мотивов.

Комплементарный ряд создают исправления редактора, сделанные другим почерком. Они предстают в качестве метатекста (поэтологического метаязыка). Необходимо разделять два уровня произведенных вымарок: правку внешнюю («конъюнктурную») и собственно художественную, смысловую. Речь идет об изменении задания, перемене литературного вкуса. Правка не кажется педантичной и состоящей из мелочных упреков. Регламентация подчиняет язык приличию, «снимает» то, что противно хорошему

вкусу. Редактор пытается вытеснить дилетантскую неискушенность, сгладить общую беспокойность речевой манеры. Для его доработок характерны движение к лаконичности и обобщенности: отсюда сокращения, перечеркивания, проекты поправок, адаптация текста. Он вводит нейтральные формы вместо украшающих и конкретизирующих тропов и эмоционального синтаксиса. Редактор старается разделить «поэтические» и «прозаические» элементы в языке. Он вычеркивает сцену с горожанками. Это «просто люди», вовлеченные в перипетии уличной жизни. Выверщик заменяет прозаизмы словами высокого стиля. «Отведать всех твоих [зачеркнуто] **земных сластей**». Поверх тщательно зачеркнутого слова редактор вписывает свой вариант, подчеркивает и выделяет жирным шрифтом. Он оставляет возможность недосказанности, неполного высказывания. Полагает, что в переводе речевое намерение не совпадает с исполнением. «**Ну**, [зачеркнуто карандашом] только на моих руках бывало, / Бедняжка и засыпала. Возьму – ей счастье и покой». «Ну, поминутну просыпалась! / То покормить, то повернуть. / **Еще там что-нибудь** [зачеркнуто карандашом]. / Возьму, бывало, на-руки: баю-баю! / То похожу, то постою... / А утром: **шлепь ее въ корыто!**» [зачеркнуто карандашом]. «Что там такое **онь бормочет** [зачеркнуто карандашом] **ты лепечешь – ангель мой?** [написано сверху, чернилами]».

Человек, выверяющий текст, сглаживает впечатление повторения, удвоения. Он вычеркивает палилоги, этимологические фигуры, энклитики. «**А тамь и день-деньской!** [зачеркнуто карандашом] на рынокъ / И каждый день-то въ хлопотахъ, / **В заботахъ да въ трудахъ!** [зачеркнуто карандашом]». «Ахъ, какая тоска смертная, / Какой у меня адъ въ груди. / Одна ты, видишь, милосердная, / **Одна ты!.. / О, горе!.. ужь не знаю / Чемь только кончу я!.. / Все плачу и рыдаю, / Рыдаю, плачу я...** [зачеркнуто карандашом]». «**И темь темный кругом** [зачеркнуто карандашом] / И теменью темной / Ужь все заволоклось!.. / Въ душе моей больной / Такой-же мракъ ночной!..»

Особенно много зачеркиваний в сцене «Фауст и Маргарита в темнице». Например, редактор купировал строфу, построенную на аффиксальных, этимологических паронимах: «*Маргарита*. Полночка! Помешкай со мною. / Ведь, ужь я-ли не мешкала для тебя – / Какъ самъ ты замешкался у меня! / *Фаустъ*. На-спехъ скорей! Здесь пробудемъ – / Только себя погубимъ». Зачеркивает косой линией, и еще раз прямой линией каждую строчку отрывка, построенного на банальных рифмах: тень – день, изъ силъ – не приходиль, для чего – его. «*Фаустъ*. День наступаетъ... заблелдела ужь ночная тень! / *Маргарита*. Да! Наступаетъ! Мой последний день – / Заместо сватьбы! – Никому ни слова / Что ты... у Грётхен былъ! / Ужо увидимся снова, – / А теперь мы оба выбились изъ силъ!.. / Ужо... Нетъ, лучше-бъ ты не приходиль». «Народъ толпится, знаютъ для чего! / Площадь, улица не вместятъ его...» Второе из двух рифмующихся слов включено в первое: возникает эхорифма «чего – его». Паронимическая аттракция выражает поглощенность чувством.

Редактор пытается согласовать синтаксический строй, интонационное построение с условиями речевого обмена. «И съ ногъ до головы приличный видъ» [над словами «съ ногъ до головы» карандашом поставлены цифры 2, 1 соответственно). «**Ужъ** [зачеркнуто карандашом] / Какъ я – товарища другаго не сыскать». «Тамъ **приготовилъ я воды целебной** [зачеркнуто карандашом], / **И** [зачеркнуто карандашом] платье всякое, и косметики есть». «*Валентинъ* (въ кругу солдатъ, выходитъ впередъ съ кружкой). Кто не слыхалъ изъ васъ – скажите – / Объ ней-то [зачеркнуто синим карандашом] **моей-то** [зачеркнуто черным карандашом] **милой** [вставлено над строкой] Маргарите?» Редактор осуществляет перемену речевой характеристики. «**И** [добавлено другим почерком] Вас, **государыня, хоть** [зачеркнуто] **сударыня** [дописано внизу] **позволите ли мне** [дописано вверху и тоже зачеркнуто] до дому проводить!..» «*Маргарита*. Ну, что же? [Зачеркнуто карандашом]. / Ты какъ захочешъ – вверишь всякаго въ себя!»

Это, по сути, текст-черновик с многочисленными поправками, то есть «открытое» произведение. В переводе Н. Б. нет проникновения в суть вещей, необходимого для понимания оригинала. Трагедия Гете становится культурной «реликвией». Она служит прибежищем для идей, верований, обычаев, не относящихся в действительности к ее контексту. Перевод позволяет уяснить широкую перспективу развития языка, включая генезис языка. Текст образует необычное сочетание смыслов, исполнен лингвистических откровений. «Незаконные» допущения переводчика касаются природы языка и, безусловно, инициируют семантические сдвиги. Можно сделать осторожное допущение. Именно с помощью эффекта «плеоназма» переводчик сохраняет состояние перехода персонажей из одного мира в другой.

Н. Б. имитирует особенность «идеального» фольклорного текста – повторение. Оно носит характер тотальный и принципиальный. Звук, морфема, слово, синтагма, предложение (и более пространственные фрагменты текста) захвачены разного рода повторами – вплоть до семантического уподобления концептов и символов. Повторение имеет сакральный смысл и назначение. С его помощью конкретное событие включается в цикл отождествлений, обретает значение того, что было всегда. Переводчик сохраняет за повторением его аффективный смысл, столь важный для Гете: избыток (излишек) и нехватка. Те начала, которые Гете заключил в связное целое, не оказались разделенными, разобщенными.

Перевод, пройдя через иное семантическое содержание, нежели то, которое сообщается в оригинале (хотя и связано с ним), дает читателю еще несколько идей. Обнаруживается такая бытийная глубина, которая, может быть, не предполагалась Н. Б.¹

---

¹ В оценке Я. Гримма, коллективное, первобытное выше индивидуального, современного; обычно великий человек отвечает за единство взгляда, за целостность обобщения. С точки зрения Гримма, в этом смысле поэзия Гёте менее значительна, чем старинная мифология. – См.: Achim von Arnim und die ihm nahe standen: Achim von

Изучение глубинных слоев культурного наследия возвращает процессу его сложный реальный объем, внутренние связи и непрерывность.

Подведем итог. Представления Гете о переводе являются эталонными и «экспертными». Гете, с его обостренным чувством поэтической цельности мира, писал: «Сущность всегда надо иметь перед собой и не убивать ее словом»¹. Для русских переводчиков «сущностью» стали «деяния и претерпевания» (*Taten und Leiden*) и «чистота человеческого смысла» («*Die Sauberkeit des menschlichen Sinnes*»). Переводы трагедии «Фауст» представляют собой серьезный материал для анализа разных переводческих стратегий, существовавших в России на протяжении двух столетий. Важна комплементарная функция сравнительных исследований. Филологу, работающему над литературным переводом, необходимо исследовать переводческую серию: от перевода второй части трагедии Овчинникова до переводов Семперверо, Соколовского, Холодковского и Пастернака. Необходим надежный компьютерный свод хотя бы основного корпуса переводов трагедии.

Подход Н. Б. можно назвать ассимилирующей переводческой стратегией. Вступая в сотворчество с Гете, он соотносит свой текст с национальной литературной системой. Обращается к славянской мифологии и фольклору, к народному эпосу. На основе произведения Гете переводчик создает концепцию славянства. В ней доминируют такие категории как дух, слово, национальное предназначение. Переводчик воспроизвел особенные черты региональных общностей, в переводе одного текста проявилась дифференциация национальной культуры на субэтническом уровне.

Arnim und Jakob und Wilhelm Grimm / Bearb. von R. Steig und H. Grimm. Stuttgart: J. G. Cotta, 1904. S. 116.

¹ К. А. Свасьян цитирует эти строки, доказывая, что философский праксис Гёте исчерпывает темы эйдетической феноменологии. – См.: *Свасьян К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика*. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. С. 95.

**Пути концептуализации прецедентных топонимов
в поэтическом тексте (сопоставительный аспект)¹**

Объект исследования составляет серия двуязычных антологий славянской поэзии «Из века в век». Наразноязычном материале мы показываем, как в тексте поэтической антологии отображаются топонимы, пути концептуализации которых напрямую связаны с отображением в тексте поэтического произведения оппозиции «свой / чужой». Соответственно, в докладе мы отдельно рассматриваем «свои» места, и отдельно «чужие / находящиеся за пределами страны».

На примере словацкой и чешской антологий из данной серии можно демонстрировать, что в обоих изданиях собственные топосы концептуализируются как место встречи человека с Богом. Свой топос интерпретируется в поэтическом тексте либо как место перехода человека в мир иной, либо как пространство общения со своими умершими предками. Актуальна также противоположная тенденция: собственный локус представляется авторами как место прихода божественного начала в земной мир и соответственно точка, где земные люди регулярно осуществляют коммуникацию с сакральным началом.

При всем том между указанными антологиями наблюдаются существенные различия по рассматриваемому параметру, состоящие в разной оценочной модальности. В словацкой антологии оценка собственного, близкого топоса носит позитивный характер, в чешской авторы тяготеют к негативной трактовке родных локусов. Разнятся также сами авторские интенции: к сакрализации своего локуса в словацкой антологии, когда смертные оказываются причастны к силам высшего порядка, получая от них благослове-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

ние, и к десакрализации божественного – в чешской, где божественное начало участвует в земных делах принципиально бытового, сниженного порядка, и тем самым теряет свой сакральный статус.

В плане состава чужих локусов для словацкой антологии признаков пространством являются Балканы и Россия, в то время как в чешской соответствующие образы практически отсутствуют. Тенденции концептуализации чужих локусов в целом сходны с отображением своих, отдельно можно выделить только берег моря, который связывается в конкретных лирических текстах с уходом героя, его исчезновением ввиду слияния со стихией и переходом в иное, вне-земное измерение.

Либор Дворжак и вечные ценности русской культуры¹

Чешская русистика – одна из самых сильных и авторитетных в мире. Известный переводчик русской литературы и журналист Либор Дворжак (р. 1948) своей деятельностью помогает понять, по его собственным словам, что такое Россия, как историческая, так и новая, а также доказывает, что наша страна, благодаря потрясающему культурному богатству, воспринимается как носитель действительно ценного наследия, а не просто как неустанно подвергающаяся нападкам со стороны великая держава. Его переводы произведений русской классической и современной литературы получили высокую оценку специалистов и привлекли внимание читателей. Дворжак переводил Л. Н. Толстого (в 2010 г. вышел новый перевод «Войны и мира»), Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы», 2013), А. П. Чехова, Л. Е. Улицкую, В. О. Пелевина и многих других авторов. Он также занимался русской ненормативной лексикой. Так что диапазон его интересов весьма широк, а опыт уникален. В 2010 г. за перевод романа Владимира Сорокина «День опричника» Л. Дворжак был удостоен награды Союза переводчиков Чехии – премии Йозефа Юнгмана. Он часто выступает на радио, в прессе и является одним из самых тонких знатоков русского языка и русской души. Задачей статьи станет освещение деятельности Л. Дворжака, как переводческой (с анализом перевода произведений С. Д. Довлатова, его любимого автора), так и публицистической, оценке вклада в развитие *взаимопознания* и взаимопонимания двух народов.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

Сведения о Болгарии и болгарях в «Истории разных славянских народов ...» И. Раича¹

«История разных славянских народов» Иоанна Раича (1726–1801)² – выдающееся для своего времени сочинение южнославянской историографии. Оно было завершено, судя по словам автора, еще в 1768 г., но вышло из печати только около тридцати лет спустя. По свидетельству самого Раича, он долго не решался опубликовать свой труд, сверяясь с научными данными других историков, чтобы сделать его более полным и совершенным. Результат был налицо – Раич создал фундаментальную историю народов славянского юга – сочинение, насчитывающее свыше двух тысяч страниц, затрагивающее проблемы происхождения болгар, русских, сербов, хорватов и словенцев, их расселения в Европе, их политической и военной истории. Он рассказывал читателям о войнах славян со славянскими и неславянскими соседями, их крещении, создании славянских царств и королевств, победах над неприятелями и поражениях, об утратах ими независимости.

Для своего времени сочинение Раича было вполне научным: он основательно изучил исторические источники по рассматриваемой проблематике, приводил ссылки в тексте с указанием авторов, их книг, разделов и страниц, пытался критически осмыслить разноречивость встречающихся в них сведений и оценок. Но мы не станем останавливаться подробно на удачах или недочетах Раича. В нашем

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

² Полное название сочинения И. Раича: «Исторія разныхъ славянскихъ народовъ наипаче Болгарь, Хорватовъ и Сербовъ изъ от тмы забвенія изъятая и во свѣтъ историческїй произведенная Іоанномъ Раичемъ архимандритомъ в свято архангелскомъ монастырѣ Ковилѣ». Опубликовано в Вене двумя выпусками: книги I–III – 1794, книга IV – 1795 гг. (Орфография и пунктуация названия нами сохранены. – *И. К.*)

случае большего внимания заслуживают другие положительные стороны и особенности появления его труда:

- I. Автор задался целью создать историю не какого-то отдельного славянского народа, а показать общий славянский корень и то, как затем от него произрастали болгары, сербы, хорваты и словенцы. Видимо, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что Раич был выходцем из болгарских земель, хотя и называет себя в труде «сербином».
- II. «История» Раича вышла весьма солидным для того времени тиражом 600 экземпляров. Такой тираж научного издания выглядит впечатляющим даже в XXI в. Публикация труда Раича вызвала большой интерес у славянской и неславянской общности: на книгу заранее подписывались будущие читатели из разных уголков Балкан и даже России.
- III. Широкому распространению «Истории» Раича способствовал язык, на котором она была издана. Общепринятого сербского литературного языка в конце XVIII в. еще не существовало. Поэтому Раич использовал русскославянский язык, которым он овладел во время учебы в Киевской духовной академии (1753–1756). Он сделал это вполне осознанно, понимая, что благодаря этому языку его труд станет доступным очень широкому кругу потенциальных читателей на Балканах и в России.
- IV. В сущности, «История» Раича есть переводное произведение, вышедшее в авторском переводе ее создателя. Ведь думал-то Раич на сербском, хотя сразу же излагал свои мысли на русскославянском языке.
- V. В 1795 г. I часть «Истории» Раича по указу императрицы Екатерины II была переиздана в России, и содержащиеся в этой книге сведения о Болгарии и болгарях являлись тогда наиболее полным сводом знаний об этой стране и населяющем ее народе, доступным русским читателям. Анализ характера этих сведений и есть основное содержание нашей работы.

Русский язык в контексте гагаузской религиозной рукописной традиции

Гагаузы, происхождение которых до настоящего времени остается загадкой, являются тюркоязычным и православным народом, который обрел свою письменность лишь в 1957 г. Однако первые гагаузские рукописные тексты, которые нам удалось обнаружить в ходе полевых исследований по гагаузским селам юга Молдовы, появились у них примерно на полвека раньше. Они представляют собой переводы наиболее известных апокрифических молитв с русского и молдавского языков.

Актуальность изучения данной темы заключается в том, что она позволяет исследовать процесс освоения гагаузами христианской письменной культуры, интенсивно происходивший у них в конце XIX – начале XX вв., и роль русского языка в этом культурном процессе. Изучение содержания большого числа рукописных «сборников», которые нам удалось обнаружить у гагаузов, позволяет говорить о значительном русском влиянии как на уровне представленности текстовых вариантов, так и на уровне использованной в них лексики. В составе этих «сборников» имеется немало апокрифических текстов, духовных стихов, молитв и ряд разделов из религиозной литературы на гагаузском, а также на церковнославянском и русском языке. Апокрифические тексты из гагаузских рукописных «сборников» являются различными по жанру и сюжетам («святые письма», сказания, видения, поучения), а также по времени и способу переписывания. Некоторые из них представляют собой переводы с русского языка; в них встречается довольно много русских слов и образований от них, например: *крест, город, разбойник, пророк, Дух Святых, ангел(ь), монах, батюшка, милостыня, суббота, алтарь, момент, престол, Рай/Рай(дакы), преподобный, служба, вопроз, мученик, собор, псалтирь, псалма, молитва,*

благословит, тайная, духовный, жрец, мерзски идол(лары), план(нары), семья, жертва и др. Многие из этих слов используются наряду с гагаузскими лексемами, что указывает на первоисточник перевода таких текстов.

Остается открытым вопрос о времени проникновения этих вариантов в гагаузскую среду. Однако можно предположить, что большая их часть распространилась в советский и постсоветский период. Наличие у гагаузов немалого числа апокрифических текстов на русском языке (духовные стихи, апокрифы и др.) демонстрирует не только функциональную значимость русского языка в духовной культуре гагаузов, но и свидетельствует о том, что гагаузская среда оказалась благоприятной почвой, которая впитывала и бережно сохраняла частицу русского духовного наследия.

Проблемы перевода романа Бориса Пахора «Некрополь» на русский язык

Борис Пахор (р. 1913) является одним из крупнейших ныне живущих словенских писателей. Словенец из Триеста, он уже в детстве испытал на себе все ужасы денационализаторской политики итальянских фашистов. В 1943 г. Пахор вступил в ряды югославского движения Сопротивления, в начале 1944 г. был захвачен словенскими коллаборационистами и больше года провел в нацистских концлагерях. Лагерная эпопея Пахора, описанная в романе «Некрополь», была такова: Гестапо направило его в концентрационный лагерь Дахау в числе первых шестисот заключенных. В Дахау он пробыл недолго, оттуда его перевезли в Эльзас, на площадь Церкви Девы Марии, ныне Сент-Мари-о-Мин, где заключенные перекладывали железнодорожные пути, проходившие посередине туннеля.

Когда Пахор заболел туберкулезом, его переместили в лагерь Нацвейлер-Штрутгоф, возведенный в Вогезах на высоте почти 800 метров над уровнем моря – на террасах, спускающихся одна за другой по склону. Пахор стал переводчиком при норвежском враче. Когда союзные войска высадились на берег и стали приближаться к Вогезам, всех, кто еще был жив, снова перевезли в Дахау. Там товарищи из Любляны помогли Пахору получить место санитаря, позже он попал в лагерь Дора, где собирались ракеты V-2, еще позже работал санитаром в небольшом лагере Харцунген, откуда в апреле 1945 г. «транспорт смерти» после четырехдневного переезда доставил узников в район лагеря Берген-Белзен. 15 апреля их освободили британские войска. Пахор был свободен, но болен туберкулезом правого легкого и полтора года лечился во Франции в санатории Красного креста в Вилье-сюр-Марне.

Многогранный и во многом трагический жизненный опыт писателя нашел отражение в его литературных произведениях, получивших признание не только в Словении (где они стали широко известны лишь в девяностые годы, после образования независимой Республики Словения), но и во многих европейских странах. Во Франции Бориса Пахора наградили орденом Почетного Легиона, в Италии он получил почетную премию Наполи, в Словении награжден литературной премией Франце Прешерна.

«Некрополь» – известнейшее произведение Б. Пахора, переведенное на многие европейские языки. На русском языке впервые этот роман был опубликован в 2011 г. в нашем переводе.

Это автобиографический роман, в котором автор рассказывает о жизни узников фашистских концлагерей. В нем много измерений, разных пластов повествования, для каждого из которых характерен свой стиль, язык, образный ряд, что, несомненно, представляет определенную сложность для переводчика. Воспоминания о внутрилагерных отношениях и быте, о людях, с которыми тогда автора свела судьба, переплетаются с философскими размышлениями о мире и о непреходящих человеческих ценностях. Картины прошлого видятся сквозь призму настоящего (Европы 60-х годов XX в., когда автор вновь – уже как турист – посетил места своего заточения).

В «Некрополе» дается апокалиптическая картина нацистских лагерей как уничтожающего универсума, мира погубленных. Здесь Пахор говорит о муках тел – «униженных костях», опустошенных «выпитых» телах, «худых как палки» конечностях и т. п. Так, например, описывает Пахор свои чувства и размышления по поводу уничтожения группы эльзасских партизан, большинство из которых были девушки:

Bil je blazen občutek, da smo bitja, katerim je ogenj pred spočetjem uničil matere; in nesmisel človekovega obstoja je bil spojen z mrtvorojeno možnostjo pred dimnikom s krvavim tulipanom na vrhu. A obenem se

je, glej, zavest upirala preglobokemu doživetju nesmisla, da ne bi ta predril rahlega notranjega ščita pred poplavo ničā; in ker je bilo to varovanje bitja pred neskončno praznino jalovo ob vidni resnici človekovega nesmisla, je ta navezanost na preživetje še stopnjevala nesmisel, medtem ko je usoda dekliških teles stopnjevala bolešni, nemočni odpor v izpitih telesih trudnih samcev.

Было безумное ощущение, что мы существа, у которых огонь перед их зачатием уничтожил матерей; и бессмысленное существование смешалось с бесплодным мужским началом под трубой, увенчанной кроваво-красным тюльпаном. Но в то же время, увы, наш рассудок сопротивлялся чрезмерно глубокому переживанию этой бессмысленности, боясь, как бы оно не пробило слабый внутренний щит, ограждавший от половодья небытия. Но поскольку эта защита существа от бесконечной пустоты была бесплодна, учитываемая очевидную истину бессмысленности человеческого существования, наше стремление выжить только усугубляло ощущение бессмысленности, в то время как мысль о судьбе этих девичьих тел усиливала мучительно бессильное сопротивление в обезвоженных телах изнуренных самцов.

А вот описание смерти заключенных во время принятия душа и санитарной обработки:

Samo tistim, ki ležijo vznak na cementu, razklepa usta dosti bolj počasen ritem. Tako je, kakor da vlečejo zrak skozi vso dolžino palčastih udov iz stopal, ki izginjajo v pari in se stegujejo do poslednje meje sveta; na njihovo hlipanje pa cepajo vrori kanci in se razletavajo na steklenih zenicah in na razkretenih zobeh.

Только у тех, кто лежит навзничь на цементе, разжимаются и сжимаются губы в значительно более медленном темпе, как будто воздух вытягивают сквозь всю длину худых, как палки, конечностей через ступни, которые исчезают в пару и вытягиваются до последней границы света. Капли горячей воды стекают со стеклянных глаз и с оскаленных зубов.

Символом этого «мира небытия» являлась печь. Приведем одно из описаний:

Ko se je telo nazadnje znašlo pred glavo tega kovinastega kita, je bilo tako dehidrirano, da je bilo podobno čudno skrivenljenemu dračju. Tedaj je bil rajnki že docela spojen s svojimi strahovi, in ko so bile na koncu njegovih lesenih udov široke razprte oči, te niso bile srepe zavoljo zubljev v pripravljene pasti, saj so se bile že zdavnaj zazrle v brezmejno praznino in tako zazrte osteklenele.

Когда, в конце концов, тело оказывалось перед головой этого металлического кита, оно было настолько обезвожено, что походило на странно изогнутые прутья. Тогда покойник уже полностью сливался со своими страхами, и когда его глаза широко раскрывались, их взгляд казался неподвижным вовсе не из-за языков пламени в растопленной пасти, ведь они уже давно пристально вглядывались в бесконечную пустоту и с этим пристальным взглядом остекленели.

Совершенно по-другому, хотя не менее ярко и образно, Пахором выведен ряд персонажей – людей, с которыми столкнула его лагерная судьба. Характеры выписаны автором живо и выпукло, подчас с какой-то пронзительной лиричностью. Характеристики людей, а также некоторые другие зарисовки представляют значительно меньше сложностей для перевода. Вот, например, как описал Пахор свои впечатления при эвакуации узников в Дахау из-за приближения союзных войск:

Tam ni bilo rdečega tulipana nad dimnikom in hitrost je, ne da bi kaj obljubljala, dražila in razburjala; nesmotrna in motna podoba prihodnosti pa je vsekakor bolj spodbudna kakor nezmotljivo trajanje v ujetem carstvu ničā.

Здесь не было красного тюльпана над дымоходом, и скорость поезда не то чтобы что-то обещала, но дразнила и волновала; неясное, в дымке будущее в любом случае ободряет больше, чем закрепошенная определенность в царстве небытия.

В «Некрополе» получили яркое выражение протест автора по отношению к любым формам тоталитаризма и его идея о важной роли национального самосознания человека в формировании его личности. Основным для него в определении сущности народа является культура. Во многом это обусловлено тем обстоятельством, что Пахор вырос в фашистской Италии, где не признавались национальные права словенцев. Пахор остро ощущает свою принадлежность подвергавшемуся гонениям народу. Поэтому при переводе необходима смысловая точность при передаче достаточно тонких национальных моментов, соблюсти которую можно лишь при понимании исторической обстановки того времени.

Борис Пахор – новатор в словенском языке, ставшем для него жизненной основой. В фашистской Италии у него не было возможности последовательно обучаться словенскому языку. Эта «языковая» травма Пахора хорошо известна словенцам, но иностранцы как правело ее не понимают. Язык произведений писателя сложен еще и потому, что он использует ряд приморских слов, найти которые не удастся даже в четырехтомном толковом словаре словенского языка.

Определенные трудности возникли при переводе слов «terasa» и «rašten». В словарях и то, и то означает «терраса», но, в зависимости от контекста, «rašten» иногда было точнее перевести как «уровень» (террасы в лагере были многоступенчатыми, находились на разных уровнях).

В романе «Некрополь» некоторые выражения даются автором на немецком или французском языке, что потребовало дополнительного осмысления и сбора информации для перевода отрывков, касающихся лагерной тематики. Перевод некоторых немецких

слов удалось сделать точно лишь после консультации с автором. Например, многозначное слово *Entlassung* в лагерном контексте переводится как «выписка», слово *apel* как «перекличка». Также пришлось спросить у Пахора, из какой материи были бинты – марлевые, бумажные, хлопчатобумажные (*krep-papir*). Оказалось, что наиболее верно назвать их «бумажными».

В ряде случаев переводчику показалось уместным снабдить текст комментариями, позволяющими прояснить русскому читателю некоторые мало известные ему моменты истории и культуры словенцев или же специфику лагерного быта. Цитаты, приведенные автором на немецком и французском языках, были оставлены и в русском тексте, но снабжены переводом.

Важной и, возможно, не вполне удобной для читателя особенностью романа «Некрополь» является отсутствие в нем разбивки на главы. При переводе мы сочли необходимым сохранить избранную автором структуру книги, воспринимаемой таким образом как единое целое.

Язык Пахора ассоциативен, трудно добиться верной передачи его образов на русском. Поэтому для того, чтобы подобрать русский эквивалент, передающий мысли и чувства автора, зачастую приходилось перебирать и отбрасывать множество вариантов. Хотелось бы привести отрывок, перевод которого вызвал наибольшую сложность. Речь идет о расправе заключенных над надзирателем / старостой барака:

Videl sem samo skupino, ki se je gnetla ob leseni steni med dvema pogradoma. Njen molk sta spremljala topot bosih nog po deskah poda pa pridušeno dihanje. Bil je klobec skupnega napora, ki se je tesnil in zgoščeval sam v sebi, lesena stena pa je bila samo zaslon, ki je branil, da bi se združene sile ne razpršile. Zakaj v telesih ni bilo dosti moči, a suhi udje poostrijo pritisk, se zveržijo v koničasto zmes, v oglato goščavo, da je trenje centripetalno strnjeno nekje v sredi, a je hkrati številčno razčlenjeno in vsenaokoli razmnoženo. Gotovo je bil kak

nemški kapo, ki je na delu pretepal do onemoglosti, pa je zdaj sam onemogel in shiran obležal.

Однажды ночью, проходя по комнате, я оказался случайным свидетелем такой разборки перед отбоем. Тишину в комнате нарушали лишь топот босых ног по доскам пола и приглушенное дыхание. Клубок тел теснился около стены, между нарами, то сжимаясь, то распадаясь на части. Центром этого натиска, движения худых конечностей, сплетавшихся в заостренные, угловатые заросли, был, очевидно, немец-капо. Наверняка это был один из тех надзирателей или старост барака из заключенных, которые избивали людей до полусмерти, а сейчас он лежал на полу в ревире, полуживой, беззащитная жертва коллективного возмездия.

При переводе романа, пожалуй, наиболее трудным было передать образы, ассоциации Пахора, не сглаживая их, но при этом добиться того, чтобы они по возможности легко воспринимались на русском языке. Впрочем, это главная задача переводчика. Каждый переводчик воспринимает и передает переводимое им произведение по-своему, и хочется выразить надежду, что этот первый опыт перевода романа Б. Пахора «Некрополь» на русский язык будет далеко не последним.

Этот роман с полным правом можно отнести к лучшим произведениям современной литературы. Написанный очень живым и образным языком, он захватывает читателя от первой до последней строки. Каждый из нас должен знать о тех страшных жизненных обстоятельствах, когда максимально выпукло проявлялись как человеческие жестокость и подлость, так и сила духа, мужество и благородство.

Сокольское движение и чешско-русский перевод

Сокольское движение, возникшее в 1862 г., объединило в себе регулярные гимнастические упражнения, идеалы чешского национализма и стремление к социальному прогрессу. Об огромном следе движения в чешской истории свидетельствует, например, тот факт, что до 1948 г. на территории современной Чехии было построено примерно 1300 сокольских гимнастических залов, внимание к которым привлек в 2015 г. так называемый «Год сокольской архитектуры»¹. Эти «соколовны» выполняли в ряде населенных пунктов функцию главных центров культурной жизни и стали в секуляризовавшемся чешском обществе своеобразным местом отправления культа новой светской религии – чешского национализма.

Также с самого начала движение было связано с идеей славянской взаимности, в результате чего сокольство постепенно распространилось не только по так называемым «чешским землям» монархии Габсбургов, но и далеко за их пределами. В Россию оно проникло сравнительно поздно: первые серьезные шаги предпринимались в 1880-е – 1890-е гг., но активное распространение стало возможным лишь после революции 1905–1907 гг. и было прервано Первой мировой войной. При этом чешские «апостолы» сокольства в России и обращенные ими постоянно сталкивались с проблемой перевода.

Значение этого слова применительно к истории сокольства в России отнюдь не сводится только лишь к переводу ряда отдельных терминов и целых текстов с чешского на русский язык (хотя эта задача действительно стояла на повестке дня). Помимо этого, однако, слово «перевод» можно понимать в значении трансфера культурной практики в среду с весьма отличными условиями об-

---

¹Švácha R. Naprej!: Česká sportovní architektura 1567–2012. Praha, 2012. S. 186.

щественной жизни. Изучение этого процесса позволяет взглянуть на процесс модернизации чешского и российского обществ во второй половине «долгого XIX века» в широкой компаративистской перспективе. Наконец, возвращаясь к узкому значению рассматриваемого понятия, переводу подлежали не только тексты «соколов», но и их визуальный образ и музыкальный стиль.

* * *

Исследователи традиционно проявляют большой интерес к истории перевода художественных текстов, не составляют исключения в этом отношении и слависты¹. Не менее интересным, однако, представляется процесс включения в местную культуру и объектов другого рода, например, сочинений по гимнастике, политических манифестов или трудов морально-назидательного характера. Относительно большой массив таких текстов был переведен в конце XIX – начале XX вв. «соколами» с чешского на русский язык.

Вероятно, впервые проблема описания сокольства на русском языке встала в 1867 г. во время Этнографической выставки и Славянского съезда в Санкт-Петербурге и Москве. На это мероприятие в составе чешской делегации приехал и Томаш Черны (1840–1909), заместитель старосты Пражского «Сокола», а также ряд других лиц, в той или иной мере связанных с движением. Журналист газеты «Русский инвалид» Василий Васильевич Андреев, составлявший краткие биографические справки о каждом из участников съезда, перевел название должности Черны в «Соколе» («*náměstek starosty*») как «вице-президент»². Это первое в истории

---

¹ Например: Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2016.

² Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 134. – Это издание было составлено в том числе из материалов, которые в ходе съезда В. В. Андреев публиковал в «Русском инвалиде», официальной газете Военного министерства, не был исключением и рассказ о Томаше Черны (Русский инвалид. 28.5 (9.6).1867).

затруднение с переводом на русский язык терминов, связанных с внутренним устройством сокольских обществ, было вызвано, очевидно, тем, что в качестве языка «межславянского» общения использовался немецкий: так, в письме поэта Карела Яромира Эрбена (1811–1870) настоятелю посольской церкви в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому (1811–1884) с описанием чешской делегации должность Томаша Черны была указана как «Vicepraeses des böhmischen Turnvereines Sokol»¹.

Участник чешской делегации Эмануэл Вавра (1839–1891), известный переводчик с русского языка, прямо указывал в одном из писем своему тестю писателю Карелу Сабине (1813–1877): «Здесь якобы во всех русских городах будут создаваться сокольские общества по нашему образцу с центральным обществом в Москве. Из-за этого также почти вся наша гимнастическая терминология перейдет в русский язык» (от Сабины эти письма попадут в руки австрийской полиции)². Интересно, что для слова «гимнастическая» он использовал прилагательное «turnerská», которое еще не ассоциировалось исключительно с немецким движением, о сложных взаимоотношениях соколизма с которым будет сказано ниже.

Хотя этот эпизод в итоге не привел к распространению движения в России, он, однако, предзнаменовал то, что перед «соколами» будет стоять задача перевода не только спортивной терминологии, но и ряда терминов, связанных с широкой палитрой их «негимнастической» деятельности. Однако же долгое время решение проблемы распространения движения в России оставалось лишь на уровне рассуждений³. Затем постепенно в Одессе, Тифлисе (Тбилиси), Москве, Санкт-Петербурге и других городах стали воз-

---

¹ Doubek V. Cesty na východ: Češi v korespondenci M. F. Rajevského. Praha, 2006. S. 57.

² Kazbunda K. Pout Čechů do Moskvy 1867 a rakouská diplomacie. Praha, 1924. S. 133.

³ Чанка Ф. Начальный этап развития физкультурного движения «Сокол» в чешских землях и славянство // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 11. Саратов, 2013. С. 30–40. – Пользуясь случаем, отмечу, что использование советского термина «физкультура» применительно к соколизму представляется анахроничным.

никать общества, имеющие ряд сходных черт с чешскими, однако не называвшиеся сокольскими¹. Это сходство было связано с деятельностью приглашенных из чешских земель преподавателей, приехавших в Россию с убеждением о превосходстве сокольской системы и своими представлениями об идеальной организации гимнастических обществ.

Одним из первых с проблемой приспособления чешской гимнастической терминологии, созданной трудами одного из основателей движения, Мирослава Тырша (1832–1884), столкнулся пражский «сокол» Богумил Новак из богемской Сobotки. Он открыл в 1880-е гг. «Гимнастическую школу» в Одессе и работал также в двух образовательных учреждениях для отпрысков местных греческой и немецкой общин. Посетивший его летом 1885 г. чех Голас описал в фельетоне в пражском журнале «Сокол» в том числе и интересующую нас проблему перевода². Новак признавался, что его знания русского языка не были идеальными, поэтому для перевода названий ряда гимнастических элементов он использовал «вульгарные» слова или же длинные словосочетания, а иногда и просто употреблял чешские термины (например, «всклопка» («vzklopka») для подъема разгибом).

Хотя одним из требований российских гимнастических обществ для кандидатов в преподаватели часто значилось знание русского языка, на практике новоприбывшие чешские «соколы» обычно им почти не владели. Так, о подобном критерии заявило Русское гимнастическое общество (РГО) в Москве, когда в 1890–1891 гг. оно впервые обратилось к Пражскому «Соколу» с просьбой о помощи в поиске преподавателя («знание русского языка необходимо»)³. На эту должность был рекомендован Франтишек (в русской

---

¹ *Манохин Н. В.* Краткая история Русского Сокольства. Прага, 1924. С. 13–18.

² Sokol. 1886. № 1. S. 2–4.

³ *Беляев И. С.* Двадцатипятилетие Русского гимнастического общества в Москве. XXV. 4 мая 1883–1908. Исторический очерк. М., 1909. С. 37; Sokol. 1890. № 9. S. 160.

традиции, к слову о переводе, Франц Иванович) Ольшаник (1862–1943) из деревни Творовице. Как вспоминал в 1909 г. будущий председатель общества, историк-архивист Иван Степанович Беляев (1860–1918): «Русским языком он сначала владел плохо, порой смешил на занятиях неточными оборотами речи. Но уже через год освоился и в ней уже не затруднялся»¹. Безусловно, такой скорости освоения иностранного языка способствовала близость последнего к родному как языка славянского.

В 1901 г. Ольшаника заменил Фердинанд (Фердинанд Фердинандович) Шнепп (1877–1943) из Пльзеня, о котором Беляев также писал, что «...спустя год он уже относительно хорошо и правильно говорил по-русски»². Сам Шнепп писал в одной из своих регулярных заметок в пражском журнале «Сокол»: «“Боже, царя храни” – это были, пожалуй, единственные слова, которые я знал из русского языка (помимо тех обыкновенных, что знает каждый образованный человек), когда редактор этого издания [Йозеф Шейнер (1861–1932). – В. К.] сообщил мне, что из России пришли деньги и что мне пора собрать свои пожитки и айда в реальное училище и гимнастическое общество в Москве, работать “учителем” и “преподавателем гимнастики” [последние слова приводились по-русски. – В. К.]»³. Далее Шнепп описывает свой страх перед предстоящим позором, который он испытывал в поезде, и стыд, вызванный тем, что он «не выучил этот великий славянский язык», «язык самой большой славянской нации»⁴. В Москве его встретил Ольшаник, который перед приездом умел по крайней мере читать по-русски. Шнепп писал, что в освоении языка и местных реалий ему сильно помогла не только помощь старшего коллеги, но и «со-

---

¹ Беляев И. С. Двадцатипятилетие Русского гимнастического общества ... С. 38.

² Там же. С. 42.

³ Sokol. 1902. № 1. S. 2.

⁴ Там же.

кольская дисциплина», а также тот факт, что занятия были временно отложены¹.

Вплоть до появления настоящих сокольских обществ в России проблема перевода терминов, связанных с внутренним устройством чешских сокольских организаций и их идеологией, стояла скорее перед общественно-политическими публицистами, а не спортивными деятелями. Так, одно из первых пространственных описаний сокольства на русском языке было помещено в «Русско-славянском календаре на 1890 год», выпущенном Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом². Показательно, что в качестве места издания составители указали «Петроград». В очерке «Некоторые данные о культурном состоянии чехов» был помещен отдельный раздел «Гимнастические общества», посвященный «соколам»³. Помимо характерных для сочинений представителей тогдашних консервативных славянофильских кругов умозрительных рассуждений о сокольстве и чешском национальном движении как проявлениях стремления славян очиститься от «западной культуры» и вернуться к коллективистским истокам, анонимный автор также дал краткое, но конкретное описание движения – и это не могло не быть связано с решением ряда переводческих проблем. Для ряда терминов он нашел русские аналоги («starosta» – «председатель»), тогда как для других осуществил транслитерацию из латинского в кириллический алфавит («žira» – «жупа, то есть округ», «жупская организация»). На обоих языках были приведены сокольские девизы: «в сердце – отчизна» («v srdci – vlast»), «в мысли – смелость» («v mysli – smělost»), «в руке – сила» («v pažíč – sila»).

В период расцвета движения прорыв, которым русские «соколы» не успели воспользоваться в полной мере, был связан с переводческой деятельностью Николая В. Манохина, который учился

---

¹ Там же. С. 2-5.

² Манохин Н. В. Краткая история ... С. 14–15.

³ Русско-славянский календарь на 1890 год. СПб., 1890. С. 153.

в Карлово-Фердинандовом университете и состоял членом «Пражского Сокола». В 1909 г. он перевел на русский работу Йозефа Прошека «Система гимнастики согласованных (координированных) мускульных групп», а в 1911 г. «Курс сокольской гимнастики: пособие для руководителей» (чешское название – «Soustava sokol-ská», 1908), в основу которого лег сборник лекций, читаемых в Праге на курсах преподавателей гимнастики¹. В 1917 и 1922 гг. без ведома Манохина «Курс» будет переиздан².

В предисловии к этой книге Манохин, несколько преувеличивая свое пионерство, писал: «Полное отсутствие русской гимнастической терминологии заставило новых деятелей на почве телесного воспитания, русских соколов, приняться за разработку и создание таковой терминологии, которая, конечно, не могла явиться сразу совершенной, как Минерва из головы Зевса»³. Частые заявления «соколов» об отсутствии какой-либо спортивной терминологии на русском языке не совсем соответствовали действительности. Так, в этот период вышел ряд трудов по физическому воспитанию Петра Францевича Лесгафта (1837–1909), с учениками которого «соколы» часто конкурировали. Также с проблемой перевода сталкивались преподаватели турнерской и шведской гимнастики в России.

В соответствии с националистической идеологией соколы Манохин выступал с позиций языкового пуризма: «Разнообразные терминологии, встречаемые в русском языке, обычно представляют собой названия, понахвачанные из всех языков... Очищение родного языка от всякого сора у нас считается отсталостью, а употребление возможно большего количества иностранных слов признается признаком образованности и вообще интеллигентно-

---

¹ Прошек И. Система Прошека: система гимнастики согласованных (координированных) мускульных групп. Новочеркасск, 1909; Манохин Н. В. Курс сокольской гимнастики: пособие для руководителей. Петроград, 1917; Он же. Краткая история ... С. 30–31.

² Манохин Н. В. Краткая история ... С. 52–53, 61–62.

³ Он же. Курс сокольской гимнастики. С. 2.

сти»¹. Этот пуризм, однако, был избирательным: если к шведским и немецким терминам в русском языке «соколы» относились резко отрицательно, то межславянские языковые заимствования казались им естественными².

Манохин и его коллеги не были специалистами в области языкознания. Когда Мирослав Тырш упорядочивал в 1860-е гг. сокольскую терминологию, во многом переведенную с немецкого, он воспользовался помощью К. Я. Эрбена и ряда других знатоков чешского языка³. Нечто подобное пытался осуществить и Фердинанд Шнепп, наладивший контакты с профессором Московского университета Романом Федоровичем Брандтом (1853–1920), однако результатов это сотрудничество не принесло⁴.

Ряд чешских материалов о правильной технике исполнения тех или иных упражнений публиковался в журнале «Сокол», выходившем в Москве в 1910–1914 гг.⁵ В 1914 году в Красноярске, на карте которого до сих пор остался Сокольский переулок, была издана «Терминология сокольской гимнастики», представляющая из себя перевод составленного в 1911 г. Союзом славянского соколизма и пражским журналом «Сокол» обязательного списка терминов от «боевых движений» и «боевых стоек» до «ходьбы присунной» и «хороводов»⁶. Выражение «ходьба присунная» (т.е. «приставной шаг»), является еще одним свидетельством того, что «соколы» часто вместо поиска подходящего эквивалента из русского языка ограничивались «калькой» с «братского» чешского, в данном случае с выражения «přísunný krok». Присутствует в этом кратком списке и вышеупомянутая «всклопка»⁷.

---

¹ Там же.

² Sokol. 1905. № 1. S. 20–21.

³ Sak R. Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha, 2012. S. 70–72.

⁴ Sokol. 1906. № 4. S. 90.

⁵ Манохин Н. В. Краткая история ... С. 31.

⁶ Терминология сокольской гимнастики. Красноярск, 1914; Болдырев Ю. В. Футбол в честь Нансена // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск, 2004. С. 17.

⁷ Терминология сокольской гимнастики. С. 5.

Не стремясь исчерпать эту масштабную тему, мы привели выше несколько примеров попыток перевода сокольской терминологии на русский. Эта работа была прервана Первой мировой войной, после которой российская ветвь движения постепенно прекратила свое существование. Интересно, что в чехословацкой эмиграции русские «соколы» попадут в возможно еще большую зависимость от чешского языка: так, в их изданиях встречаются такие невынужденные чехизмы как «доростенка» (от «dorostenka», т. е. девушка, занимающаяся в «Соколе») ¹. Многие чешские и русские сокольские деятели примут участие в создании советской физкультуры ². Несмотря на доминирование в последней системы Лесгафта, окончательный отказ от сокольской терминологии произошел лишь в 1938 г., когда специальная комиссия, включавшая лингвиста Бориса Александровича Ларина (1893–1964) и спортивного теоретика Александра Тимофеевича Брыкина (1909–1984), очистила русский гимнастический лексикон от находок Манохина и его коллег, признанных «неудачными», «мало понятными и странными», «чуждыми русскому языку» и даже «халдейскими», «невразумительными, жаргонными», «топорными и бездарными», причем речь шла как о заимствованиях из чешского (не только «всклопка», но и «вельперешмыг», «отбочка» и т. д.), так и о попытках новаторства («предручить», «уножить» и т. д.) ³. Одним из немногих сокольских

---

¹ Костюченко-Верещагин И. М. Русское сокольство на чужбине: Краткий очерк истории гимнастического общества «Русский Сокол» в Праге. К 5-летию основания. 1921–1926. Прага, 1926. С. 28. (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ. Ф. Р7055. Оп. 1. Д. 275. Л. 15. С. 2).

² Манохин Н. В. Краткая история... С. 59.

³ Гимнастическая терминология с приложением словаря. М., 1938. С. 3–5, 40–43 (идентичное издание одновременно вышло в Ростове-на-Дону); Брыкин А. Т. Гимнастическая терминология. М., 1969. С. 8–12; Гимнастика. Учебник для техникумов физической культуры. М., 1985. С. 34; Кожевникова И. Г. Русская спортивная лексика: структурно-семантическое описание. Воронеж, 2002. С. 47–48, 53, 62. – При этом по своей пропагандистской направленности сокольство было весьма близко создателям советской физкультуры (ГАРФ. Ф. Р7576. Оп. 28. Д. 39. Л. 20, 96), еще более заметным влияние этого движения, официально осуждаемого как

ских терминов, избежавших «репрессий» и сохранившихся в современном русском языке, является «разножка» («roznožka») ¹.

* * *

Не меньше затруднений вызывал и перевод во втором из перечисленных в начале статьи значений, то есть трансфер сокольства как культурной практики, обладающей рядом уникальных характеристик. Подобным образом метафору литературного перевода применил ранее в своей работе о перенесении карнавала из Европы в Латинскую Америку один из классиков «новой культурной истории» Питер Бёрк ². Как ключевой процесс для функционирования культуры понимали перевод в узком и широком значении также Ханс-Георг Гадамер (1900–2002) и Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) ³. При этом в нашем случае можно говорить о переводе переведенного, ведь само сокольство также является результатом культурного трансфера: во второй половине «долгого XIX века» чешские земли были полем активного чешско-немецкого обмена и частью культурного пространства Центральной Европы, проявлением чего было и огромное влияние турнерского движения на сокольство. При этом речь идет о подобии, а не о полном сходстве, так как постепенно сокольство обретет ряд уникальных черт ⁴. Это подобие и общность происхождения станут истоком острого противостояния двух движений.

Переносимые в иную культурную среду практики являются интересным объектом познания, так как они позволяют провести параллельное сравнительно-историческое исследование, способное

«буржуазного», будет в социалистической Чехословакии после 1948 г. (Roubal P. Československé spartakiády. Praha, 2016.)

¹ Бобырева Н. Н. Терминология художественной гимнастики: структурно-семантическое сопоставление в русском и английском языках. Казань, 2013. С. 40.

² Burke P. Variety kulturních dějin. Brno, 2006. S. 155–189.

³ Vokoun J. Dynamika křesťanské tradice. Brno, 2013. S. 22–28.

⁴ Nolte C. E. The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2002. P. 4–5, 19–20.

принести знания не только о новом «месте прописки» практики, но и регионе ее возникновения. При проведении такого исследования применительно к сокольству следует, на мой взгляд, сосредоточиться на пяти блоках проблем, которые являются ключевыми для изучения истории движения в чешских землях и могут служить маркерами для анализа особенностей его распространения в России. Речь идет о пяти процессах, характеризующих модернизацию европейского общества в этот период: национализация сознания, эволюция социальной структуры, развитие представительских учреждений, секуляризация и женская эмансипация.

В силу «дегустационного» объема этой статьи упомянем лишь один из примеров сложностей такого перевода, а именно, связь истории сокольства с перенесением в этнически-гетерогенную Российскую империю центральноевропейской модели национализма. Внутриполитическую обстановку чешских земель в этот период можно без большого преувеличения обозначить термином чешско-немецкая холодная война, и этот факт определил представления «соколов» не только о своей нации, но и о «славянских братьях» на Востоке. Поэтому тот факт, что в самом большом славянском государстве живет множество так называемых «инородцев», оказался для многих из них большим откровением.

Пестрота местного населения оказывала влияние не только на членский состав сокольских обществ, но и содержание их гимнастических занятий: так, в сборник гимнастических игр Алоиса Скотака 1898 г. оказались включены такие грузинские забавы, как «Нишха-нишха», «Аскинкила» и «Цре-лахтаоба»¹.

Во время первого Общего съезда Союза русского сокольства в России 14–15 апреля 1911 г. произошло столкновение по национальному вопросу двух сторон, весьма условно называемых петербургской и московской, из которых первая настаивала на том, что

---

¹ *Скотак А.* Гимнастические игры. Выпуск первый: игры без снарядов. Тифлис, 1898. С. 60–61, 64–65, 92–94.

в «Сокол» имеют вступать только славяне, а вторая, наоборот, полагала, что национальный критерий не должен приниматься во внимание¹. В итоге дискуссия закончилась скорее победой последних. В постановление съезда была включена следующая компромиссная фраза: «Сокольство в России должно служить одним из элементов спаяния племен Российской империи во имя блага и мощи России, как великого славянского государства»². Однако в образцовый Устав для сокольских обществ не была включена принадлежность к одной из славянских наций как критерий для членства: «Членами общества могут быть лица обоего пола, не ограниченные в этом праве законом и сочувствующие сокольской идее»³.

И в дальнейшем по этому вопросу продолжались дискуссии, заслуживающие отдельного исследования. Сложность перевода чешского неимперского понимания русскости можно проиллюстрировать двумя цитатами:

I. На вышеописанном съезде была зачитана в качестве доклада статья члена петербургского «Сокола-1» Георгия Николадзе «Идея русского Сокола», где говорилось:

Основатели не заметили, что, ставя таким образом русских на одну доску с остальными славянскими племенами, они впадают в ошибку. Братья, создатели русского сокола, не подумали, что главное стремление русских выше племенного: стремление их государственное. Ведь объединяя русское племя отдельно от малороссов, отдельно от поляков, отдельно от русских не славян, они раздробляли то, что с таким трудом в течение 1000 лет было создано русским народом – они ослабляли русское государство⁴.

---

¹Sokol. 1911. № 7. S. 172–173.

²Сокол. 1911. № 8–9. С. 195, 197.

³Там же. С. 197.

⁴Сокол. 1911. № 8–9. С. 202; *Мириманиан Р.* Русское сокольство и его задачи. СПб, 1913. С. 6. – В ответ на последнее издание вышла книга: *Измайлов Н.* По поводу статьи «Русское сокольство и его задачи» (Руб. Мириманиана). СПб, 1913.

II. Еще более явно мысль о невозможности дискриминировать так называемых «инородцев» позднее выразил член виленского (вильнюсского) и петербургского «Сокола», известный русский националист Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953), писавший в эмиграции:

И единственным исключением было гимнастическое общество «Сокол». Но и «Сокол» был тоже обезьянством: чешские провинциальные масштабы мы пытались перенести на русскую имперскую почву: в соколы принимали, видите ли, только славян. В том числе, правда, и татар. Но не принимали ни немцев, ни евреев. По тем временам я измерял достоинство людей по объему их мускулатуры – как, очень вероятно, измерялось оно во времена Олега. Но я никак не мог примириться с измерением человеческого достоинства по принципу национальной принадлежности ¹.

Подобные «трудности перевода» проявлялись и в других аспектах сокольства, например при перенесении идей эгалитаризма (обращение на «ты» и «брат» и запрет на сословные титулы), женской эмансипации (допустимость женской гимнастики с точки зрения норм этики и гигиены, равенство женщин в управлении обществами и мера откровенности их спортивной одежды), антиклерикализма (неэквивалентность русского и чешского антикатоличества, а также русского мифа Яна Гуса и гуситов как православных и чешского – как националистов чеканки XIX века) и демократизма (несоответствие идеологической направленности политических сил, поддерживавших русское и чешское сокольство). При сравнительном изучении этих проблем необходимо учитывать местную специфику, часто игнорируемую исследователями из-за прагматизма и искусственного разделения истории Российской империи по линиям границ современных государств, и отказаться от соблазна разделять те или иные идеи и практики по принципу прогрес-

---

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2010. С. 288.

сивности, так как подобная перспектива упрощает историю модернизации.

Не отрицая схожесть процесса трансфера культурной практики с переводом, также, однако, отмечу, что в ряде случаев вернее использовать аналогию игры «Испорченный телефон», как лучше выражающую зависимость конечного результата от желания и способностей акторов передавать и получать информацию и от длины информационной цепи. При этом такая игра может привести к почти полной потери связи с источником первого импульса (как это, вероятно, произошло, например, с молодежной организацией немецких социал-демократов «Die Falken», традиционным каталонским празднеством «Falcons» и переставшим существовать в 1990-е гг. грузинским футбольным клубом «Шевардени-1906»), а значит, к несоответствию первому компаративистскому критерию Марка Блока («подобие наблюдаемых фактов»), определявшему оправданность проведения сравнительно-исторического исследования (вторым является «различие среды») ¹. Российские «соколы», однако, не были, говоря языком кино, «lost in translation», так как подавляющим большинством из главных инструкторов обществ, входивших в состав Союза русского сокольства, были специалисты, приехавшие из чешских земель, что обеспечивало относительно высокую степень сходства.

---

¹ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб, 2015. С. 53–54.

Пунктиром упомяну и перевод в третьем и четвертом из вышеуказанных значений, то есть перевод визуального образа и музыкального стиля «соколов».

Как это часто бывает в случае с массовыми движениями, сокольская форма была не просто специализированной одеждой, но обладала большим символическим значением и обозначала приверженность к определенным ценностям и даже якобы наличие определенных личных достоинств, поэтому ее составные части и порядок ношения строго регламентировались на уровне центральных сокольских органов¹. Предметом пиетета был и значок члена «Сокола»: одно из первых свидетельств о восприятии этого предмета в России относится к 1902 г., когда, по рассказу главного инструктора РГО в Москве Фердинанда Шнеппа, к нему и Франтишеку Ольшанику обратился молодой человек, заметивший во время поездки на направлявшейся в Сокольники двухэтажной конке, что к воротнику чеха был прикреплен сокольский значок. О движении этот москвич узнал благодаря сообщениям в прессе о IV Всесокольском слете 1901 г. в Праге².

Реклама сокольской формы и инвентаря содержалась практически во всех русскоязычных спортивных и сокольских изданиях 1910-х гг.³ При этом постепенно конкуренцию чешским фабрикам стали оказывать местные предприятия. Взаимоотношения «соколов» с различными производителями позволяет проследить единственный из обнаруженных мной до сих пор цельных архивных

¹ Pokorný J. Sokol // Nacionalizace společnosti v Čechách 1848–1914. Ústí nad Labem, 2008. S. 380–381.

² Sokol. 1902. № 5. S. 99–100. – На выставке «...Больше чем спорт!», которая прошла в петербургском Государственном музее политической истории России с 7 февраля 2014 г. по 1 апреля 2016 г., был представлен цветной металлический знак общества «Сокол» в Санкт-Петербурге (отнесенный устроителями к 1905 г.) из личного архива К. В. Набугова.

³ Например: Синельщиков П. А. Сопrotивления. Пособие для руководителей сокольских обществ, для учителей гимнастики в школах и для любителей телесных упражнений. Петроград, 1915.

фондов российских сокольских обществ, а именно, фонд «Сокола» города Орел. Материалы фонда свидетельствуют о высокой конкуренции на этом рынке, примером чему могут служить сложные переговоры орловского общества о различных предпочтениях, предоставляемых им как «братьям-соколам», с киевской фабрикой «В. Орт и Кашпар», харьковской фабрикой братьев Малы, виленским отделением пражской фабрики «И. Виндыш и Ко», петербургским «Заводом походного снаряжения и гимнастических принадлежностей» и, наконец, с московской фабрикой вышеупомянутого Ольшаника и А. Н. Батакова ¹.

Частью сокольского визуального образа были также особенности сокольской архитектуры. В большинстве случаев, однако, российские «соколы», были вынуждены заниматься гимнастикой в помещениях различных учебных и иных заведений, редким исключением был гимнастический зал в Каменце-Подольском ².

Музыка, во многом благодаря Йиндржиху Фигнеру (1822–1865), одному из основателей движения, стала важным элементом сокольства и непременно звучала во время их публичных выступлений и шествий ³. Особенную известность имел оркестр «Сокола» города Колин под руководством Франтишека Кмоха (1848–1912) ⁴.

В 1891 г. в Тифлисе анонимный автор осуществил перевод текста марша «Lvísilou» («Друзья, вы слышите? Пора / Вперед, на славный бой!»), о котором в 1930 г. авторы эмигрантского «Русского сокольского вестника» писали: «Перевод (довольно вольный) вполне современен» ⁵. С началом работы Франтишека Ольшаника в РГО в Москве в 1892 г. на «гимнастических празднествах»

---

¹ Государственный архив Орловской области. Ф. 504. Орловское гимнастическое общество «Сокол». Оп. 1. Д. 1. Л. 38; Д. 2. Л. 27, 30, 32, 45, 61, 76–78.

² Sokol. 1911. № 5. S. 125.

³ Waic M. Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace. Praha, 2013. S. 24, 28.

⁴ Rak J. Nacionalizační proces v názorech české historiografie // Nacionalizace společnosti v Čechách 1848–1914. Ústí nad Labem, 2008. S. 47.

⁵ Русский сокольский вестник. 1930. № 1. С. 4.

вольные упражнения стали проходить под исполняемую оркестром музыку¹. Также известно, что порой чешские сокольские марши исполнялись и в оригинале: например, это происходило в 1906 г. в «Чешском кружке» в Москве, что объяснялось отсутствием ошутимого русского большинства среди посещавших занятия (15 чехов, 15 русских, 5 поляков и швейцарец)².

Вероятно, самым популярным произведением русской сокольской музыки был «Русский сокольский марш» на музыку композитора Войтеха Главача (1849–1911) и стихи русинского поэта, журналиста газеты «Новое время» и известного сокольского и общественного деятеля Дмитрия Вергуна (1871–1951) («Гей, сокола, собирайтесь в ряды / Крепкие мышцы не знают беды!»)³. Главач представлял одну из трех главных групп чешской профессиональной эмиграции в Российскую империю (количественно заметно уступавшей аграрной): помимо музыкантов, следует также упомянуть преподавателей классических языков и, конечно, «соколов»-преподавателей гимнастики⁴.

Также известно, что в 1913 г. молодой Сергей Прокофьев (1891–1953) сочинил марш для Санкт-Петербургского общества «Сокол-III»⁵. Из дневника Прокофьева становится известно, что в 1910 г. он начал посещать «Сокол-I»⁶, а в 1913–1916 гг. регулярно занимался гимнастикой в «Соколе-III»⁷. Прокофьев писал, что марш вышел «очень глупый и вороватый, но страшно бойкий и с приятной, понятной мелодией» и что он «пользуется успехом»,

---

¹ Беляев И. С. Двадцатипятилетие Русского гимнастического общества ... С. 47.

² Sokol. 1906. № 2. S. 46.

³ Коничек С. О. Сокольство. М., 1911. С. 27.

⁴ Из этих профессиональных групп подробное исследование пока вышло лишь о музыкантах: *Grochovskij V. Čeští hudebníci na Rusi. Praha, 2010.*

⁵ Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С. 64.

⁶ Прокофьев С. С. Дневник. 1907–1933: в 3 т. Т. 1. 1907–1918. Париж, 2002. С. 139.

⁷ Там же. С. 349, 599.

в том числе и среди «соколок»¹. Под него маршировали и его пели после занятий, также планировалось издать его на открытках².

Интересным представляется вопрос о мере влияния чешских музыкальных произведений и идеологии движения на этот марш. Прокофьев писал о том, что во время публичных выступлений «Сокола-III» он играл на пианино, причем «для некоторых упражнений существовала специальная музыка (чешская, очень приличная)»³. Что же касается возможного влияния на марш идей сокольства и осуществления композитором, говоря языком Романа Jakobsona, межсемиотического перевода⁴, то в связи с этим отмечу, что Прокофьев, хотя и «здоровался “наздар”», тем не менее писал, что «ходит в “Сокол” исключительно ради гимнастики», а не «объединения славянства»⁵. Окончательное решения вопроса о мере «переводности» этого марша следует, однако, оставить музыковедам.

Свидетельство о сохранении части сокольского музыкального наследия в современной России принесли полевые исследования Владимира Степановича Пукиша, записавшего от жительницы Анапы чешского происхождения Анастасии Сланец воинственную песню «Třetího července v těch slovenskejch hradbách» вышеупомянутого оркестра Кмоха⁶.

---

¹ Там же. С. 283, 353–354.

² Там же. С. 353, 356, 378.

³ Там же. С. 367.

⁴ *Якобсон Р. О.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 17, 24. – За знакомство с этим термином я признателен сопредседателю секции, в рамках которой был представлен данный доклад, Л. И. Раздобудько-Чович.

⁵ *Прокофьев С. С.* Дневник. Т. 1. С. 407, 500.

⁶ *Пукиш В. С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. Ростов-на-Дону, 2010. С. 321–322. – В других вариантах первой строчки этой песни речь идет о дне 4 или 6 июля («šestého» / «čtvrtého července») и стенах Страговского монастыря («na strahovských hradbách»): *Národní listy*. 10.7.1911, večerní vydání. S. 4.

* * *

Дальнейшее изучение истории сокольства в России было бы, на мой взгляд, перспективно вести именно с точки зрения понимаемого вышеизложенным образом творческого и весьма вольного «перевода». При этом речь идет о предварительно очерченных линиях исследовательской программы, а не окончательных выводах об этом интересном культурном явлении.

Е. А. Кузьмин (Екатеринбург)

**Роль прямого перевода в гравитационной модели
близости культур: оценка силы адгезии**

Исследование направлено на установление взаимосвязей в сложных процессах коммуникации. Основной акцент работы состоит в изучении востребованности перевода для культур, территориально удаленных и приближенных между собой, а также влияния доступности перевода для данных групп на активность социально-культурного взаимодействия. Главным образом это относится к определению силы адгезии культур, возникших в результате перенятия опыта и знаний через перевод.

Перевод: связующее звено европейской цивилизации¹

Европа как географическое понятие времен античности по мере распространения христианства преобразуется в понятие Европы как цивилизации. Со свойственной ему гносеологией, онтологией, аксиологией и проистекающей отсюда культурой (конфессиональной, социально-политической, реально-бытовой и художественной) универсальное мировидение объединяло разрозненные племена, которых разделяли собственные локальные культы. Этот центростремительный фактор цивилизации как по мере возобладания над центробежными векторами языческой Европы предопределил дальнейшую историю христианизируемых (институтами государства и Церкви) и христианизирующихся (как следствие деятельности этих институтов) отдельных этносов. Именно в кругу христианской общности диалектика взаимодействия факторов универсальных и локальных (этнических) обусловила процессы формирования народностей – народов – наций со свойственными им языками, культурами, государственно-политическими представлениями.

Церковь как институт христианского универсума в своей духовной, интеллектуальной и культуротворческой деятельности опиралась на кодифицированные ею источники единого вероучения, чьи оригиналы возникли на языках, признанных сакральными (древнееврейский, древнегреческий и латынь). Изначально присущие христианскому универсуму переводы осуществлялись внутри круга этих языков (в число которых позднее вошел и церковнославянский) и обуславливались потребностями вероучения, которое во времена Средневековья предопределяло сущность всех областей знаний – от наук гуманитарных до естественных, от искусства сло-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

ва письменного (поэтика) до искусства слова устного (риторика), от литературы научной и прикладной до художественной. Тем самым переводы с одного сакрального языка на другой изначально были важнейшим фактором бытия христианизирующейся Европы. Циркуляция же текстов с их идеями, мотивами, образами, стилями, типами повествования, отображая новое мироощущение, а одновременно демонстрируя образцы его словесного воплощения, способствовала возникновению локальных центров новой культуры. Они скрепляли изначально духовную целостность цивилизации и осуществляли доктринально переосмысленную преемственность ее дохристианского культурного наследия (греко-римская античность, местные традиции) на всем огромном географическом пространстве Christianitas.

Такой двуединый (универсальный и локальный) генезис европейских литератур (культурно-исторической составляющей которых со временем становились и литературы славянские)¹, определил их дальнейшую историю. Поэтому-то **своеобразие каждой из литератур одной цивилизации являет собой производное их универсального начала**. Его исторические изменения обуславливал облик каждой из генерируемых им локальных составляющих. В этом отношении внутренняя дифференциация Christianitas на Византийский и Латинский круги культуры (1054 г.) предопределила культурно-эстетические особенности обхватываемых ими литератур.

По сути своей институциональный конфликт Западной и Восточной Церкви породил **внутреннее** разделение изначально единой христианской культуры, а тем самым и этнических ее носителей. Именно тогда это – по сей день актуализируемое традиционалистами обеих Церквей – разделение цивилизационного универсума

---

¹ *Липатов А. В.* Универсальное и национальное: двуединство процесса формирования этнических языков и культур в цивилизационном пространстве Европы // Глобализация – энизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. 1. М., 2006.

разграничило и мир славянства¹, положив начало формированию и дальнейшей истории *slavia orthodoxa* и *slavia latina* как составляющих соответственно восточно- и западно-христианских культурных общностей².

Такого рода универсальная закономерность обусловила особенности языкового и культурно-эстетического облика, стилевых канонов, жанрового состава, литературных образцов переводимых текстов и самих концепций перевода в словесном искусстве Византийского и Латинского кругов европейского универсума.

В начальном периоде истории письменности во всех частях христианской экумены оригиналы и переводы (собственно на греческом и латыни), перенесенные из культурных центров (Византия, Рим), являли собой общий облик, отдельные образцы и одновременно школу словесного искусства. Поэтому-то позднее – в процессе местного их переписывания и местного подражания им – они

---

¹ *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001; *Лунатов А. В.* Европейская цивилизация как дифференцированная целостность (Запад и славяне) // *Мировая экономика и международные отношения.* 2007. № 6; *Он же.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., 1995; *Он же.* Славянство как составная часть европейской цивилизации (к давней идее славянского единения и извечной проблеме славянского разъединения) // *Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности.* Кн.1. М., 2014.

² *Лунатов А. В.* История европейской литературы и славянские литературные общности. Диалектика универсального и национального // *Славяноведение.* 1997. №1; *Он же.* Живая древность. Славянские культуры: общеевропейские закономерности и национальная специфика // *История литератур западных и южных славян.* Т. 1. М., 1997; *Он же.* Европейский литературный процесс и славянские литературные общности (генезис и начальные этапы Новой истории) // *Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов.* XII Международный съезд славистов. М., 1998; *Дюришин Д.* Межлитературные общности как выражение закономерностей всемирной литературы // *Slavia Slavaca.* 1988. № 4; *Он же.* Методология изучения межлитературной общности // *Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур.* М., 1994. *Лунатов А. В.* Литературный процесс в оптике исторической поэтики (новое направление в славистике и концепция Д. Дюришина) // Там же; *Будагова Л. Н.* Некоторые современные аспекты изучения славянских литератур. (О динамике межлитературных общностей) // Там же; *Томчик М.* Основные особенности межлитературного контекста у западных славян // Там же.

наравне с собственными памятниками уже воспринимались как свои, свое естественное составляющее собственного достояния. Этому способствовало и само мироощущение Средневековья, когда универсальное начало (христианство) имело самодовлеющее значение и обладало всеохватывающим смыслом по отношению к локальному самосознанию.

Исключительной важности роль перевода уже на стадии становления и первоначального развития отдельных письменностей общего для них универсума является следствием осознанных усилий, порождаемых основополагающей идеей культурного самосознания Средневековья. Ее отражает формула *translatio studii*: перенесение знаний, духовных ценностей и представлений о прекрасном во все части *Christianitas*.

Общие закономерности ¹, а в этой связи изначальна роль перевода, в истории европейской литературы естественно отражаются и в ее славянской составляющей. В исторической перспективе крупнейшие литературы славянского мира – русская и польская – как некогда составляющие соответственно *slavia orthodoxa* и *slavia latina* представляют собой обширнейший материал локального отражения общих закономерностей и местного их преломления. Так, например, древнерусская письменность представляет настолько трудноразделимую языковую (церковнославянский) общность текстов переводных и местных, что вполне оправданной и перспективной представляются предложения Р. Пиккио и Д. С. Лихачева ²

---

¹ *Лунатов А. В.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс (История, типология, связи) // XI Международный съезд славистов. Славянские литературы. М., 1993; *Он же.* Теоретические проблемы общей истории славянских литератур. (Цивилизационная общность как диалектическое единство универсального и национального) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века. Задачи и перспективы. М., 2005.

² *Пиккио Р.* *Slavia orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003; *Лунатов А. В.* Общие закономерности славянских литератур и концепция Р. Пиккио // Известия АН СССР. Сер. «Литература и язык». 1990. № 4; *Седакова А. О.* Филологические проблемы славянского средневековья в работах Р. Пиккио // Вопросы языковедения. 1992. № 1. *Лихачев Д. С.* Древнеславянские литературы как система //

относительно создания общей истории литератур *slavia orthodoxa*. При этом частично уже отмеченные здесь выше общеевропейские закономерности, обретая внутренне дифференцированное (*slavia orthodoxa* и *slavia latina*) проявление, дают основание для выработки концепции общей истории славянских литератур как изначально составляющих литературы общеевропейской¹. В такого рода контексте особое значение обретает переориентация творчества с языка универсального на вернакулярный (свой, местный)².

Этот процесс, будучи общим, не был единым и единовременным как в силу особенностей истории Византийского и Латинского кругов, так и специфики составляющих их литературных общностей. Его универсальность проявлялась только лишь во внешней парадоксальности того, что **дабы творить на родном языке, нужно было прежде освободить язык «чужой»**. Этот «чужой» – универсальный – язык при отсутствии местной письменности и связанной с ней филологической культуры привнес представления о грамматике, предписаниях поэтики и правилах риторики, о жанрах со свойственной каждому из них темой,

---

Славянские литературы: VI Международный съезд славистов. М., 1968; *Пиккио Р.* Латино-романское наследие и развитие литературных систем славянских наций, XVIII–XIX вв. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978; *Лунатов А. В.* Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс. К проблеме исследования литератур как системы // Барокко в славянских культурах. М., 1982; *Дюришин Д.* К системе межлитературного процесса // Систематика межлитературного процесса / Диониз Дюришин и коллектив. Братислава, 1988.

¹ *Лунатов А. В.* Проблемы создания общей истории славянских литератур // Советское славяноведение. 1987. № 3; *Он же.* Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в. // Славянские литературы в процессе становления и развития. М., 1987; *Он же.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс эпохи Средневековья // Советское славяноведение. 1978. № 4.

² *Curtius E. R.* Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. Bern, 1948; История литератур западных и южных славян Т. I–II. М., 1997; *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988; Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М., 1982.

образами и стилем и дал сами конкретные образцы искусства словесности письменной и устной. На такой перенесенной извне основе создавались местные школы искусства слова. В их кругу не только переписывались или перерабатывались усвоенные ранее тексты, но и переводились новые с одного сакрального языка на другой (в *slavia orthodoxa* – с греческого на церковнославянский). В категориях времени большой длительности развитие универсальной филологической культуры и связанного с ней творческого самосознания – в разных частях *Christianitas* и в разное время, но неизменно – вело к своего рода проецированию универсальных предписаний поэтики и риторики на материал своей разговорной стихии. Так этнически свой литературный язык начинает вырабатываться на грамматической и культурно-эстетической основе усвоенного ранее языка универсального.

Этот процесс обрел непосредственное отражение в искусстве перевода. Именно в нем проявилась местная школа усвоения универсальной литературной культуры, сам ее уровень и принципы ее использования в словесном переложении смыслов и самих способов их лексического и стилового выражения средствами другого языка. Причем одновременно (в категориях времени большой длительности) создавался и разрабатывался сам этот другой язык. Тем самым речь идет о своего рода двойном (или сдвоенном) творческом процессе, когда сотворение перевода взаимосочеталось с творением самого литературного языка, который в перспективе истории становился языком общенародным / национальным.

Процесс формирования и развития такого литературного языка был своего рода проецированием правил грамматики, стиливых норм, предписаний письменной и устной речи (поэтики и риторики) и самих образцов творчества, опирающегося на материалы живой разговорной стихии. И если первоначально образцами служили ставший своим универсальный язык и связанные с ним тексты, то со времен Новой истории эта роль постепенно переходила к образцам национального творчества и тем переведенным

инонациональным произведениям, которые порождали наднациональные веяния в литературе и культуре.

Эти «свои» и «чужие» образцы отражали закономерность Нового времени. В эпоху Средневековья первоначальная направленность литературного движения идет от цивилизационного центра к его перифериям. Во времена же Новой истории происходящая в них трансформация универсального в локальное / национальное придает этому движению обратный характер.

Если на протяжении Средневековья общие цивилизационные ценности на языке своего универсума инспирировались универсальными центрами (Византия – Рим) и непосредственно ими распространялись, то на протяжении Новой истории общецивилизационное развитие осуществляется в его национальных составляющих и обогащается ими. Поэтому национальное и универсальное могут быть адекватно осмыслены только в свете их диалектического единства, которое предопределяет и обуславливает общие для европеизма веяния в литературе, искусстве, философско-эстетической мысли и высокой культуре. Это отражено в самих универсальных по своему смыслу названиях эпох – Возрождение, Барокко, Просвещение и т. д. или же в названиях художественных направлений. В литературе это классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм, натурализм, различные течения авангарда, постмодернизм. Такого рода изначально локальный / национальный феномен обретает универсальное измерение в процессе внутрицивилизационной циркуляции ценностей, когда вследствие «встречных течений» (концепция А. Н. Веселовского) «чужое» повсеместно становится «своим». Эта трансформация локального – его преобразование в универсальное – происходит прежде всего благодаря переводам. **Причем перевод как феномен словесного искусства в то же время является существеннейшим фактором внутрилитературного движения и межлитературного общения, а тем самым – всей литературной истории.**

В славянских составляющих двух кругов европейского универсума историко-культурная специфика соответственно *slavia orthodoxa* и *slavia latina* обуславливала местные особенности этого общеевропейского процесса, его локальную хронологию, состав памятников и особенностей самого искусства перевода.

В общности *slavia orthodoxa* на церковнославянский как универсальный язык культуры православного славянства переводились лишь те византийские тексты, в которых испытывала потребность сама Церковь. Тем самым вне культурно-художественных представлений этой части славянства оставалось все богатство светской Византии – ее живое античное наследие, литература, эстетика и философия, искусство, драматургия и театр.

В общности *slavia latina* – составляющей западнохристианского круга культуры – латынь как сакральный язык римского католичества в то же время открывал перспективу на все богатство античности (в том числе греческой в латинских переводах) и на светскую культуру современного Запада. Религиозный и светский аспекты художественно-культурного мировосприятия здесь сосуществовали параллельно как особые сферы *sacrum* и *profanum*, взаимодополняясь в сфере рецептивной эстетики, философии творчества, но при этом не взаимопроникая в собственно религиозное мышление. Культура же *slavia orthodoxa* была насквозь сакральна, отсюда отсутствие в ней свойственного Западу сугубо эстетического восприятия античности. Отсюда и непримиримо враждебное к ней отношение, суровое ее порицание как однозначно языческой (что продолжалось вплоть до Петровских времен). Такого рода сакральность была всеобъемлющей, включая само отношение к слову и тексту памятников письменности, которая была неотрывной частью церковности, исключаяющей само существование светской литературы. (Ее роль исполнял фольклор как внеписьменное проявление и внеположная требованиям Церкви форма бытия светской по своей сущности народной культуры).

Сакральность культуры предполагала, а сама инспирирующая и одновременно контролирующая роль церковного института обуславливала единственно допустимый характер перевода, который должен был соответствовать как общим и изначальным требованиям относительно формы, так и сугубо доктринальным предписаниям в сфере содержания.

Сакральное отношение к тексту и слову как письменному воплощению святости означало неприкосновенность, а поэтому неизменность и неизменяемость при воспроизведении средствами другого языка со свойственными ему лексическим своеобразием и смысловыми особенностями. Отсюда доктринально постулируемая и институционально требуемая пословная концепция перевода со всеми ее издержками и непримиримое отношение к опытам перевода грамматического, который возобладал лишь в XVII столетии¹.

Распространяемая не только на слово, но и структуру текста сакральная неприкосновенность, постулируя дословность перевода в ущерб понятности смысла, исключала тем самым и проявление индивидуальности переводчика как соавтора, его оригинальности в поисках и творческом использовании аналогов местного языка и местной культуры. Эти свидетельства качественного саморазвития перевода как искусства обрели естественное проявление в *slavia latina* вследствие отмеченного выше параллелизма светскости и сакральности в Западном круге культуры. Сам тип такого сосуществования (а не требования того или иного института) предопределял соответствующую характеру текста стратегию перевода, нацеленную на максимально возможную адекватность в передаче смысла и формы.

---

¹ Концепциям перевода посвящена обширная литература. Здесь представляется целесообразным отметить следующие: *Маутхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976; *Гоцеридзе Д. З., Хухуни Г. Т.* Очерки по истории западноевропейского и русского перевода. Тбилиси, 1986; *Хухуни Г. Т.* Русская и западноевропейская переводческая мысль (основные тенденции развития до начала XX в.). Тбилиси, 1990; *История русской переводной художественной литературы.* Т. I–II. СПб, 1995–1996.

Эти обусловленные локальной историко-культурной спецификой Средневековья различия типов перевода в то же время создавали типологически разные основы той литературной культуры, которая вследствие аксиологической общности цивилизационного универсума способствовала возникновению теперь уже общеевропейского процесса в литературе и культуре Нового времени.

В категориях времени большой длительности некоторые, по своему уникальные для соответственно *slavia orthodoxa* и *slavia latina* памятники при диахронном рассмотрении открывают перспективу на дальнейшую историю искусства словесности, первоначально возникшую благодаря переводным образцам. Так, например, на фоне традиционных творений древнерусской письменности «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона (XI в.) может рассматриваться как начальный опыт авторского своеобразия, основой которого является привнесенная переводами на церковнославянский литературная культура *slavia orthodoxa*. Это проявляется как в системе приемов организации текста, так и в содержательной сфере (древнерусское восприятие христианского мировидения и его преломления в древнерусской ментальности)¹. Подобного рода примером *slavia latina* той же поры является «Хроника» Галла Анонима (ок. 1112–1117). Этот своеобразный «маточник» польской литературы латиноязычного Средневековья отражает как современный для Запада уровень литературной культуры и филологического мышления (авторское владение правилами поэтики и риторики), так и масштаб художественности: индивидуализация повествования, творческое использование в обрамляющей структуре хроники сюжетов романа, лирики, агиографии, панегирика, устных исторических преданий, а в стилях и формах повествования – ритмизированной и рифмованной прозы, *prosimetrum*

---

¹ В ряду исследований творения митрополита Илариона особого внимания заслуживает работа: *Топоров В. Н.* Работники одиннадцатого часа. «Слово о законе и благодати» и древнерусские реалии // *Russian literature*. Vol. XXIV. North-Holland – Amsterdam, 1988.

(чередование прозаических и рифмованных фрагментов), леонинского стиха, силлабического 8-слового и 15-слового трохея. В целом этот жанрово-стилевой ансамбль отражал присутствие в Польше характерных для западной литературной культуры тех времен принципов *ars dictandi* (когда произведение письменности одновременно предназначалось для светского чтения вслух).

Отмеченный выше параллелизм *sacrum* и *profanum* в западноевропейском круге культуры, обуславливая независимое от церковных предписаний **собственно художественное** развитие словесного искусства, предопределял и сам переход от универсального языка универсального института Церкви к живой разговорной стихии своей народности. В церковной письменности, скованной традициями и догматическими предписаниями, этот процесс наступил позднее и опять-таки (как и в начальном периоде письменного искусства слова) был обусловлен потребностями самой Церкви. Речь идет о Реформации и поздней практике Контрреформации.

В перспективе диахронии «Хроника» Галла Анонима – произведение **светского** Средневековья – предстает как своего рода исток той универсальной культуры и письменности, чьи представления, образы, сюжеты и жанры обретают в эпоху Возрождения новый облик. Теперь он воссоздается уже на своем языке, укорененном в своей изначальной традиции, языке адекватно отражающем ментально собственное усвоение ценностей цивилизационного универсума и – при всей с ним осознанной связанности – предстает как особое воплощение именно своей особенной культуры. Здесь начало всей последующей истории формирования национального самопонимания разных народов одной цивилизации. Поэтому-то литература становилась его зеркалом. Творчество на родном языке, отражая развитие самого этого языка (который не случайно стал синонимом понятия «народ»: вспомним пушкинское «всяк сущий в ней язык») наложило отпечаток на искусство перевода.

В национальном самосознании переложение иноязычных текстов стало означать не только передачу их смыслов (как это было прежде), но и придание им звучания, свойственного ментально своим ощущениям и своим же культурно-бытовым представлениям. В славянском мире своего рода эталоном этого нового качества всего последующего развития национальных литератур является ренессансное творчество Яна Кохановского (1530–1584), создавшего тот канон литературного языка, который в России связан с именем Пушкина. Переводы Кохановского в восточнославянских литературах XVI–XVII вв., отражая процесс их постепенного выхода из круга своего затянувшегося Средневековья в ренессансно-барочную современность соседней Польши, в то же время являют собой проявление новых принципов искусства перевода. Приобщение к филологической культуре Нового времени раскрепощает мышление восточнославянских людей пера, пробуждая в них личностное начало, индивидуальное (а не традиционно скованное церковными догмами) восприятие переводимого текста. Культурно-художественная освобожденность переводчика выводит его из круга средневековых предписаний дословности, порождая устремленность к эстетическому воссозданию смысловой адекватности. А она достигается путем поисков местных культурно-языковых аналогов, их подбора и адаптирования применительно к смыслам переводимого текста. Русским образцом этого нового отношения – открывающего перспективу всей дальнейшей истории искусства перевода – является популярнейшая «Псалтирь рифмотворная» (1668, изд. 1680) Симеона Полоцкого. Это произведение, созданное под непосредственным воздействием ренессансной «Давидовой Псалтири» (1579) Яна Кохановского было также и прямым подражанием крупнейшему польскому поэту, творчество которого было в оригинале хорошо известно белорусу Симеону Полоцкому – как и всем представителям образованной украинско-белорусской среды. В свою очередь для самого Кохановского основным источником был латинский перевод шотландского гуманиста Д. Бьюкенена,

с тем, что его польское переложение преобразило этот ставший для иудео-христианства универсальным памятник ветхозаветного искусства слова в шедевр национальной поэзии.

Так темы, образы, представления, которые благодаря переводам с одного сакрального языка на другой стали во времена Средневековья всеобщими, теперь – в эпоху Возрождения – обретают местное воплощение и локальное культурно-художественное своеобразие, что отражает развитие национальных культур и творчества на родных языках. Отныне внутрисакральные переводы получают исторически новое продолжение как в переводах с языков сакральных на народные, так и в переводах с одного народного языка на другой.

В ренессансно-барочные времена автор перевода мог осмысливать свой труд и как **сотворчество** с автором оригинала. В славянских литературах той поры это новое в европейской истории искусства перевода обрело талантливейшее воплощение в «Гоффриде, или Освобожденном Иерусалиме» (1618) Петра Кохановского. Польский поэт в польском духе преобразует эпическую поэму Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575, изд. 1580). Универсалистское – римско-католическое – мироощущение и надэтническая, единящая народы латинского мира идея первого крестового похода и связанных с ним событий – все это близкое полякам тематически в то же время в переводе, переходящем в творческую переработку-восполнение, обретает патриотическое звучание. Сохраняя форму и стиль оригинала, П. Кохановский благодаря Т. Тассо обогащает польскую строфику октавой. Усиление же и восполнение рыцарских мотивов, поединков и схваток было навеяно войнами Речи Посполитой с крымскими татарами и турками. Насыщение повествования патриотическим звучанием было связано со своей прошлой и современной действительностью – с защитой польских рубежей от мусульманских набегов.

Перевод-переложение П. Кохановского стал эталоном для польской эпики XVII в., оставив следы и в национальной литературе

XVIII–XIX вв. В качестве образца он вошел в поэтики и школьные программы XVII–XVIII вв., тем самым регламентируя искусство перевода и формируя вкусы читателей на украинско-белорусских землях в составе Речи Посполитой. В России Ф. Прокопович в лекциях по поэтике (1705) считал «Освобожденный Иерусалим» в варианте П. Кохановского образцом эпического жанра. Украинский перевод Тассо в конце XVII – начале XVIII вв. и чешский в XIX в. были сделаны с польского варианта П. Кохановского.

Феномены Яна и Петра Кохановских способствуют осознанию того, сколь зыбкая грань разделяла искусство перевода и оригинальное творчество во времена Ренессанса, Барокко и Просвещения¹, равно как и роль перевода в межлитературном распространении новых эталонов жанра, стиля и целых литературных направлений от эпохи Возрождения и вплоть до нашего времени. Это относится и к сфере культуры, что уже осознавалось в ставшие далекими времена. Вспомним, например, создаваемые «сверху» институты, способствующие переводам книг в Польше и России XVIII в. с целью распространения западноевропейских идей и образцов эпохи Просвещения или же общеевропейскую – включая те же Россию и Польшу – роль перевода, переложений и переработок английского «Зрителя» Д. Аддисона и Р. Стила в зарождении и развитии журналистики, а в связи с ней – методов убеждения и способов распространения новых представлений о морали, воспитании, образовании, науках, культуре, литературе и искусстве «века разума».

Тогда же вследствие осознанной и целенаправленной деятельности «республики философов» (по словам Вольтера), переводам их произведений, формировалась теперь уже по своим масштабам общеевропейская высокая культура. В мечтаниях этого философа, чье имя стало символом эпохи, она должна

---

¹ Так, например, в Польше первая дискуссия об оригинальном творчестве и плагиате имела место только в последней четверти XVIII в.

была простирается «от Парижа до Пекина»¹. По сути это был очередной этап восходящей к Средневековью идеи *translatio studii*. С тем, что теперь универсальные ценности европеизма, обретая новое качество (секулярность), распространяются вследствие коммуникации, но теперь уже не церковных институтов, а культурной и творческой элиты. Языком же такого общения является уже не универсальный язык Церкви, а национальные языки крупнейших центров культуры и переводы именно с этих языков.

Во времена Новой истории государственные языки крупнейших культурных центров Европы становятся языками межнационального общения. Тем самым нетитульные нации получают возможность обрести европейскую известность только благодаря переводам на такие языки. Отсюда появление новой тенденции, утвердившейся и функционирующей по сей день: переход инациональных писателей на язык титульной нации. Характерные примеры: англоязычное творчество ирландских и шотландских писателей, творчество части литературной среды бывших колоний на языках бывших империй, творчество евреев на языках государств, гражданами которых они являются. Конкретные примеры крупнейших писателей: поляк Юзеф Коженёвский вошел в историю мировой литературы как английский писатель Джозеф Конрад, русский писатель Владимир Набоков снискал всемирную известность благодаря англоязычному творчеству, украинец Н. В. Гоголь², чуваш Г. Айги, киргиз Ч. Айтматов, абхазец Ф. Искандер, белорус В. Быков своей широкой зарубежной известностью обязаны русскому языку. В этой связи следует особо отметить такое явление, как авторизованный перевод – своего рода индивидуальное свидетельство устремлений писателей войти в литературную жизнь

---

¹ *Лунатов А. В.* Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.

² См.: Н. В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012.

и культурное сознание Европы на национально чужом для них языке.

По мере национального развития европейских народов, а вследствие этого – общекультурного развития европейского универсума – появляется и постепенно обретает развитие искусство перевода с языков других цивилизаций. Это было следствием нарастающей европейской экспансии в мировом пространстве. Такого рода процесс обусловил новый облик и новое качество перевода как феномена, обладающего не только функцией **внутрицивилизационного** сближения культур, но и сближения **межцивилизационного**, что постепенно обрело тот эпохальный облик, который уже в наши дни был наречен глобализацией.

По своей политико-экономической, культурной и художественной сути – это продолжение исторического процесса неуклонного возобладания удельного веса Европы в мировом пространстве, а тем самым распространения европеизма как цивилизационной доминанты со всеми ее плюсами и минусами. (Впрочем, все, что сотворило человечество на протяжении своей истории, уже по определению не может быть совершенным.) В самом же исторически неизбежном и неуклонно развивающемся процессе циркуляции идей, распространении художественных и культурных ценностей перевод как связующее звено уже не только разных национальных культур, но и разных цивилизаций обретает особый удельный вес не только в литературе, театральном искусстве и кинематографе, но и в сфере межцивилизационного взаимопонимания, транслируя гуманные ценности европеизма, восходящие к эпохам Возрождения и Просвещения. Именно это играет важнейшую роль в нынешние времена уже не только традиционных межнациональных конфликтов, но и, увы, нарастающих межцивилизационных.

О. А. Лысенко (Санкт-Петербург)

Институт судебных переводчиков: балканский опыт

В докладе предполагается сделать обзор основных вех в истории формирования переводческой мысли в Сербии, представить основополагающие труды, организации и учреждения, проблемы и достижения.

Также будет рассмотрено возможное влияние идей российских теоретиков переводоведения на сербских ученых и учет достижений отечественной школы перевода в сербской теории перевода и практике его преподавания (например, учебные программы для студентов-лингвистов).

Русский язык в Словении: младшие представители русскоязычной диаспоры о своем языке

В связи с тем, что Словения в течение последних двух десятилетий стала привлекательной для большого количества приезжих из России и русскоговорящих стран бывшего СССР, явление русско-словенского билингвизма, по нашему мнению, заслуживает самого пристального внимания исследователей¹. За последнее время количество русскоговорящих жителей Словении выросло до пяти тысяч человек², многие приезжают в рамках бизнес-миграции, открывают собственную компанию и оказываются перед необходимостью пройти языковую и культурную адаптацию в максимально сжатые сроки. При этом основное внимание первого поколения мигрантов, как правило, устремлено на максимально быстрое освоение словенского языка. Языковой шок обычно переживается детьми, которые вместе с родителями переезжают в другую страну. Сохранению, а там более развитию русского языка в таких

---

¹ Исследование было проведено в рамках словенско-российского билатерального исследовательского проекта «Фазы языковой адаптации в речи разных поколений русскоговорящих мигрантов в Словении и словенско говорящих мигрантов в России», проект № VI-RU/14-15-034, руководитель проекта со словенской стороны – к.ф.н. И. Д. Макарова-Томинец (Приморский университет, г. Копер), руководитель проекта с российской стороны – д-р, проф. Г. П. Нецименко (Институт славяноведения РАН). За помощь в сборе материалов автор выражает благодарность Российскому центру науки и культуры, коллективу, родителям и ученикам Люблянской школы дополнительного образования по русскому языку «Весела друшчина», лично ее директору Ю. Н. Месарич, а также Государственному экзаменационному центру за подготовку архивных материалов.

² Так по данным МВД Республики Словении на 30 августа 2015 г. было зарегистрировано 2322 действующих разрешения на временное либо постоянное пребывание, выданных гражданам Российской Федерации, а также 1841 действующее разрешение на временное / постоянное пребывание переселенцам из Украины, в общем сложности 4163 человек. См. официальный сайт МВД РС: URL: http://www.mnz.gov.si/si/mnz_z_a_vas/tujci_v_sloveniji/statistika/ (дата обращения: 28.09.2015).

условиях обычно уделяется значительно меньше внимания. При этом русский язык в речи младшего поколения русскоязычных жителей, то есть детей, приехавших из России в Словению или уже родившихся здесь, претерпевает существенные качественные изменения. Изменения вызваны второстепенным положением русского языка, сфера функционирования которого резко сужается. В новых условиях русский язык обслуживает преимущественно домашнее, семейное общение детей с родителями, представителей диаспоры между собой. При этом важным разграничительным фактором является также языковой состав семьи (монолингвальный или билингвальный), если речь идет о смешанных семьях, то русский язык сохраняется (и то не всегда) только при общении, чаще всего, русскоязычной мамы со своим ребенком, который уже с самого раннего возраста формирует свои языковые навыки в условиях билингвизма.

Явление словенско-русского билингвизма привлекло наше внимание параллельно с расширенным появлением русскоязычных детей в словенских школах, особенно в тех, где русский язык преподается в качестве факультативного иностранного языка¹. Словенские учителя при этом часто отмечают у таких учеников беглое владение русской речью и зачастую низкий уровень письменной грамотности (особенно орфографии). В ряде случаев положение призваны исправить частные школы дополнительного обучения русскому языку как родному, региональные филиалы которых сейчас можно найти в Любляне, в Копере, в Кране, в Радовлице и в Ново-Месте². В нашем исследовании русско-словенского билингвизма мы постарались охватить представителей русскоязычной диаспоры от 15 до 27 лет, с которыми провели часовые

---

¹ Наше исследование проведено в Гимназии «Поляне», г. Любляна, в течение 2014/2015 учебного года, занятия русского языка.

² См.: Люблянская школа дополнительного образования по русскому языку «Весёлые ребята», официальный сайт школы: <http://ru.ruskasola.si/>.

полуструктурированные интервью. Параллельно было проведено интернет-анкетирование родителей (около 60 человек), интернет-тестирование языковой компетенции билингвов по русскому языку (около 20 человек), а также сравнительный анализ письменных работ билингвов в рамках словенского ЕГЭ по русскому языку (за последние пять лет). Поскольку углубленному анализу письменных работ и статистике тестирования по русскому языку нами уже была посвящена отдельная публикация, в данной работе будут представлены преимущественно особенности устной речи и мнения самих представителей молодого поколения русскоязычной диаспоры о своем языке.

Согласно данным интервью, языковая компетенция опрошенных нами представителей русскоязычной диаспоры весьма неоднородна и отличается как по объему словарного запаса, так и по степени самостоятельности высказываний, по беглости и стилистическому разнообразию речи, по уровню фонетического соответствия русской произносительной норме. Различия обусловлены, с одной стороны, индивидуальными обстоятельствами, влияющими на языковую компетенцию наших информантов, так и некоторым общими факторами, которые мы на основании проведенного анализа можем выделить в качестве существенных. К последним мы можем отнести следующие:

- 1) языковой состав семьи (оба родителя говорят на русском или только один – чаще всего мама);
- 2) отношение родителей к русскому языку (не препятствует ли один из родителей возможности говорить на русском языке);
- 3) время пребывания в стране (посещение словенского садика, начальной школы, гимназии);
- 4) общение с поколением бабушек и дедушек, а также родственниками из России, не говорящими по-словенски;
- 5) круг русскоязычных собеседников (только мама или шире);

- 6) отсутствие эмоциональных травм, которые билингв может связать с русским языком (например, смерть бабушки или близкого родственника, говорившего на этом языке; принятие или неприятие ребенком возможного развода родителей, в результате которого он, выбирая родителя, выбирает и преимущественный язык общения, и т. д.);
- 7) возможность дополнительного изучения русского языка (как в словенской школе / гимназии, так и в школе дополнительного обучения русскому языку или на занятиях с репетитором);
- 8) личный вклад родителей в формирование языковой (и более широкой культурной) компетенции ребенка-билингва (например, чтение вслух на русском языке перед сном – в младшем возрасте);
- 9) поездки в Россию, интересные для ребенка (летние лагеря, посещения родственников);
- 10) регулярный просмотр русскоязычных телевизионных каналов;
- 11) регулярное чтение на русском языке (для себя, вне школьной программы);
- 12) индивидуальные способности ребенка;
- 13) отношение к России и русскому языку в семье (в младшем возрасте) и в ближайшем окружении ребенка (в подростковом возрасте);
- 14) в отдельных случаях также статус и положение русскоязычных родителей в стране проживания (осознание своей супериорности или же нивелирование своего языка и происхождения).

Полагаем, что важной особенностью положения русскоязычной диаспоры в Словении можно считать в целом нейтральное или даже положительное отношение словенцев к ее представителям¹. Согласно свидетельству наших информантов, случаи

---

¹ На основании данных интернет-опросов, см.: *Makarova Tominec I. Ruščina in slovenščina: jezikovna odstopanja v ruščini pod vplivom slovenščine kot jezika okolja //*

подчеркивания российского происхождения русскоязычных собеседников со стороны словенцев довольно редки¹. Данная ситуация, однако, не означает полного нивелирования разницы между словенским и российским менталитетом². В целом же наши информанты-билингвы положительно оценивают свое промежуточное положение между двумя языками и культурами, ощущают свое двуязычие скорее как дополнительный плюс, который придает им уникальность и выгодно отличает от монолингвов. Когда мы задавали вопрос, кем вы себя ощущаете, наиболее частый ответ был «в Словении я русская, в России я словенка» или же «больше словенка». По нашему мнению, такие ответы дают возможность говорить о благоприятной перспективе билингвизма в современной Словении³.

Если в отношении словенского языка все наши информанты высказали уверенное владение и полное отсутствие каких-либо проблем, во многих случаях отличное владение, то в отношении своего русского языка они более критичны. Так, многие информанты ощущают нехватку словарного запаса, периодически вставляя в русскую речь словенские слова, в большинстве своем критически оценивают свое правописание, часто отмечают недостаток владения грамматической системой русского языка (имея в виду редуцированный набор средств синтаксической связи, однотипный характер активно используемых фраз). Важным наблюдением наших информантов является однотипный характер тех фонетических сложностей (неразличение мягких и твердых согласных, неразличение на слух

Jezikoslovni zapiski / zbornik Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša. 2015. L. 21 Št. 2. S. 161.

¹ Например, в случае поражения команды России в футбольном матче со сборной Словении.

² Старшие информантки подчеркивают разницу во взглядах на личные отношения между русскими и словенцами, особенно в прокатолически настроенных словенских семьях согласно данным интервью, запись которого хранится у автора публикации.

³ Данные, полученные в результате интервью, в целом совпадают с данными интернет-опроса, см.: *Makarova Tominec I. Ruščina in slovenščina ...* S. 170.

позиций гласных И и Ы, опущение мягкого знака), которые в отношении русского языка испытывают и словенцы-монолингвы¹. Есть сложности с ударением. Наш анализ устных интервью, за исключением редких случаев, показывает также дополнительные отличия фонетического портрета русско-словенского билингва (узнаваемый словенский акцент русской речи): смягченная редукция или полное отсутствие редукции, которое на уровне акустического впечатления создает эффект слегка замедленной русской речи.

Как мы уже отмечали, языковая компетенция информантов неодинакова. В отдельных случаях мы отмечали затруднения при понимании наших устных вопросов: информанты просили повторить вопрос или пояснить непонятное слово; они испытывали затруднения при формулировании своих мыслей (вставляли словенские слова, которые не могли перевести на русский). На синтаксическом уровне мы отметили большое количество пауз, вводных слов, повторений, большое количество незаконченных слов и фраз, когда говорящий очевидно испытывал трудности при спонтанном формулировании своих высказываний или несколько раз пытался произнести русское слово, которое сходу не удавалось.

Естественным явлением на лексическом уровне является также вставка словенских слов в русскую речь. Частотный случай отклонения – глагол «идти», используемый в словенском значении «поехать». Часто в речи наблюдается смешение глаголов совершенного и несовершенного вида, использование которых в словенском отличается от русского узуса².

В качестве примера приведем несколько отрывков:

Информантка К., 20 лет:

Например, у нас была в школе Мария, она русская.... И, например, когда я ее на улице встречаю, я сначала, когда она еще не **знала** по-словенски разговаривать, я с ней по-русски говорила,

---

¹ См. подробное описание орфографических ошибок: *Makarova Tominec I. Ruščina in slovenščina ... S. 171–176.*

² См. *Derganc A. Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih // Slavistična revija. 2008. L. 56. Št. 2. S. 537–543.*

а сейчас, когда встречаемся, даже как бы обе начинаем по-словенски... даже она не начинает по-русски говорить, автоматически по-словенски... потому что наверное она меня считает как бы словенкой, не русской **знанкой**...

Я уже знаю, что мне надо, потому что у меня очень хуже стал мой язык, я не **умею** больше так хорошо говорить, и например, **один** год назад я лучше говорила чем сейчас... я уже вижу, даже сейчас вижу, здесь, то, что не помню, не могу вспомнить, вспомнить слова и так бы как бы очень просто говорить... так.... Ну надо, надо.

Информантка П., 20 лет:

Ну я буду работать... Я буду учиться... [с усилием] я стану мед-сестрой... На медицину – здесь называется Zdravstvena, факультет – visokošolski program... Мне бы надо было читать русские книжки и больше бы смотреть фильмы, сериалы... и больше разговаривать... Я с детства разговаривала на словенском, только с бабушкой по-русски...

Он такой... lepo se sliši... Он мне нравится

Вы русская?

Словенская... Немножко так, немножко так... Чувствую себя половина **русскую**, половину **словенскую**...

Информантка Д., 15 лет:

Читать и говорить мне сложно. Я вообще мало говорю. И потом забываю слова такие просто. **Говорить вообще забываю**... Там очень много правил разных, не можешь про все вспоминать, когда пишешь... Если бы я читала много, так было бы легко. Ну как то... мне кажется, жалко было, если бы я **забыла говорить** по-русски, это половина меня. Надеюсь, когда буду постарше, буду больше интересоваться этим.

Информантка Я., 18 лет:

У меня есть «В контакте», у меня есть... [страничка] ну вот, чтобы общаться с моей двоюродной сестрой и с друзьями, которые еще живут в России... Так... Они по-словенски не понимают. Это

друзья, которые я... которые мы с ними были на каких-нибудь русских экскурсиях, потому что я очень много раз бываю на ... на таких... ну не мероприятиях, ну на соревнованиях в России, на... когда у нас экскурсии по Москве, по Санкт-Петербургу. Там... там ты много новых людей узнаешь.

Ну, писать у меня сложности, потому что... Pravopis... Я стараюсь, но я забываю мягкий знак, где Ъ и И... У меня тоже проблемы, потому что я формулирую свои... ну как я пишу, я пишу на словенском... но... я думаю на словенском, но пишу русскими словами... Вот это самая большая ошибка, которую я делаю... Ну что, например у меня в русской школе даже... У меня учительница говорит, что... я могу написать как рассказ на русском, но я его напишу не как... не как русская, я его напишу как словенка...

В целом можно сделать вывод, что при благоприятном в целом отношении к русскоязычным жителями и русскому языку в Словении, наблюдаемом в настоящее время, уровень языковой компетенции русско-словенских билингвов весьма неоднороден и сильно зависит от индивидуальных усилий родителей, детей, педагогов, а также не в последнюю очередь от отношения и позитивного восприятия билингвами своей непохожести и самобытности.

Литература:

Bayer M. Sprachkontakt deutsch-slavisch. Eine kontrastive Interferenzstudie am Beispieldes Ober- und Niedersorbischen, Kärntner slovenischen und Burgenland kroatischen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. (Berliner Slawistische Arbieten. 28.)

Derganc A. Še o razliki med vzhodnim in zahodnim tipom delovanja glagolskega vida v slovanskih jezikih // Slavistična revija. 2008. L. 56. Št. 2. S. 537–543.

Макарова И. Д. Языковые отклонения в русском языке под влиянием словенского как языка окружения // Глобализационные процессы и их влияние на языковое и цивилизационное развитие этносов. Тезисы научной конференции. Москва, 27 октября 2015 г. М.: ИСл РАН,

2016. С. 7–8. – URL: http://inslav.ru/images/stories/other/2015_ tezisy_globalizacija.pdf (дата обращения: 28.09.2015).

Makarova Tominec I. Ruščina in slovenščina: jezikovna odstopanja v ruščini pod vplivom slovenščine kot jezika okolja // Jezikoslovni zapiski. Zbornik Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša. 2015. L. 21 Št. 2. S. 159–189.

Полинская М. С. Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США // Slavica Helsingensia 40. Instrumentarium of Linguistics, Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010.

Перотто М., Низник М. «По-русски говорим мы с детства...» Из опыта неформального обучения русскому языку в Израиле и в Ита-лии // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Helsinki: University of Helsinki, 2014. (Slavica Helsingensia 45). С. 75–95.

Себастьян Петруций, польский переводчик Горация

Перу Себастьяна Петриция, поэта, а также философа, профессора и врача (1554–1626) принадлежит первый на польском языке наиболее полный перевод-переложение четырех книг од Горация.

Особая примечательность этого труда заключается не только в его полноте, но и в предпринятой Петрицием технике парафразы, позволившей внести современные ему реалии в античные оды, а также в обстоятельствах, сопутствовавших созданию переводов. Они были драматичны: Петруций, участвовавший в польском походе на Москву в период Смутного времени, оказался в русском плену и в течение полутора лет (май 1606 – сентябрь 1607 г.) находился в заключении, где и занимался переводческим трудом «для утоления печали», от «тоски неволи». Этим объясняется и заглавие сборника переводов-парафраз – «Гораций Флакк в тяготах московской тюрьмы», изданного уже после освобождения и возвращения на родину (1609).

Во вступительном обращении «К читателю» автор излагает свои переводческие принципы:

Вот даю тебе изложение Горация, его порядку я следую всегда, а словам и предметам – не всегда, однако, сравнивая тот предмет с нашим, латинское с польским, ты легко можешь все понять. Чтобы я мог удержать тебя при чтении, я превращал чужое в свое, что было твердого – смягчил, что видел бесстыдного – сказал скрытно, а в чем ничего не было – о том умолчал или иное вставил, из чужого сада прикладывал лекарства, какие только мог придумать, к своим тяготам.

Петруций радикально заменяет римские реалии и персонажей оригинала на польских, а вместе с тем весьма значима

и «московская» тема, заявленная и в самом заглавии произведения, и в предваряющей авторской характеристике – «омосковленный Гораций». В переложении Петриция оды Горация наполняются непосредственно наблюдаемыми им «московскими» реалиями, людьми и событиями. Этот радикализм и свобода обращения с переводимым текстом давали основания исследователям называть это произведение Петриция поэтическим дневником, облеченным в форму травестирования од Горация. Сложные и драматичные польско-московские отношения времен Смуты приобретают у Петриция многослойное отражение (античность, польская культура XVI–XVII вв., автобиографический опыт). «Гораций Флакк в тяготах московской тюрьмы» является также и памятником польско-русских культурных связей.

**О переводе как «искусстве канатоходца»
(по следам монографии Штефана Вевара
«Эквилибр перевода»¹)**

Штефан Вевар (р. 1953) – словенский переводчик, переводовед. В 1978 г. окончил философский факультет Люблянского университета по специальности «Германистика». Перевел на словенский язык произведения наиболее значимых немецких авторов (Гете, Шиллера, Гейне, Кафки, Грасса, Мюллера, Хадерлап и др.). В 2001 г. он опубликовал монографию «Базовые аспекты и принципы теории литературного перевода»², а в 2012-ом – «Феномен Гете (его эстетика и поэтика от оригинала до перевода на словенский язык)»³. Докторская диссертация была им защищена в 2011 г. В период с 2002 по 2006 гг. возглавлял Общество словенских переводчиков художественной литературы.

Когда идешь по канату, груз переводимого текста перекачивается у тебя на горбу. После перехода груза оказывается меньше, поэтому, прежде чем поместить этот багаж на весы читателя, нужно уравнивать его вес с исходным. Что взвалить на себя, как отобрать нужное, как нести переводческое бремя, чтобы перебраться на другой берег без особых потерь?

Неординарность монографии «Эквилибр перевода» – в сопоставлении деятельности переводчика с искусством балансирования на канате, сохранения центра тяжести тела точно над точкой опоры. Изначальная прагматика переводческого труда – передать

---

¹ *Vevar Š.* Vrvohodska umetnost prevajanja. Ljubljana: Cankarjeva založba, 2013.

² *Vevar Š.* Temeljni aspekti in principi teorije literarnega prevajanja. Ljubljana: Študentska založba, 2001.

³ *Vevar Š.* Fenomen Goethe (Njegova estetika in poetika med originalov in slovenskim prevodov). Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2012.

смысл, содержание. Переводчик не сфальшивит, правильно расставив приоритеты, уловив тональность произведения, помня о закономерностях жанра, соблюдая речевые характеристики персонажей... А опыт переводчика, наработанные навыки, позволяющие лучше справляться с поставленной задачей – это и есть его шестибалансир: чем он тяжелее, тем устойчивее равновесие.

Возможен ли качественный литературный перевод без знакомства с теоретической базой? Вполне. Возможен ли качественный литературный перевод лишь на основе знакомства с теоретической базой? Отнюдь. Так, может быть, прикладная теория – это нечто излишнее? На этот вопрос автор отвечает: «Конечно, если по духу и наклонностям ты не переводчик, то и книга тебя не сделает им, но мне верится: она может способствовать творческому росту того, в ком есть задатки».

Монография Ш. Вевера включает в себя следующие разделы: «Проблема», «Решение проблемы (теоретическое)» и «Решение проблемы (практическое). Примеры из переводческой практики». В них автор дает характеристику основным факторам проблемы перевода, а также основным дилеммам, с которыми сталкивается переводчик. Автор создает системную нормативную модель способов решения проблем перевода, которая может пригодиться на практике как переводчику, так и тем, в чьи задачи входит критический анализ перевода. Информация, которая здесь содержится, дает возможность достаточно объективно определить качественный уровень перевода. Последняя глава представляет собой своего рода переводческий мастер-класс: автор на материале неудачных переводческих пассажей демонстрирует, по его выражению, «отклонения от объективно достижимого в переводе».

В 2007 г. журнал о переводе «Hyeronymus» опубликовал статью Ш. Вевера «Меж Аполлоном и Дионисом. От переводческого

лунапарка до изящества архитектуры перевода»¹, посвященную поискам «сути литературного высказывания, которое следует воспроизвести в переводе», и «корней, питающих перевод». Аполлон – олицетворение гармонии, порядка, красоты, логичности мышления. Дионис – воплощение хаоса, чувственности, гедонизма; он норовит взорвать устоявшиеся правила, взломать стереотип. Однако Дионис без Аполлона не способен породить ни формы, ни структуры, присущей шедевру, и, напротив, Аполлону без помощи Диониса для создания шедевра не хватит страсти и жизненной силы. Хороший перевод зиждется на гармоничном сочетании того и другого. Сплетение этих крайностей носит диалектический характер, это непрерывающаяся череда взаимных побед, порождающая высшее целое – качественно переведенный текст.

Однако далеко не все переводы являют оптимальную пропорцию между этими крайностями. Некоторые из них преимущественно, а то и радикально аполлинистичны, иные – дионисичны. Инновацией автора является выведенная им дополнительная классификация переводных текстов – с присвоением соответствующих терминов. Так, наряду с аполлинистическим (рациональным) и дионисическим (интуитивным) переводом, Штефан Вевар приводит термины для радикально аполлинистического перевода (наивно-рациональный) и радикально дионисического (наивно-интуитивный). Рефлексивно-интуитивным автор называет перевод, сочетающий в себе оба начала, а для того, чтобы он мог считаться художественным, ему необходим венчающий «орнамент»...

Рациональный перевод (академический, филологический, «преподавательский») – это перевод, с педантизмом сохраняющий все элементы сообщения, которые несет в себе оригинал. Переводчик ориентируется на исходный, а не на целевой текст. Такой перевод можно назвать точным, но вряд ли это похвала.

---

¹ Vevar Š. Med Apolonom in Dionizim. Od prevodnega lunaparka do umetniške prevodne arhitekture // Hyeronimus. Revija o prevajalstvu. 2007. Št. 1–2. S. 89–99.

Наивно-рациональный перевод представляет собой деградацию рационального. Семантику он сохраняет, но эстетичности и лаконизма в нем мало. И даже при передаче смысла он склонен к упрощению, он банален, это слепое соблюдение дословности, утрата коннотаций, пренебрежение контекстом.

Интуитивный перевод (противостоящий рациональному), выполненный опытным переводчиком, можно сравнить с удачно возведенным зданием, которое отличается хорошей планировкой. Здесь нет пристрастия к деталям, но чувствуется стиль. И даже если имеются видимые отклонения от содержания сообщения, такое здание стоит на здоровом фундаменте и впечатляет. Хорошим чувством пространства обусловлен и образцовый ритм.

Наивно-интуитивный перевод, в отличие от наивно-рационального, тоже характеризуется ритмичностью и умением распорядиться пространством. Однако свободное обращение с семантикой здесь приводит к тому, что рождается не перевод, а переложение. Здесь нередко смешиваются языковые регистры, подбираются неверные эквиваленты: «вместо городской гостиной нам выстраивают курную избу».

Рефлексивно-интуитивный перевод – это удачное сочетание городской планировки и архитектуры. Переводчик-архитектор понимает, в какой среде что можно построить. Он глубоко чувствует оригинал и стремится воссоздать все его черты в переводе, а для того, что не поддается воспроизведению, – найти аналог. Интуитивный переводчик рисует стилизованный ландшафт, а рефлексия организует его очертания, «вписывает» его в новый культурный контекст.

Художественный перевод рождается, когда добротное ремесленное изделие облекается в поэтику. Оно обретает декор, ауру. Декор – это семантическая «избыточность», замаскированная в мелких штрихах, то, что делает стиль неповторимым. Это иррациональное, едва уловимое «ядро» прекрасного в художественном произведении: то, что в рефлексивно-интуитивном переводе не на-

ходит своего аналога, здесь обретает жизнь, завораживает. Художественный перевод не называет прямо того, что в оригинале только подразумевается, в нем верно схвачен и последовательно присутствует ритм. В нем оригинал очищается от тавтологии, возникшей по недосмотру автора. В нем отсутствуют кальки. Чужая специфика не «забывает» родного звучания, возникает симбиоз. Это и есть оптимальное включение оригинала в новый культурный контекст.

Словацкая драматургия в Советском Союзе и современной России¹

Примерно столетие назад в словацкой культуре произошло событие, положившее начало как эпохе профессионального театра в Словакии, так и новому, современному этапу развития словацкой драматургии: в 1920 году в столице Словакии Братиславе была основана первая профессиональная театральная сцена – Словацкий Национальный Театр. Открывшиеся новые театральные возможности дали словацким литераторам значительный импульс для создания новых драматургических произведений, которые теперь, наконец, могли получить свое сценическое воплощение. С этого момента в драме, традиционно самом «запаздывающем» роде словацкой литературы, наблюдается период бурного развития. Однако все межвоенное двадцатилетие проходит в Словакии под знаком «вызревания» национальной театральной культуры, становления профессионального реалистического театра и «театрализации» словацкой драматургии в целом. Словацкой драме сначала еще предстояло преодолеть значительный разрыв, издавна существовавший между высокой книжной драмой и «легкими» развлекательными текстами, традиционно специально писавшимися для любительской сцены.

Однако с 1950-х гг. пьесы словацких авторов начинают обращать на себя все большее внимание зарубежных переводчиков и режиссеров-постановщиков. Тогда же в Советском Союзе начали переводиться на русский язык и издаваться большими тиражами самые заметные словацкие драматургические произведения, что продолжалось вплоть до 80-х годов. Широкий советский читатель и театральный зритель получил возможность познакомиться с пье-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

сами ведущих словацких драматургов: Ивана Стодолы, Петера Карваша, Ивана Буковчана, Яна Соловича, Освальда Заградника. Многие из их произведений были поставлены на театральных сценах в разных уголках нашей страны. Отдельные спектакли, созданные по драмам словацких авторов, в свое время вызвали огромный резонанс и стали яркими событиями советской театральной жизни. В первую очередь, это касается пьес П. Карваша «Полуночная месса» («Святая ночь») (1959) и О. Заградника «Соло для часов с боем» (1972). Первая особенно запомнилась постановкой Московского драматического театра им. Станиславского, в которой участвовали ведущие актеры театра Г. Бурков, М. Менглет, И. Козлов, В. Скраубе и которая продержалась в репертуаре театра около десяти лет. Вторая – спектаклем МХАТа, поставленным О. Ефремовым и А. Васильевым, пригласившими на главные роли в пьесе «ветеранов сцены» М. Яншина, А. Грибова, О. Андровскую, М. Прудкина, В. Станицына.

В последующие годы произведения словацких драматургов также продолжали публиковаться на русском языке (хотя и не в таком объеме и не такими тиражами, как прежде) и время от времени возникали в афишах российских театров, причем не только московских и петербургских. Из последних постановок можно, к примеру, отметить спектакль Московского драматического театра им. Гоголя по пьесе О. Заградника «Долетим до Милана» (2000), спектакль Молодежного театра Волгограда «Прежде чем пропоет петух» (2013) по одноименной пьесе И. Буковчана, а также постановки пьесы «Соло для часов с боем» Ярославского театра им. Ф. Волкова (2007), Воронежского академического театра драмы им. А. Кольцова (2015) и Свердловского академического театра драмы (2015).

Очевидно, что издание той или иной словацкой пьесы в русском переводе и тем более появление ее на советской (русской) театральной сцене значительно расширяло круг читателей и зрителей этого драматургического произведения и способствовало популя-

ризации как творчества ее автора, так и всей словацкой литературы в целом. Зачастую именно через русские переводы и русскоязычные театральные постановки о произведениях словацких драматургов узнавали за пределами нашей страны. Советский Союз, а затем Россия всегда являлись самыми главными посредниками в распространении знаний о словацкой культуре и литературе в мире.

Л. И. Раздобудько-Чович (Баня-Лука)

**Два перевода мемуаров В. Набокова
с русского («Другие берега») и английского («Speak, Memory»)
оригиналов на сербский и хорватский языки**

Предметом данного доклада являются переводы на сербский язык романа «Другие берега» и авторизованного перевода с английского оригинала «Speak, memory» с его интерпретацией исходного варианта «Память, говори» на хорватский язык. Нашей целью стало проанализировать специфику двух этих переводов *мемуаров* как особого набоковского переводного жанра, что обусловлено, во-первых, особой культурологической и стилистической спецификой текстов Набокова, определяющей особый интерес к передаче на близкородственные славянские языки, в данном случае – сербский и хорватский. Во-вторых, уместно представить обзор ее переводов-переделок. В-третьих, проанализировав набоковскую теорию перевода, можно выявить специфику ее отражения в практической переводческой деятельности писателя на основании разбора указанных текстов: «Другие берега» и «Память, говори», фактически являющихся переводом перевода. В-четвертых, важно обнаружить и систематизировать расхождения в русских текстах этого автобиографического романа и дать определение их функционального и интерпретационного назначения, равно как и способов их реализации в сербском и хорватском переводах. В-пятых, поскольку оба варианта насыщены густой сетью

русских реалий, то задачей первостепенной важности становится проследить, как в сербском переводе «Друге обале» Петара Вуйичича¹ и хорватском «Govori, sjećanje» Нады Шолян² интерпретируется комплекс русского контекста³.

---

¹ *Набоков В.* Друге обале / Предео са руског П. Вујичић. Градац, 1995. 177с. – Перевод выполнен с оригинала: *Набоков В.* Другие берега. М., 1989. 177 с.

² *Nabokov V.* Govori, sjećanje! / S engleskog prevela N. Šoljan. Rijeka, 2002. 251 с.

³ См. также: *Раздобудько-Чович Л. И.* Перевод как интерпретация и импровизация. На материале сербских переводов мемуаров В. Набокова с двух «оригиналов»: английского («Speak, Memory») и русского («Другие берега») // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 72–80.

**Перевод общегуманитарного научного текста:
опыт контрольного редактирования**

В работе коротко описываются общие характеристики научного функционального стиля, его морфологические, лексические и синтаксические особенности, а также терминосистемы словенского языка и их соотнесенность с русским языком. Дается конкретный анализ типичных переводческих ошибок при использовании общеупотребительной лексики и терминологии экономических дисциплин на материале монографии «Устойчивое развитие: экономические, социальные и экологические аспекты» (М., 2014; в коллективном переводе участников семинара). В частности, анализируются случаи правильного и неправильного употребления лексем «компания», «фирма», «бизнес», «доход» «прибыль» и т. д. в русском тексте.

**Поэзия Э. Багряны: трансформация женских образов
в переводах А. Ахматовой¹**

Женский образ в поэзии Э. Багряны (1893–1991) отличается новаторством по сравнению с его репрезентацией в болгарской литературе ранее, однако сохраняет болгарский культурный код, который трансформируется при передаче на русский язык. Исследование посвящено особенностям проявления русского культурного кода в стихотворениях Э. Багряны в переводах А. Ахматовой (1889–1966), зависимостей данных проявлений от личных и политических обстоятельств в жизни А. Ахматовой, которые могли повлиять на передачу авторского текста.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

Роль Ю. И. Венелина в распространении знаний о Болгарии¹

В докладе предполагается акцентировать внимание на тех произведениях болгарских писателей, которые были написаны в период национального возрождения (XVIII–XIX вв.). В России переведены на русский язык некоторые произведения классиков болгарской литературы, созданные в этот период (в частности, талантливые прозаические произведения Сафрония Врачанского, Любина Каравелова, Васила Друмева, гениальные стихотворения Христо Ботева, Петко Рачева Славейскова, Ивана Вазова). Произведения этих писателей не отделимы от тех суровых испытаний, которым подвергался болгарский народ в течение пятисот лет с тех пор, как Болгария была завоевана турецкими завоевателями. Для художественного сознания этих писателей литература – это и летопись национальной судьбы. «Муками ада», «Голгофой» называли писатели османское иго. Они призывали Россию помочь болгарам добиться независимости. И Россия откликнулась на стон и клич Болгарии. В результате Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Болгария обрела свободу.

Сегодня нередко искажается история этой освободительной войны, наблюдается переоценка роли России в освобождении Болгарии от османского ига. Болгарские классики создали произведения, которые не только доставляют эстетическое наслаждение, но и являются художественной летописью национальной истории. Будучи свидетелями и очевидцами событий русско-турецкой войны, они воспели славу русскому оружию. Они называли русских воинов «рыцарями добра» (Вазов). Россия своей кровью подарила болгарам свободу. Двести тысяч русских воинов сложили свои го-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

ловы на алтарь болгарской свободы. Произведения болгарских классиков необходимо переводить. Нужно переиздавать удачные переводы прошлых лет.

Гоголь среди современных славян¹

Великий Николай Васильевич Гоголь (1809–1852), великий не только в своем отечестве, Малороссии, не только в России, но далеко за их пределами; благодаря переводам на многие языки мира его наследие стало бесценным достоянием мировой литературы.

Вместе с тем то там, то здесь приходится слышать обобщающе неосторожные замечания, как правило, брошенные вскользь – но тем безапелляционнее: якобы всем известно, что перевести Гоголя нельзя, не получается... Возможно, свою роль сыграли слова В. Г. Белинского: «Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанционального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано»². А может, заблуждался Белинский? Доказательством может служить рецепция произведений писателя в славянских странах (хотя и не только), где Гоголя любят и переводят на протяжении более чем полутора столетий, его творчество значительно повлияло на развитие национальных литератур и сохраняет актуальность по сей день. Известный славист-литературовед Л. Н. Будагова во вступительной статье к коллективному труду, ответственным редактором которого она является и о котором пойдет речь (хотя и не только), приводит удивительный на первый взгляд факт: «По числу упоминаний во втором и третьем томах “Истории литератур западных и южных славян” (М., 1997–2001)³, охватывающих XIX – первую половину

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

² *Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души (1842) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. М.: Изд-во АН СССР. 1953–1956. Т. VI. М., 1955. С. 259.*

³ *История литератур западных и южных славян. В 3-х тт. Т. I: От истоков до середины XVIII века. М.: Издательство «Индрик», 1997. 888 с.; Т. II: Формирова-*

XX вв., Гоголь заметно превосходит Шекспира, Байрона, Гете, Л. Толстого, Достоевского и всех других русских и зарубежных писателей, уступая только Пушкину». Проникая в причины такой популярности Гоголя у славян, Будагова особо подчеркивает не только уровень, но и универсальность его таланта: «Совокупность его произведений – это по сути дела аналог целой развитой национальной литературы <...> В гоголевской модели представлены разные направления (от романтизма до реализма), жанры (повесть, роман, комедия, публицистика), литературные роды – эпос, лирика, драма; огромный интонационно-стилистический диапазон – от язвительной насмешки до пронзительной лирики; в ней проявляют себя веристическое и фантастическое начала, редкая наблюдательность и буйное воображение автора, его знания истории и мифологии»¹. Все это было востребовано славянскими национальными литературами, на разных этапах своего развития выбиравших для себя и постигавших новые грани феномена Гоголя.

Несколько лет назад в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы» в честь его 200-летнего юбилея, на основании материалов подготовлен объемный том, который, получив грантовую поддержку РГНФ на издание, вышел в конце 2012 г. В книгу вошли 47 статей 46-и авторов, в том числе двенадцати иностранных ученых; в более чем половине работ есть выход на современность. Это особенно ценно, поскольку подтверждает живой интерес к писательскому наследию, сохранившему свежесть

ние и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX годы. 1997. 672 с.; Т. III: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). 2001. 992 с. – Этот фундаментальный труд является уникальным в мировой литературоведческой славистике, бесценный итог работы российских ученых, почти сразу же ставший библиографической редкостью. Ничего подобного до сих пор не было, да и по объективным обстоятельствам пока нигде больше не может быть создано.

¹ Будагова Л. Н. Перечитывая Гоголя и Белинского. Вместо предисловия // Н. В. Гоголь и славянские литературы. М.: Индрик, 2012. С. 9–21.

мысли несмотря на смену литературных и исторических эпох в развитии европейской цивилизации, проникающему в непреходящую суть вещей, а потому имеющему вневременное значение.

Исследования дают широкую панораму нынешнего восприятия Гоголя у современных украинцев, поляков, чехов, словаков, болгар, сербов и македонцев. Авторы труда не ставили перед собой специальной задачи представить всю современную славянскую палитру, да и, вероятно, даже в такой объемной книге не возможно было бы охватить все явления связанные с именем писателя, тем более что – по мнению авторов – рецепция Гоголя у славян еще далеко не закончена. И отнюдь не только потому, что на момент проведения конференции юбилейные торжества были еще в самом разгаре.

Так, в Словении уже в 2010 г. вышел том (более шестисот страниц) произведений Гоголя под названием «Пропавшая грамота»¹ в новых переводах видных (хотя и достаточно молодых) переводчиков Урши Забуковец и Борута Крашевеца. В книгу вошли малая проза «Пропавшая грамота», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Вий», «Петербургские повести» («Невский проспект», «Нос», «Шинель»), «Выбранные места из переписки с друзьями», вторая часть «Мертвых душ».

Первое словенское отдельное издание Гоголя появилось в 1887 году². Это были «Мертвые души» в переводе Л. Подгоришкого (Лавослав Горенец). И затем книги Гоголя выходили с завидной регулярностью вплоть до настоящего времени,

---

¹ *Gogolj N. Izginulo pismo: Gogoljeva kratka proza, korespondenca in ohranjeno besedilo drugega dela Mrtvih duš / prev. U. Zabukovec, B. Kraševac; spremna beseda M. Javornik, V. Podlesnik. Ljubljana: Študentska založba, 2010. 617 s. (Knj. zbirka Beletrina.)* – В 2009 г. проект получило поддержку Фонда Михаила Прохорова в рамках международной программы «TRANSCRIPT» по поддержке переводов русской литературы на иностранные языки.

² О рецепции гоголевского наследия в периодике того времени см. нашу статью: *Созина Ю. А. Гоголь на страницах словенских литературных журналов “Люблинский звон” и “Дом ин свет” (конец XIX – начало XX в.) // Н. В. Гоголь и славянские литературы. С. 478–493.*

максимальный перерыв между выходом двух книг составил всего лишь 12 лет (с 1924 г., когда было опубликовано словенское либретто оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь», по 1936 г. – «Мертвые души» в переводе Йосипа Видмара). Только за последние двадцать лет в Словении были изданы двенадцать гоголевских книг с переводами как новыми, так и ставшими классическими (так в 1996 г. состоялось уже пятое переиздание перевод «Тараса Бульбы», выполненный Владимиром Левстиком и впервые опубликованный в 1910 г.). В этом смысле лидирует «Ревизор»: только в 1997 году вышли в свет его три версии в переводах Ивана Приятеля, Милана Есиха и Франца Вурника (переиздан в 2009 и 2011 г.), а в 2011 г. опубликован перевод Борута Крашевеца. За последние несколько лет осуществлен целый ряд постановок этой комедии и «Женитьбы».

Казалось бы, словенцы прекрасно знают Гоголя и любят его, и тем не менее, каждое поколение находит в нем нечто новое, важное для себя. Ведь и в книгу «Пропавшая грамота» вошли как ранее не переводившиеся «Выбранные места из переписки с друзьями» и сохранившиеся отрывки второй части «Мертвых душ», так и известные словенскому читателю еще в XIX столетии «Шинель», «Нос» и др.

Это не значит, что переводы, сделанные когда-то, безнадежно устарели, хотя зачастую бывает именно так. Язык как живой организм постоянно меняется, развивается, и тот язык, что сохранили издания столетней давности, уже не совсем понятен современным юношам и девушкам. За эти сто лет еще дальше разошлись друг от друга и славянские языки. Русскому восприятию гораздо ближе публикации рубежа XIX–XX веков, когда славянские литературы были ориентированы на взаимное проникновение и сближение, повсеместны были идеи славянской взаимности. Сейчас на наши родные языки воздействуют уже другие силы – центробежные. И тем не менее.

Сборник «Пропавшая грамота» завершают две содержательных статьи известных словенских русистов, университетских преподавателей д-ра Михи Яворника и д-ра Блажа Подлесника. Первый начинается с таких строк:

Мало таких, кто не слышал бы о Гоголе, и еще меньше тех, кто знает, почему это так.

В начале нашего труда многие ожидают, что сейчас мы все проясним. Но Гоголь ускользает. Тяжело из него вылепить что-то, на чем предсказуемо улыбался бы его портрет ¹.

Блаж Подлесник касается вопросов музеизации Гоголя, вызывающие определенные трудности в российской культуре:

Не хочет он в учебники, памятники и музейные собрания, но он всегда где-то рядом как живой собеседник для остальных авторов и читателей в моменты, когда вдруг становится не совсем ясно: как выразить в слове то, чем собственно мы являемся. А потому не всегда приятен, как пристанет – «что прикажешь делать с эдаким чертом?» («Мертвые души»), и будоражит, будоражит, будоражит... никогда до конца «не познаваем». Потому что он – будто совесть культуры <...> Но Гоголь не поддается! Повсюду в русской культуре последнего, уже второго столетия происходит что-то действительно переломное, он – рядом, во все сует свой нос и ничто не ускользает от его взгляда ².

Другая статья того же словенского исследователя вошла и в сборник «Н. В. Гоголь и славянские литературы» и также посвящена проблемам музеизации, и здесь автор ставит вопрос: «почему *настоящего* Гоголя нет, в то время как *настоящих* Пушкиных столько угодно? <...> Ведь он наш, родной, но не совсем, почти

---

¹ Javornik M. Gogoljeve maske in njihov lišp // *Gogolj N. Izginulo pismo*. S. 547.

² Podlesnik B. Posmrtna maska iz lateksa // *Gogolj N. Ibid.* S. 614.

святой, но не совсем, полуживой, полумузейный, любимый, но не всеми, наш (но никогда совсем *мой*) Николай Васильевич»¹.

Первое переводное издание Гоголя у славян появилось еще при жизни писателя – в 1839 г. на чешском языке был опубликован «Тарас Бульба». Однако случилось так, что «покрыть» славянский ареал эта повесть смогла лишь более чем полтора века спустя. Только в начале уже нашего, XXI столетия были опубликованы с небольшим перерывом два перевода на польский язык: в 2001 г. в городе Кросно – перевод Ежи Шопы, а в 2002 г. в Варшаве – Александра Земного². Около 160 лет потребовалось издателям перешагнуть через якобы «антипольскую» направленность повести, огульное невдумчивое понимание поддерживалось и политическим противостоянием Россия–Польша, Польша–Украина и т. д., и т. п. Хотя известно, что издание повести на польском языке готовилось еще в 1936 г., но было запрещено цензурой. Фактически только сейчас у обычного польского читателя появилась возможность непредвзято вчитаться в повесть и увидеть, что наряду с жестокостью поляков в ней показана и не меньшая жестокость самих казаков: «Не уважили козаки чернобровых панянок <...> не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя».

Наибольшие сложности с восприятием произведений Гоголя среди славян в настоящее время возникают на Украине и в Польше, то есть именно у тех народов, которым писатель обязан своим происхождением (малоросс, по отцовской линии – выходец из польского рода Яновских). Очередная загадка Гоголя, хотя, казалось бы, ответ лежит на поверхности.

---

¹ Подлесник Б. Олицетворение в Гоголя. К вопросу о роли авторского голоса в процессе музеизации // Н. В. Гоголь и славянские литературы. С. 136–145.

² См. статьи: Хорев В. А. «Тарас Бульба» в Польше // Н. В. Гоголь и славянские литературы. С. 239–247; Lunatov A. B. Универсальное и национальное. Казус Гоголя // Там же. С. 25–43.

Не единожды в последнее время приходилось слышать в связи с поддержкой развития литературного перевода, да и литературы, и культуры вообще, выражение «мягкое оружие» (очередная калька из английского), посредством которого можно завоевать мир. Позвольте не согласиться. Возможно, так понятнее властям предержажшим, но отнюдь не отвечает сути художественного творчества. Хотя в разные исторические периоды литература поднималась на защиту человеческих чести, достоинства, непреходящих ценностей, и тогда она становилась тверже камня. Вместе с тем, как замечательно заметил Витомил Зупан (в романе «Левитан»): «Ни одно художественное произведение в мире, в истории не обрело успеха, если оно было написано из ненависти или если ненависть вообще присутствовала в какой бы то ни было мере»¹. Все-таки давайте обходиться без слова «оружие», может, лучше (вслед за А. В. Липатовым) говорить о том, что «Музы, в конечном счете, оказывались сильнее Марса», – и далее: «ибо культура и ее составляющие – высокохудожественное творчество – неизмеримо выше идеологии – государственной, конфессиональной, националистической»².

Еще очень многие (в том числе интеллигенция) на Украине не могут простить Гоголю, что тот предпочел великорусское наречие. Сродни тому, как если бы многие национальные культуры стали бы корить своих средневековых мыслителей за то, что когда-то они писали на латыни. История движется, обстоятельства меняются, и вклад Гоголя в развитие отечественной культуры не становится меньше. 200-летний юбилей писателя, казалось бы, разрешил вопрос о неразрывной связи Гоголя и Украины, по крайней мере, официальные власти (во главе с тогдашним президентом В. А. Ющенко) публично продемонстрировали свое уважение к его гению, учреждены ряд премий, в том числе – за лучшие литературные

---

¹ Зупан В. Левитан. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 352 с. (Серия «Словенский Глагол».)

² Липатов А. В. Универсальное и национальное. Казус Гоголя.

и художественные произведения, «популяризирующие духовно-культурное достояние украинского народа и способствующие утверждению позитивного имиджа Украины в мире». Однако до сих пор в учебных заведениях страны наследие Гоголя изучается в курсе зарубежной литературы¹. Постепенно увеличивается список переводов на украинский язык – предприятие само по себе чрезвычайно тяжелое, однако, несомненно, способствующее развитию и самого языка, на который делается перевод. Пока еще действительно далеко не все получается (возвращаясь к ранее упомянутому высказыванию коллеги) – пока.

Переводить Гоголя сложно, но можно и следует (следует лишь дожидаться появления нового большого таланта). В отношении сербских переводов «Мертвых душ» Л. К. Гаврюшина подчеркивает, что зачастую им недостает «окололитературного» языкового пласта, и, говоря о «языковой субъективности» Гоголя (С. Винавер), очень метко замечает: «...Работа переводчика над его трудами становится поистине ювелирной, требующей использования различных слоев и “уровней” языка, на который “перелагается” текст. Несомненно, что для Гоголя одним из важнейших источников как вдохновения, так и художественной образности служила народная речь во всем богатстве ее местных особенностей; именно диалектная лексика в сочетании с другими языковыми “пластами” позволяла ему достичь многообразия “смыслов”»². Третий перевод поэмы, впервые опубликованный в 1987 г., был осуществлен Радваном и Мирой Лаличами и переиздан в связи с юбилеем писателя. Судьба театральных постановок пьес Гоголя в Сербии, которые постоянно шли на разных сценах страны, в том числе в исполнении

---

¹ Подробно об этом см.: *Колесник А. В.* Н. В. Гоголь в современной Украине // Н. В. Гоголь и славянские литературы. С. 201–205.

² *Гаврюшина Л. К.* Переводы «Мертвых душ» на сербский язык: фрагменты истории и мнение критики // Там же. С. 433–439.

гастролирующих трупп (из Польши, Украины, России), практически также оборвалась в середине 1980-х годов ¹.

Обратившись к славянским странам, большей своей частью или целиком расположенных на Балканском полуострове, мы наблюдаем видимый спад интереса к творчеству Гоголя в 1990-е гг. Кто не помнит, что это время, когда после распада «социалистического лагеря», Балканы «вспыхнули» в огне межнациональных противоречий, жившие ранее в более-менее спокойном равновесии народы «ощетинились», искренне веря, что «демократизация» и капитализм помогут им дать своим детям лучшее будущее.

И в Болгарии, где интерес к Гоголю был традиционно высок, даже не смотря на то, что наши народы оказывались иногда и по разные стороны баррикад (Первая и Вторая мировые войны), с конца 1980-х гг.: «Массовое обнищание болгарского населения во время реформ обрушило книжный рынок – книги просто перестали покупать ради экономии скудных средств, которых зимой не хватает даже на оплату отопления жилых помещений. Произведения болгарских и зарубежных классиков продаются в букинистических магазинах по цене двух-трех автобусных билетов, но их мало кто покупает. Изредка мелькнет среди них Н. В. Гоголь...» ²

Так и в Македонии в 1990-е гг. после выхода ее из Югославии также заметно снизился интерес издателей к творчеству Гоголя. Однако здесь был переиздан «Ревизор» и вышла книга малой прозы в переводе И. Милчина («Нос», «Шинель», «Сорочинская ярмарка» – в Матице Македонской, в 2005 г.). Тем не менее, в 2009 г. в честь юбилея была поставлена «Женитьба» в Македонском Национальном Театре, в кинотеатрах шел российский «Тарас Бульба», а в периодике появился ряд статей, посвященных

---

¹ Косанович Б. Н. В. Гоголь на сербской сцене // Там же. С. 440–448.

² Калиганов И. И. Гоголь и развитие болгарской культуры во второй половине XIX – начале XXI вв. // Там же. С. 417–432.

писателю¹. Вместе с тем, как отмечают и другие исследователи, «для македонской культуры чрезвычайно важен и Гоголь в связи с его интересом к народному творчеству в рамках общего внимания романтизма к фольклору. Его примеру последовали многие авторы, принадлежащие разным балканским и славянским культурам с сильной фольклорной традицией»². К тому же было отрадным узнать (из доклада Ольги Панькиной «Русская классическая литература в переводе на македонский», произнесенного на II Международном конгрессе переводчиков³) о том, что в Македонии запущен проект по изданию 500 томов мировой художественной литературы, куда входят и произведения Гоголя. Все это свидетельствует об укреплении македонского государства, внимательно относящегося к вопросам национальной культуры и развития собственного языка.

Впечатляет востребованность наследия Гоголя в Словакии. Представленные А. Г. Машковой материалы (на основе сведений из библиотеки Матицы Словацкой) указывают на то, что, начиная со второй половины XX, наблюдается «значительная активизация интереса словацкого читателя, зрителя, исследователя, критика к Гоголю», это время «массовых изданий его произведений, а также попыток их классического и модернизированного сценического воплощения». Уже в XXI в. еще до гоголевского юбилея переиздаются «Мертвые души» (2006, пер. Д. Легутовой) и публикуются «Записки сумасшедшего» (2002, пер. Д. Легутовой и В. Марушьяковой), на разных театральных площадках страны ставятся «Ревизор» (2003,

---

¹ *Ристеский Д.* Творчество Н. В. Гоголя в македонской литературной и культурной среде // Там же. С. 514–519.

² *Мойсова-Чепишевская В.* Читается ли (и как) Гоголь сегодня? // Там же. С. 560–567.

³ Конгресс, организованный Институтом перевода, состоялся в начале сентября 2012 г. в Москве.

2006, 2007, 2008), «Женитьба» (2002, 2003, 2004, 2006, 2008), «Игроки» (2002)¹.

«Ревизор» и «Женитьба» оказываются актуальными и для чешских театров, и, судя по всему, следует согласиться с И. А. Герчиковой, считающей, что: Гоголь – один из любимейших драматургов чешского зрителя. Примечательно приведенное исследовательницей в статье высказывание директора Национального театра Праги Ондржея Черны в связи с юбилеем писателя: «Пьесы Гоголя имеют две особенности: они всегда актуальны и всегда забавны и интересны публике. Поэтому он абсолютно современен. Особенной театральной программы в честь 200-летия Николая Васильевича пражские театры не планировали – не потому, что не любят, а потому, что всегда любили. Чехия будто постоянно празднует день рождения Гоголя»². Даже во время исторических событий 1968 г., которые подорвали братские отношения между чехами и русскими, «Ревизор» продолжал идти на столичной сцене (с О. П. Табаковым в главной роли) и имел колоссальный успех: «Но, конечно, это была не только сатира на существующий режим, но и высмеивание человеческих пороков и поиск причин, по которым люди ведут себя подобным образом, вне зависимости от времени и места» (И. А. Герчикова).

Внимание современных славян привлекает и духовная проза Гоголя, в которой наши современники пытаются заново открыть то, что было недопонято предыдущими поколениями. Это и словенский перевод «Выбранных мест из переписки с друзьями» (о котором говорилось выше). Это и уже третий по счету перевод на чешский язык «Размышлений о Божественной литургии», осуществленный Зденкой Выходиловой и опубликованный в 1996 г. в Велеграде. Таким образом, благодаря Гоголю содержание

---

¹ *Машкова А. Г.* Особенности восприятия творчества Н. В. Гоголя в Словакии // Там же. С. 351–377.

² Цит. по: *Герчикова И. А.* Н. В. Гоголь на чешской сцене // Там же. С. 343–350.

и смысл православной литургии становятся понятнее и доступнее не только католикам, но и любому христианину¹.

По своей сути и своему предназначению перевод способствует развитию взаимопонимания, толерантности и сближения между народами. И дело совсем не только в просвещении (вспоминая крылатую фразу А. С. Пушкина о переводческом поприще: «Переводчик – почтовая лошадь просвещения»), взаимном обогащении знаниями, но и в расширении мировоззрения, в понимании многополюсности и многозначности проявлений человеческого гения, во взаимном уважении и внимании друг к другу, стремлении понять другого, а следовательно, нивелировании конфронтаций, преодолении старых (исторических) обид и создании возможностей для предотвращения новых. Любовь к Гоголю объединяет не только славян, она распространяется далеко за границы близкородственных славянских культур, возносясь над повседневностью и историческими катаклизмами.

---

¹ Подробно см.: *Жакова Н. К.* Духовные искания Н. В. Гоголя и их чешское восприятие // Там же. С. 297–305.

Перевод как передатчик смыслов литературы

Когда работаешь над переводом, понимаешь, что в процессе творчества происходит «ряд волшебных превращений»: воспринимая – адекватно! – чужую мысль и иноязычное слово, ты превращаешь его если не в перл, то, по крайней мере, в достойный текст, звучащий на великом и могучем русском языке. И тем самым совершается чрезвычайно важный акт – не только «перевыражение», но и привитие культурного кода другой страны нашей великой культуре, отчего она делается только богаче.

И тогда тебе становится ясно, что для умения переводить художественные тексты (*fiction, belle lettre, krasná literatura*, лепа книжевност) вовсе не достаточно отлично или даже идеально знать иностранный язык, иметь отменную реакцию и память, и еще множество иных, зачастую чисто физиологических качеств. Ими должен обладать переводчик-синхронист, или переводчик технических текстов, или «человек за плечом», работающий на переговорах самого разного уровня. А вот переводчик художественной литературы должен знать родной язык лучше иностранного, уметь писать на родном языке и вообще обладать, простите за тавтологию, немалыми литературными талантами.

И в наши годы допускается огромное количество ляпов: начиная с «шестигранника Пентагона» (сам читал!) и к замечательной фразе, брошенной американским гангстером таксисту: «Ехай через этот квартал!» Позорно звучит фраза в солидном издании одного из романов Стивена Кинга: «Ты выглядишь как жирный турок в День благодарения». Таких примеров можно привести множество. Но самой большой занозой в моей душе застряла изданная на русском языке книга Эмира Кустурицы, изданная уважаемым московским издательством в переводе с французского (!) языка. В этом издании она называется так: «Где мое место в этой истории?» (Оригинал: «Смрт је непровјерена гласина» – «Смерть

как непроверенные слухи»). В принципе, в изменении названия ничего страшного нет – это право переводчика, хотя и оно должно быть согласовано с автором. Другое дело, когда переводчик книги Кустурицы, не зная ни обычаев Сербии и Герцеговины, ни их истории и – самое забавное! – топонимии, переворачивает все, что только можно перевернуть, в первую очередь, имена собственные и топонимы. Этой опасности подвергаются и другие переводы, когда за работу берутся люди, не только слабо знающие страну и ее обычаи, но и откровенно слабо осведомленные в вопросах культуры, в первую очередь, своего собственного отечества.

Литература современной Сербии в массе своей крайне интересна и разнообразна, это вполне европейская литература. И очень жаль, что наша читающая публика так плохо знакома с ней: популярны лишь несколько имен. Скажем, Павич и Петрович (Горан). Правда, иногда вспоминают и классиков XX века, например, нобелиата Андрича. А многие другие классики были представлены – еще в советские времена – почти исключительно так называемой партизанской или соцреалистической прозой.

Свою дипломную работу – много лет назад – я посвятил книге гениального сербского писателя и поэта Милоша Црнянского «Роман о Лондоне». В советское время нельзя было и мечтать о ее издании на русском языке, тем не менее, я начал переводить роман для себя, что называется – в стол. Но весной 1991 года увидел на прилавке книжного магазина эту книгу, изданную «Прогрессом». Полистал ее и ужаснулся: великолепный роман был просто испорчен. Потом я узнал, что в том же издательстве несколько ранее издали эпопею Црнянского под названием «Переселения». Именно так уважаемые переводчики перевели название – «Сеобе», а по-русски стоило бы назвать – «Исход». Есть разница?

Литературный перевод – великое и крайне необходимое дело, связующее народы путем взаимопроникновения культур. Нельзя жить взаперти в своем национальном доме. Его двери должны быть широко распахнуты навстречу соседям по планете.

Опыт перевода стихотворений Ф. Прешерна со словенского и немецкого на русский язык

Поэтическое творчество Франце Прешерна (1800–1849) является заметным явлением в мировой литературе и истории человеческой цивилизации; и его следует рассматривать в едином мировом культурном пространстве. На него оказали решающее влияние культурные ценности древних эпох и произведения выдающихся деятелей современной ему литературы разных стран. Он является настоящим самородком, активистом славянского Возрождения, вобравшим в себя сокровища родного ему языка (краинского наречия) и фольклора и возвысившимся до национального поэта Словении, одного из создателей словенского литературного языка, во многом определившим путь дальнейшего развития национальной культуры вплоть до сегодняшнего дня. Велика роль поэта в формировании национального самосознания словенцев.

В эпоху Возрождения произошла смена «поэтологической доминанты»: во времена античности и Средневековья делался упор на развитие и отработку стиля, а в эпоху Возрождения приоритетом становится развитие жанрового разнообразия. Происходит закрепление художественно-смысловых заданий за жанрами «по принципу прямой и косвенной оппозиции»¹. На основе европейской традиции Прешерн создал поэзию, отличающуюся широким жанровым разнообразием; обогатил литературу историческим познанием и самопознанием человеческой личности. Парадоксален тот факт, что литературное и творческое наследие гениального поэта невелико, но уникально². Оно исчисляется считанными единицами.

---

¹ Возрождение // Большая Российская Энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 590.

² В собрании сочинений Ф. Прешерна 135 стихотворных произведений на словенском, 36 – на немецком языках, 14 авторских переложений фольклора (*Prešern F. Zbrano delo: Knj. 1–2. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1965–1966*).

Каждая из них шедевр или произведение, имеющее особую художественно-историческую ценность. Основными темами его произведений были любовь, патриотизм, тема предназначения поэта и поэзии, культивирование словенского языка и, конечно, экзистенциальная, то есть касающаяся человеческого существования.

Поэт-новатор был неповторимым не только в плане идейного и лирического содержания, но и новатором литературной формы. Считается, что именно он стал тем, кто ввел в словенскую поэзию новые для нее стихотворные формы, как-то: классическую элегию, испанский ассонанс, нибелунгову строфу, романскую дэциму, октаву и терцины. Благодаря ему в словенской литературе прижились глоссы, газели, повести в стихах, сонеты и венки сонетов. Следует особо отметить большую популярность такой стихотворной формы, как венок сонетов у словенских поэтов, несомненно, вдохновленных на их написание непревзойденным образцом венка сонетов на словенской литературной почве, созданным Франце Прешерном.

В своем выступлении по случаю столетнего юбилея Франце Прешерна Фран Левец (1846–1916), говоря о нем и уникальности его творчества, подчеркнул, что как человек и как писатель он хорошо знал людей и все их страсти и чувства, и они нашли достойное выражение в образах, полных мятежной, буйной жизни, независимо от степени их проявления; его произведениям свойственен язык, в котором звучат словенские народные мелодии. Он отметил то, что поэт был первопроходцем в области метрической системы, а именно: по немецкому и русскому образцу в соответствии с законами словенского языка он принял ударение за основу стихотворного размера.

Многие произведения Прешерна публиковались на страницах литературного альманаха «Крайнска чбелица» («Краинская пчелка»), учрежденного самим поэтом, его друзьями и соратниками, и таким образом становились доступными и для иностранных читателей еще при жизни поэта. Ладислав Франтишек Челаковский (1799–1852) написал обширную рецензию по страницам первых

трех выпусков альманаха «Крайнска чбелица» за 1830–1832 годы. Вышеупомянутая знаменательная рецензия увидела свет на страницах «Журнала чешского музея» в 1832 году¹. Она способствовала ознакомлению чешских читателей с творчеством Франце Прешерна. В рецензии критик подчеркивал новизну литературного направления, которое развивал тогда словенский альманах. В нем публиковались высокохудожественные произведения, выходявшие за рамки утилитарности. Суть рецензии заключалась в восхвалении поэта Ф. Прешерна и его творчества, которое характеризовалось как новаторское. Наряду с этим в журнале были напечатаны его стихотворения в переводе на чешский язык («Прощанье с юностью», «Совет дочки», «Солдатская», сонеты «Как ваших звезд на темном кругозоре...», «Как впредь писать нам: каша или kařha?»). В рецензии говорилось, что в его поэзии нашли свое высокое артистическое выражение идеи пробужденного словенского самосознания. Рецензент представил миру поэзию молодого словенского поэта как значительное явление, ознаменовавшее зарождение литературы для образованных читателей, и одновременно подчеркивал достоинства художественной формы его произведений путем широких сопоставлений с европейской и славянской литературой, официально поставил его творчество в один ряд с поэтическими достижениями европейского значения. Такая оценка вызвала общественное признание новой словенской поэзии в Европе. Поэт Франце Прешерн стал кумиром молодежи, получив мировую известность. Со второй половины XIX века переводы его стихов стали появляться также в прессе России, Сербии, Хорватии, Италии, Германии, Швеции, позднее Болгарии, а в двадцатом веке с ними познакомился англоговорящий мир. Интересно, что практически Прешерн был двуязычным поэтом, он хорошо владел немецким языком, писал стихи одновременно на словенском и немецком

---

¹ Časopis Českého Museym. Šestý ročnj běh. Swazek čtvrtý. Praha: Nákladem Českého Museum, 1832. S. 443–454.

языках, был первым переводчиком собственных стихотворений на немецкий.

Занимаясь созданием литературного словенского языка, поэт интересовался русским языком и его влиянием на другие славянские языки, читал русские книги. Однако он был категорически против замены словенского языка одним из более крупных славянских языков, первым из которых являлся русский. В то время в ходу была идея заменить словенский язык более распространенными славянскими языками, якобы во имя единства славян, чему мешала их языковая раздробленность. Отстаивая право словенского языка на существование, поэт критически высказался против заимствований лексики из «книг москвитянских» во избежание смешения языков. Свою позицию в «Азбучной войне» он высказал в сатирическом сонете о любителях массовых заимствований из иностранных языков, опубликованном в третьем выпуске альманаха «Крайнска чбелица» в 1832 г.:

Ne bod'mo shalobarde! Mofkvizhanov,
Gorenzi moji! knige mi berimo,
In kar nam vfhezh bo, usmat' se uzhim
Od bogmejov na meji Otomanov.

Чего зевать нам? В книгах москвитянских,
Мои горенцы, пищу мы найдем;
Как брать, что любо, мы пример возьмем
У богмеев с пределов оттоманских.

(Перевод Ф. Корша.)

Его отношение к России и русскому языку с течением времени менялось. Большое влияние на популяризацию творчества Прешерна в России оказали личные встречи с двумя российскими учеными: И. И. Срезневским (1812–1880) в 1841 г. и В. И. Григоровичем (1815–1876) в 1846 г., что нашло отражение в творчестве поэта. Он написал теплое дружеское стихотворение «Госп. Измаилу

Срезневскому в память о Страстной неделе 1841 года» («Gosp. Izmailu Sreznjevskemu v spomin velikega tedna leta 1841»), оригинал которого хранится в архиве ЦГАЛИ.

Он воспевал русских и ценность их культуры, наряду с представителями других крупных народов, например, в стихотворении «Памяти Матии Чопа» («V spomin Matija Čopa»), написанном в 1845 г. к 10-летней годовщине со дня смерти своего любимого друга и наставника М. Чопа (1797–1835) и опубликованном в «Новостях» Блейвейса 25 февраля 1846 г.¹, а позднее в альманахе «Крайнска чбелица» в 1848 году.

В стихотворении прозвучала слава достоинствам друга; была дана высокая оценка его деятельности в области культуры и просвещения. Интересный лингвистический, литературоведческий и идейный разбор этой элегии дает в своей статье Август Жигон². Свою статью он построил на анализе имени, которым поэт назвал Матию Чопа, а именно – Лель. Исследователь разобрал несколько написаний этого имени, потому что и у Прешерна было несколько вариантов его написания. Например, в «Новицах» было напечатано «Lelj», а в V выпуске альманаха «Крайнска чбелица» «Lel». В славянском мире это Бог любви и брака, аналог римского Амура. Лель присутствует в ряде классических произведений Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, А. Н. Островского, хотя в XX веке существование этого божества у славян стало оспариваться. Анализ стихотворения говорит о сложных подтексте и образной структуре. Вероятно, публикация имела целевую аудиторию, и автор хотел сказать нечто большее, понятное только посвященным. Исследователь Жигон поставил вопрос, у кого из других писателей и поэтов являлся этот образ, возможно, позаимствованный Прешерном в хорошем смысле слова в плане обогащения произведения. Ученый привел целый список кандидатов от Вальвазора, Яна Коллара до Станка Врза.

---

¹ *Prešeren F. V spomin Matija Čopa // Kmetijske in rokodelske novice, v sredo 25. svečana 1846. L. 4. Št. 8.*

² *Žigon A. Lel – moj kermar // Dom in svet. Ljubljana, 1905. L. 18. Št. 10. S. 673–685.*

Другой вопрос, поднятый автором статьи, был направлен на уточнение того субъекта, который послужил прообразом Леля-Чопа, как-то: был ли он Римлянином, которому посвятил Цицерон свою книгу «О дружбе», фигурировавший под именем «Laelius», или славянским Лелем. В любом случае Жигон говорит о тайном смысле поэтического послания умершему другу (или оставшемуся за кулисы его духу и братьям). Доподлинно не известно, кого конкретно поэт имел в виду под перечнем представителей современных ему народов «Итальянец, Француз, Испанец, Немец, Альбионец, Чех, Поляк, а также Русский и Иллир»? В этой связи интересной представляется цитата из статьи Жигона, трактующая по своему строчки из стихотворения поэта:

Однако словом Лель поэт хотел, в первую очередь, сказать: Наш челнок был в опасности, Братья! Был без кормчего... А это с е р д ц е нас спасло! Если бы не было между нами этого с е р д ц а... если бы этого не было между нами, наш челнок бы пропал (поплыл бы по воле волн и Бога), и мы с ним. Был Крез духа, великан учености. А это богатство духа в соединении с тем доброхотным сердцем создало и дало мужа Леля Чопа, спасшего нас. Этот дух – великан в канун празднования юбилея этого сердца Леля только указал нам путь в «мир духов», где мы «отломили лишь маленькую золотую веточку», ведущую к внутреннему глубинному мирозданию...¹ (перевод наш. – Е. С.).

Стихотворение Пушкина «Арион» по своей трагической сущности перекликается со стихотворением Прешерна «Памяти Матии Чопа», написанным позже, чем стихотворение русского гения, датированное 1827 г. В их сюжетах много схожего. Образный и словарный запас практически совпадают. Произведения обоих поэтов чрезвычайно насыщены эмоциональной трагичностью, создают ситуацию грозившей или грозящей опасности. Если Прешерн

---

¹ Žigon A. Lel – moj kermar S. 685.

под Лелем понимает кормщика, трагически погибшего в водах бурной реки, то стихотворение Пушкина также является свидетельством о гибели кормщика, пловца и других членов команды судна. Удалось спастись одному лишь певцу. Однако у Пушкина катарсис наступает в конце стихотворения, как будто продлен в настоящем, а у Прешерна выходит за границы элегии и устремлен в светлое будущее, неотделимое от судьбы словенского народа. Сравнивая стихотворения, можно прийти к убеждению, что словенский поэт знал и любил пушкинское стихотворение. Оно названо в честь древнегреческого поэта Ариона, жившего в VII–VI веках до нашей эры. Древнегреческий миф о нем рассказывает о чудесном избавлении певца от гибели в шторм на море – его спас дельфин. Пушкин написал по этому поводу следующие слова: «Вдруг лоно волн / Измял с налету вихорь шумный...» Историки литературы считают, что миф об Арионе служил прикрытием для стихотворения, написанного в годовщину казни декабристов, говорить открыто о которых в те далекие времена было опасно. Поэт недвусмысленно называет Ариона тем певцом, который пел пловцам, вселял в них веру в лучшее: «...А я – беспечной веры полн, – / Пловцам я пел...» Разгром восстания декабристов окончился для многих смертью или пожизненной каторгой: «Погиб и кормщик, и пловец». Пушкин называет Ариона «таинственным певцом», выброшенным на берег грозой, который, несмотря на пережитое, остался верен былым идеалам: «Я гимны прежние пою / И ризу влажную мою / Сушу на солнце под скалою». Важно отметить, что стихотворение написано от первого лица.

В элегии, посвященной памяти М. Чопа, певцом, подобным пушкинскому Ариону, был поэт Прешерн. Из текста можно понять, что он является одним из друзей, объединенных в организацию, к которым он обратился в годовщину умершего старшего товарища и наставника. Прешерн был борцом за свободу словенского народа и отстаивал его право на самобытность и независимость. Можно сказать, что он пожертвовал для дела личным счастьем и семейным

благополучием. Его главным оружием было гениальное поэтическое слово. В элегии упоминается какой-то Русский, имя его покрыто мраком. В упомянутой выше статье Жигон говорит, что те, о ком пел поэт, остались в тени, темными, и самой темной из них была личность Леля-Чопа. Однако, для нас, россиян, очень важно, что наряду с перечнем представителей других славных народов, поэт написал «Русский». Знаменательно это и потому, что, по мнению И. В. Чуркиной, являющейся корифеем в области истории Словении, «важным было осознание своей этнической близости с русскими, единственным славянским народом, сохранившим свою самостоятельность и создавшим одно из самых могущественных государств в Европе¹. Словенцы, принадлежавшие к лучшим сынам своего народа, хлебосольно и гостеприимно встречали русских ученых, как-то: П. И. Прейса, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, Н. И. Надеждина и других, «хоть это и не поощрялось австрийскими властями»².

К сожалению, Ф. Прешерну часто приходилось писать эпитафии своим умершим друзьям и товарищам. Одной из самых знаменитых является стихотворение «О, человек, жаль, смертен...» на немецком языке, написанное для памятника Эмилю Корытко (1813–1839), безвременно ушедшему из жизни молодому польскому литератору и начинающему ученому-этнографу, интернированному в Люблянину из Львова (проходил по делу А. Мицкевича):

Der Mensch muß untergehen;	О, человек, жаль, смертен,
Die Menschheit bleibt, fortan	Людской род жив вовек;
Wird mit ihr das bestehen,	Пребудет то на свете,
Was er für sie gethan.	Что сделал он для всех! ³

---

¹ Чуркина И. В. Иван словенский нам приятель. Русский язык и Возрождение у словенцев // Родина. М., 2014. № 10. С.113.

² Там же.

³ Перевод наш.

В оригинале стихотворение написано ямбом, женские рифмы чередуются с мужскими, за семисложными строчками следуют шестисложные. В первых двух строках прослеживается оппозиция: смерть – жизнь; временное, уходящее – вечное, остающееся на века, – при этом первая группа понятий у поэта привязана к отдельно взятому человеку, а вторая к общности людей – человечеству. В переводе соблюдены все формальные признаки, передано основное философское содержание. Больших усилий стоило уместить глобальное содержание в заданный поэтом стихотворный размер — ямб с четко обозначенными лексическими рамками. Очевидно, что главный смысл поэт вложил в слова «человек» (*Mensch*) и «человечество» (*Menschheit*), которое при переводе было заменено аналогичным словосочетанием «людской род» по указанной выше причине. Для соблюдения ритма пришлось вставить вводные слова, внесшие дополнительную модальность, сожаление, печаль по поводу утраты, что соответствует духу эпитафии.

Особая тщательность требуется при передаче специфических стилистических фигур, тропов при переводе стихотворений поэта на русский язык для сохранения глубокого философского смысла произведения. Поэт был философом, и это можно утверждать не только потому, что он изучал философию в студенческие годы и питал к ней особый интерес. Всю свою взрослую жизнь он пытался понять ее смысл, глубинные движущие механизмы, тайну бытия. Вот еще четверостишие в моем переводе на русский:

Kar je, beži;	В движенъи все,
Al' beg ni Bog?	Движенъе – Бог?
Ki vodi vekomaj v ne-bo,	Он вечно в небо нас ведет,
Kar je, kar b'lo je in kar bo.	Что есть, что было, что грядет.

Как легко заметить, в этом небольшом стихотворении представлено своеобразное видение мира по шкалам бытие – небытие, жизнь – смерть, Бог или бес. Высказывая диалектический постулат

о постоянном движении, поэт ставит вопрос – таким образом он выразил сомнение в очевидности сказанного. Действительно, весь мир находится в постоянном движении. Его создал Бог. Поэтому Прешерн делает заключение о том, что движение есть Бог, обращая внимание на тот факт, что об этом можно поспорить с помощью знака вопроса. Словенский исследователь Боштьян Марко Турк обратил внимание на оксюморон, заложенный в стихотворении. В его основе – противопоставление постоянно меняющегося мира с неизменным и абсолютным Богом, который во всем, что есть на самом деле сейчас, что было когда-то и что произойдет в будущем. Как заметил в скобочках словенский ученый, сославшись на письмо Ф. Прешерна к А. Смоле, Бога поэт понимал не только с точки зрения христианства, но и пантеизма, граничившего с языческим восприятием мира. Важно отметить, что поэт ставит перед собой грандиозную задачу – понять смысл жизни и ее основную движущую силу. В коротком стихотворении ярко выражено метафизическое понимание земного существования, стремящегося к вечной жизни, в небо, к жизни после смерти. По мнению Турка, в маленьком стихотворении в сгущенном виде выражена «конфессия человеческой немощи перед вопросами бытия и небытия»¹. Автор статьи отметил необычную и напряженную игру оксюморонов, на которых построено произведение. Потусторонность, метафизичность и парадоксальность присуща и другим произведениям поэта, особенно циклу «Сонеты несчастья» и поэме «Крещение при Савице.

Прешерн был прекрасным наставником молодых дарований. Некоторые из его учеников прославились в истории литературы, например: немецкий дворянин Анастасий Грюн (1806–1876), Алойзия Кробат (Луиза Песьяк; 1828–1898), дочь его друга и начальника юридической конторы в Любляне Блажа Кробата (1799–1848), к детям которого поэт очень привязался. Алойзия вспоминала

---

¹ *Turk B. M.* Identiteta in pomen Prešernove lirike v perspektivi temeljne inkompatibilnosti predikacijskih sestavin // Slavistična revija. 1996. L. 44. Št.1, januar–marec. S. 61–81.

о том, как работал Ф. Прешерн у ее отца, к которому она часто приходила на работу в детстве. Обычно она заставляла молодого служащего сидящим в соседней комнате за большим столом, покрытым зеленым сукном. Он был поглощен делами, но когда видел маленькую Алойзию, то сразу же отрывался от них и заводил разговоры с девочкой, рассказывал ей что-нибудь занимательное и веселое, а затем они вместе смеялись над его рассказами и ее репликами. В их семье была традиция праздновать именины и другие праздники, Франце писал по этим поводам короткие стишки, а потом заучивал их вместе с Алойзией наизусть. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, он посвятил ей стихотворение «Благородной барышне Алойзии Кробат» / «Dem Wohlgebornen Fraulein Aloisia Crobath»:

Nicht groß ist mehr des Tages Rest,
Nun hab' ich erst erfahren,
Daß heute schon Ihr Namensfest;
Ich kann mich nicht verwahren
Vor dem Vorwurf, daß zu spat
Ich im Kalender nachgespaht,
Wann des heil'gen Alois wird gedacht;
Doch durfte ich in Anbetracht,
Daß ich fur Sie an jedem Tage
Die besten Wunsche im Herzen trage
Erscheinen nicht ganz ungalant,
Obwohl ein spater Gratulant.

Это поздравительное стихотворение от 1-го лица, состоит из двенадцати строк, написанных в основном восьми- и семисложными ямбами. По одной строке девятисложным и десятисложным ямбами. Рифмы мужские и женские, как чередующиеся, так и смежные. Посвящая молодой талантливой девушке до некоторой степени шуточные стихи, поэт прививает ей любовь к литературному творчеству. Прешерн преподавал ей классическую литературу

и английский язык. Благодаря ему Алойзия очень рано заинтересовалась литературой, особенно поэзией, что в определенной мере повлияло на ее дальнейшую судьбу. Она стала поэтессой и писательницей. Более того, по ее мнению, именно он дал ей стимул к познанию и развитию умственных способностей с самого детства.

В нашем переводе это стихотворение выглядит так:

Немного времени до дня уж завершения,
Как стыдно мне, я лишь сейчас узнал,
Что день сегодня Вашего рождения,
Упреков я достоин, не похвал,
Ведь поздно заглянул я в календарь,
Чтоб справиться о памятной святой Луизы дате.
Но все еще не поздно передать Вам в дар
На каждый день благие пожелания на закате,
Галантностью они не блещут, но поймите,
От сердца написал их поздравитель.

Размер удалось сохранить, хотя в строчках на русском языке больше слогов, чем в оригинале, зато содержание стихотворения удалось передать десятью строчками. Конечно, чтобы увеличить число строк до двенадцати, можно было бы разделить две строки пополам, но мы выбрали как вариант перевода дэциму. Следует отметить, что для Прешерна характерно использование редукции для сохранения стихотворного размера, что сокращает количество слогов в строке, в то время как в русском языке оно, естественно, большее, в частности, за счет полногласия. Рифмы с благозвучными женскими окончаниями преобладают и чередуются с мужскими. В то же время следует подчеркнуть, что словенский поэт очень трепетно относился к числу слогов в строфе. Если, например, сравнить тексты его стихотворений «Девушкам», «Куда?», «Рыбак» и других на немецком и словенском языках, то можно обнаружить практически полное совпадение по показателю числа слогов в строфе. Несомненно, он очень строго подходил к стихотворной

форме и считал количество слогов в строфе. Когда речь идет о его поэзии, ни о каком спонтанном творчестве речи не идет. Он тщательно продумывал содержание стихов, соблюдал точные количественные рамки стихотворных жанров, длительное время работал над разными вариантами, вносил корректуру в каждую новую публикацию. У Прешерна можно поучиться мастерству перевода. Он задал параметры переводов своих стихов на иностранные языки, которые были во многом соблюдены в переводах Ф. Корша. Хотя, например, переводчик считал невозможным перевести акrostих магистрального сонета «Венка сонетов» из-за разницы алфавитов, хотя этот вопрос, на наш взгляд, вполне решаем.

В то же время наш авторский перевод поздравительного стихотворения Прешерна также имеет право на существование, исходя из существующей переводческой практики и языковых различий между словенским и русскими языками. Стихотворение еще не переводилось на русский.

История знакомства российских читателей с творчеством словенского поэта насчитывает более полутора веков, что неслучайно. В его поэзии неоднократно упоминаются русские и русская культура, звучит вера в братство и славянское единство при сохранении самобытной культуры и языка каждого из славянских народов. Следовательно, он мыслил себя весомой частицей могучей славянской общности с древними историческими корнями. Он благожелательно и по-братски относился к представителям русской науки и культуры. После смерти Прешерна почитатели стали печатать его произведения, книги стихов и популяризовать творчество поэта за границей. В 1861 году в России впервые были опубликованы два его стихотворения в сборнике «Отголоски славянской поэзии» в переводе известного профессора казанского университета Мемнона Петровича Петровского (1833–1912), а именно лирическая баллада «Розамунда» и элегия под названием «Поминки юности».

Эти же переводы вошли в Санкт-Петербургское издание 1871 года под названием «Поэзия славян»¹. В сборнике была помещена краткая биографическая справка о Прешерне. Особо в ней было отмечено, что «жизнь свою он провел в борьбе с бедностью и всякого рода невзгодами»². Там же была дана высочайшая оценка его творчества, а сам он был назван «первым из хорутанских поэтов и отцом хорутанской литературы»³. В рассказе об особенностях творчества поэта особо подчеркивалось, что он является мастером отделки стиха. Интересно, что среди самых любимых стихотворных форм назывались песни, элегии и особенно сонеты, «которые признаются совершенством». Таким образом, российский читатель смог ознакомиться с шедеврами словенской литературы, которая была названа хорутанской. Звездой первой величины среди словенских литераторов был назван Ф. Прешерн.

В 1879 году в журнале «Дело» было опубликовано стихотворение под названием «Ночью» с подзаголовком «Из Прешерна». Автором был российский писатель Александр Васильевич Круглов (1852–1915), ученик Ф. М. Достоевского (1821–1881). Российская исследовательница Н. Н. Старикова считает, что это был свободный перевод стихотворения Прешерна «Поэту»⁴.

В юбилейном 1900 году в журнале «Славянский век» появились статьи Д. Н. Вергуна (1871–1951), в которых говорилось о большом значении деятельности Прешерна, что не исключало полемичности, так как в то время противоборствовали разные точки зрения на идею славянского единства. Сам Вергун был активным участником славянского объединительного движения, ученым, преподавателем, публицистом и поэтом.

---

¹ Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей под ред. Ник. Вас. Гербея. СПб, 1871. С. 317–319.

² Там же. С. 317.

³ Там же.

⁴ Старикова Н. Н. Поэзия Прешерна в русских переводах // Славянский альманах. М., 2000. С. 285.

Писал о Прешерне и поэт, писатель, переводчик В. В. Уманов-Каплуновский. Работу на государственной службе он сочетал с литературной и переводческой деятельностью, был специалистом в области славянской поэзии. В 1892 г. в Санкт-Петербурге вышел сборник «Славянская муза. Переводы и подражания», в котором наряду с известными славянскими поэтами были напечатаны переводы стихов Прешерна. Этот сборник переиздавался несколько раз. В 1905 г. в «Историческом вестнике» вышла статья Уманова-Каплуновского, которая так и называлась «Франц Прешерн».

О поэте Прешерне рассказывалось читателю также в «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (1829–1906), вышедшей в Санкт-Петербурге в 1879 г. В ней Прешерн назван «замечательнейшим из хорутанских поэтов»¹. Приведена краткая биография поэта, правда, с неточностями. В частности, говорилось, что «только в 1846 он приобрел известную независимость, сделавшись адвокатом в Любляне», тогда как это было в городе Кране. Была дана краткая положительная характеристика сильных сторон творчества поэта, таких как фантазия, разнообразие жанров и родов, в которых он писал, сила чувства и выражения. О значении его творчества было сказано, что «он оставался чисто местным словенским писателем и одно время даже предпочитал писать по-немецки»².

Одним из первых популяризаторов творчества Франце Прешерна в России был также Федор Евгеньевич Корш (1843–1915), известный филолог и историк, славист, востоковед, переводчик и литератор, профессор Московского университета и Лазаревского института восточных языков, академик Петербургской академии наук. Известный славист С. Б. Бернштейн (1910–1997) охарактеризовал его как выдающегося полиглота. Интересную историю знакомства Корша с поэзией Прешерна описала Чуркина в своей книге

---

¹ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Издание второе вновь переработанное и дополненное. В двух томах. Т. 1. СПб., 1879. С. 293.

² Там же. С. 294.

«Русские и словенцы». Когда ученый находился в Вене, то заболел и был вынужден три месяца пролежать в больнице. Один из медицинских работников Е. Енко, словенец по происхождению, дал ему почитать стихи поэта. Они ему так понравились, что он стал переводить их на русский язык. Первый свой перевод Прешерна Корш опубликовал в 1881 г. в «Крестном календаре»¹.

В 1889 г. в журнале «Русская мысль» за июль месяц был напечатан перевод на русский язык со словенского языка «Венка сонетов»². Из вступительной части этой публикации становится ясно, насколько мало был известен словенский поэт в России. Корш, переводя «Венок сонетов», оставил без внимания такой важный структурный момент этого произведения, как акrostих. Он ссылаясь на тот факт, что у словенского литературоведа Стритара ничего не говорилось о нем. После того, как Корш сделал свой перевод, он обнаружил недочет. К сожалению, он не смог переделать сделанный перевод настолько, чтобы «Венок сонетов» зазвучал в первоизданной красоте и на русском языке. Дело в том, что в акrostихе прямо указывался адресат творческого полета Прешерна. Это была его возлюбленная Юлия Примич (Julija Primičeva). Коршу представилось невозможным передать ее имя и фамилию на русском языке из-за разницы в алфавитах. Считается, что перевод Ф. Е. Корша был первым сонетным венком на ниве российской литературы.

Позднее Корш переведет книгу стихов поэта и даст подробные комментарии переводчика. Книга была готова к 1889 году и вышла из печати в 1901-ом, став первой книгой стихов Прешерна в России³. Публикация была приурочена к 100-летию юбилею со дня рождения поэта. В своем предисловии переводчика, которое

---

¹ Чуркина И. В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М., 1986. С. 141.

² Корш Ф. Е. Сонетный венок Франца Прешерна // Русская мысль. Год десятый. Июль. Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°. М., 1889. С. 1–8.

³ Стихотворения Франца Прешерна. Со словенского и немецкого подлинников перевел Ф. Корш. Предисловие переводчика. М., 1901.. С. LXX.

является довольно подробной и одной из первых научных статей о творчестве Прешерна, Корш дал его жизнеописание, разобрал произведения и классифицировал их. Ценно то, что им прокомментированы места сложные для неспециалистов по словенской литературе. Корш познакомил своих читателей, чей круг не ограничивался учеными, но расширился на всех, кто любил поэзию, со Словенией, ее жителями и теми историческими условиями, в которых жил и творил поэт. Переводчик и комментатор совершенно определенно назвал Прешерна лучшим словенским поэтом и одним из лучших славянских поэтов. Что касается перевода стихов, то его качество оценивается очень высоко. Несмотря на изменившуюся орфографию, стихи гениального словенского поэта в переводе Корша звучат современно и сейчас.

Ладислав Кхам в статье «Немецкие стихи Прешерна» говорит о том, что русский язык как нельзя лучше подходит для перевода на него словенской поэзии Прешерна. Он высоко оценивает перевод Корша и отмечает, что тот почти равнозначен оригиналу, поскольку переводчик прекрасно владел словенским языком. Значение книги Корша имеет непреходящее значение еще и потому, что ее издание стало одним из первых крупных шагов на пути сближения словенского и русского народов¹ в культурном плане.

Интересовался и изучал творчество Ф. Прешерна Андроник Иоанникиевич Степович (1856–1935). Он был специалистом в области славяноведения, работал преподавателем Киевского университета, редактором «Ежегодника Коллегии Павла Галагана» и других изданий. Большой популярностью пользовались его очерки по истории славян. В 1902 году в Киеве он выпустил небольшую по объему книжечку под названием «К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна». В своей брошюре Степович дает список литературы о Ф. Прешерне и переводов его произ-

---

¹ *Kham L. Prešernove nemške pesnitve // Preporod. Glasilo Saveza jugoslovenskih srednješkolskih organizacija. 1920/1921. L. 3. Št. 4.*

ведений на другие языки, краткую биографию поэта, объясняет, что означает его фамилия на русском языке. Рассматривает он также и вопрос о связях Прешерна с чешскими деятелями славянского Возрождения, такими как Ф. Л. Челаковский и другие; о литературной и идейной борьбе со сторонниками иллиризма: Людевитом Гаем и его приверженцами, в том числе С. Вразом; о влиянии на Прешерна новой немецкой литературы, в том числе Рюккерта и Платена. Затрагивал автор и тему любви к Юлии Примиц.

А. И. Яцимирский озаглавил свою работу «Франц Прешерн и его лирика». Статья вышла в журнале «Славянские известия» в 1905 г. в Санкт-Петербурге. Александр Иванович был российским славистом, а также специалистом по истории европейских стран. Занимался древними рукописями, читал лекции в высших учебных заведениях, писал статьи в энциклопедические издания. Статья начиналась с сообщения о таком знаменательном событии в Словении, как открытие памятника Франце Прешерну в 1905 г. в Любляне; приведена библиография, касающаяся поэта. Автор подошел к личности поэта с психологической точки зрения и описал истоки его творчества. Заканчивалась статья лирическим отступлением, в основе которого содержалась метафора и противопоставление одновременно. В отличие от солнца, способного озарить умственную жизнь целых эпох, поэзия Прешерна сравнивалась с небольшими приветливыми огоньками, у которых можно «обогреться и отдохнуть среди всеобщего мрака и холода»¹.

В начале 1900-х гг. переводы стихов Ф. Прешерна и статьи о нем печатались в журналах «Славянский век», «Исторический Вестник», газете «Русские Ведомости», а также в отдельных сборниках.

В советское и постсоветское время выходили отдельные издания стихов Ф. Прешерна, как-то:

---

¹ Яцимирский А. И. Франц Прешерн и его лирика. Оттиск из журнала «Славянских Известий». С. 13.

- Прешерн Ф.* Избранное / Перевод со словенского. Под редакцией Николая Тихонова. М.: ОГИЗ, 1948. 124 с.
- Прешерн Ф.* Избранное / Перевод со словенского. Под редакцией Николая Тихонова. М., 1955. 128 с.
- Прешерн Ф.* Лирика / Пер. со словен. М., 1971. 165 с., фронт. портр.
- Прешерн Ф.* Лирика / Перевод со словенского. М., 1987. 288 с., ил.
- Прешерн Ф.* Ксаверий. Стихи = *Resmi* / Пер. со слов. Сост. и ред. Пиберник и Франц Дролц. Послесл. Майя Рыжова. Крањ: Мэрия города Крањ; Клагенфурт [и др.]. Изд-во «Мохориева дружба», 2001. 175 с., портр.

Стихи поэта печатались наряду с другими поэтами-классиками мировой и славянской литературы в сборниках и периодических изданиях:

- Поэзия западных и южных славян. Л., 1955. 504 с.
- Поэты Югославии XIX–XX вв. М., 1963. 667 с.
- Поэзия социалистических стран Европы. М., 1976. 832 с.
- Поэзия Югославии в переводах русских поэтов. М., 1976. 368 с.
- Европейская поэзия XIX века. М., 1977. 928 с.
- Поэзия современной Югославии. М., 1981. 512 с.
- Земля и мужество. Современная словенская поэзия. М., «Прогресс», 1981. 280 с.
- Поэзия Словении XX век. М., 1989. 288 с.
- Словенская поэзия. «Из века в век». М.: Пранат, 2008. 496 с. (Переиздано в 2015 г.)
- Прешерн Франце. Сонет. Газель. Вглубь стихотворения. Вступление Н. Н. Стариковой // Иностранная литература. М., 2001. № 8.
- Словенско-русский альманах. История, языкознание, публицистика, художественная литература Словении. Справочные материалы по Словении, карты. 2001. 279 с.

Российскими исследователями был написан целый ряд статей о Прешерне и его творчестве, выходявших в различных

солидных научных сборниках, альманахах, журналах и энциклопедиях. О нем рассказывается в учебниках по словенской литературе¹. Много информации о поэте можно найти в интернете.

Поэзия Ф. Прешерна на словенском и немецком языках содержат в себе богатство человеческого гения и философской мысли, которое еще сокрыто от российских читателей из-за отсутствия переводов полного собрания его сочинений и другого творческого наследия, например писем на русский язык со словенского, немецкого и других языков. Из них многое можно узнать о жизни в XIX столетии. Перевод шедевров словенской поэзии и писем Ф. Прешерна, без всякого сомнения, обогатил бы познания российских ученых и читательской аудитории, а также способствовал их приобщению к сокровищницам мировой литературы. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что стихи Ф. Прешерна оставили неизгладимый след в русской литературе благодаря усилиям их переводчиков и исследователей. Несмотря на существующую критику, в целом существующие переводы произведений словенского поэта на русский язык оцениваются положительно.

---

¹ Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., «ИНДРИК», 2010. 248 с.; Словенская литература XX века. М., «ИНДРИК», 2014. 236 с.

**Литературный кружок М. Пешич – Ю. Балтрушайтис –
К. Бальмонт в 1917 г. и его роль в сближении
русской и сербской культур**

Имя Миодрага Пешича, талантливого сербского литературного критика и переводчика русской поэзии и великолепного знатока русской культуры, в России остается до сих пор малоизвестным, а его творческое наследие неисследованным.

Архивные материалы о пребывании Пешича в России были обнаружены мной еще в 1990-е годы в период подготовки монографии «Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков» (М., 2012. 336 с.). Часть обнаруженных архивных материалов из Отдела письменных источников Государственного исторического музея о М. Пешиче впервые была введена в научный оборот в этой книге.

Тщательное изучение российских материалов о М. Пешиче велось мной и далее, в последнее время были обследованы еще два архивных фонда. Вновь выявленные архивные материалы в научный оборот вводятся нами теперь. В свое время мыслями об изучении архивных материалов о Пешиче я поделился с директором Института сербского языка в Белграде Срето Танасичем, давним моим коллегой и другом еще со времен аспирантуры. Благодаря его неподдельному интересу и помощи были установлены научные контакты с сербской исследовательницей Драганой Типсаревич. В 2002 г. ею была подготовлена замечательная выставка о Пешиче в Народной библиотеке в Кралево (Сербия) на основе личных материалов, переданных в библиотеку братом М. Пешича (рукописное наследие). Автор выставки любезно прислала ценный выставочный каталог с дарственной надписью, за что я выражаю искреннюю благодарность коллеге.

Много лиха Пешичу довелось хлебнуть в Первую мировую войну. Вместе с другими сербскими школьниками ему пришлось спастись от неприятеля. В 1916 г. он был эвакуирован за границу, попав сперва во Францию, а затем в Великобританию. Позже стараниями сербского правительства в эмиграции он был направлен в Россию и оказался в городе Владимире-на-Клязьме, где завершил (май 1916 – май 1917 г.) начатое еще в Сербии образование в духовной семинарии. В архиве выявлено свидетельство за № 1125 Владимирской духовной семинарии об окончании курса с оценками по учебным предметам, выданное во Владимире 6 июля 1917 г. В Центре хранения документов (до 1917 г.) сохранилось также заявление от М. Пешича от 31 июля 1917 г. на имя ректора Московского университета с просьбой принять его студентом университета на историко-филологический факультет.

Осенью 1917 г. Миодраг Пешич был принят на учебу в Московский университет на историко-филологический факультет и закончил его, пройдя через революции, в 1920 г.

В годы учебы в Московском университете Пешич становится, несмотря на свою молодость, заметной фигурой в сербском землячестве в России. Он стоял во главе созданного в университете югославянского студенческого (академического) общества «Коло» и активно включился в общественно-политическую жизнь сербской диаспоры в России. Об этом свидетельствуют многие архивные материалы о Миодраге Пешиче. Например, он оказывал всемерную поддержку раненым сербским добровольцам в России, сражавшимся за национальную свободу. Без преувеличения можно сказать, что Миодраг Пешич стал своеобразным центром притяжения сербского молодежного землячества в России. Архивный фонд содержит важные материалы из круга сербских дипломатов в России, документы, освещающие внутреннюю борьбу в сербской диаспоре в революционные годы. Еще летом 1917 г., а затем будучи студентом Московского университета, М. Пешич сблизился с Юргисом Балтрушайтисом и Константином Бальмонтом. Возник

литературный кружок, в котором М. Пешич активно участвовал тогда в подготовке к изданию в России антологии сербской поэзии Б. Поповича («Антологија новије српске лирике»). Этим важным начинанием в деле сближения русской и сербской культур руководил Ю. Балтрушайтис, на квартире которого, как правило, и проходили литературные встречи. Об этом свидетельствуют записи, сделанные Пешичем в дневнике на сербском языке.

Д. Типсаревич в упомянутом каталоге выставки указала на отсутствие данных о том, было ли осуществлено Пешичем издание антологии. Действительно, антология тогда осталась неизданной. При возвращении на родину материалы личного архива Пешича остались в России, в том числе, как оказалось, и переводы сербской поэзии для антологии. Но они также были выявлены нами при работе в архиве. Думается, что впоследствии следует издать этот литературный труд по мере возможности, как и другие российские материалы М. Пешича.

Большая практика начинающего переводчика Пешича в сотрудничестве с такими корифеями как Ю. Балтрушайтис и К. Бальмонт несомненно отразилась на становлении переводческого таланта Пешича после возвращения его домой. Этот талант особенно проявился при переводе С. Есенина, да и многих других представителей русской поэзии на сербский язык. Пешич стал одним из лучших сербских переводчиков русской поэзии и знатоком русской культуры в послевоенной Югославии. Вплоть до выхода на пенсию он работал в Национальной библиотеке в Белграде, где заведовал славянским отделением. В литературном наследии М. Пешича сохранились его ценные наблюдения о мастерстве перевода¹, основанные на огромной переводческой практике и длительном непосредственном общении с исконными носителями русского языка.

---

¹ См., напр.: *Пешић М.* О преводжењу стихова с руског // Израз. 1967. Бр. 10.

**В едином поиске пропавшего читателя –
переводчик и его издатель**

Хороший переводчик, обладающий глубокими знаниями в области литературы, способен вызвать у себя на родине всплеск интереса к литературе, которая населению его страны ранее не была известна. В Словении это, например, Симона Шкрабец, переводчик каталонской, и Юлия Потрч, переводчик финской литературы. В России следует упомянуть серию «Словенский глагол», проект, который курирует известный специалист по словенскому языку и литературе к.ф.н. Юлия Созина, а также имена переводчиков-популяризаторов словенской литературы (Жанна Перковская, Александра Красовец – автор ставшего весьма популярным в России перевода романа Горана Войновича «Чефуры, вон!» и др.). Русскую литературу в Словении (в особенности классику, с интересом воспринимаемую местным читателем – Достоевский, Толстой, Булгаков) переводят Драго Байт, Борут Крашевец, Урша Забуковец, Лияна Деяк и другие. Переводы современной русской прозы на словенский язык, за редким исключением (Дина Рубина «На Верхней Масловке» в переводе Мирта Комеля) резонансными не являются, хотя имели место и сценические версии (Бенедикт Ерофеев «Москва – Петушки» в переводе Драго Байта).

Не так давно в Словении был проведен опрос с целью выявления динамики отношения населения к книге, который дал интересные результаты. Книги на иностранных языках, прежде всего, английском читает примерно 32% населения. Остальная часть населения потребляет иностранную литературу в виде переводов.

Опрос затронул и другие аспекты книгоиздательства и книгораспространения. В XXI веке эта сфера, равно как и книжный рынок изменились, возобладал прагматизм: распространилась такая опция как «печатать соответственно спросу», что привело

к стремительному росту наименований книгопечатной продукции и сокращению тиражей.

Бурное развитие новых технологий повлияло на читательские привычки. Появились электронные книги, резко снизилась посещаемость библиотек. Домашние библиотеки стали скромнее. Книги подешевели, что обусловлено не столько падением интереса к ним (показатель среднего уровня потребления книжной продукции в сравнении с предшествовавшим периодом существенно не изменился и находится на уровне приблизительно семь книг в год на человека), но также и новыми способами продаж (через интернет, в шопинг-центрах и т. п.).

Активисты исследования – видные словенские деятели в области литературы (Андрей Блатник, Само Ругель, Миха Ковач) – констатировали: «Сидение за компьютером не только съедает то время, которое могло бы быть уделено чтению, но и сказывается на сознании: чрезмерная привязанность к электронным средствам связи снижает нашу способность сосредоточиться, а также способности вербальной коммуникации, в результате книги стали пользоваться меньшим спросом, причем особенно выражено это явление в среде интеллигенции».

В завершение следует отметить, что рынок детской литературы по-прежнему остается оживленным и разнообразным – в красиво изданной полезной книжке родители своим детям, как правило, не отказывают.

Перевод со словенского Ж. Перковской.

**Лингвистические и экстралингвистические аспекты
художественного перевода на материале Ф. Пессоа**

Ситуация, которая сложилась в области перевода португальской художественной литературы на русский язык, имеет ряд интересных особенностей и – настолько неясна большинству даже профессионально причастных к филологии людей, что рассмотрение ее почти априори представляется заслуживающим внимания и оправданным. Ряд специфических моментов данной ситуации мы хотели бы рассмотреть на примере переводов поэзии Ф. Пессоа, история которых начинается в середине 1970-х годов и продолжается в наши дни. В течение данного периода произошел ряд важных изменений, прежде всего, внефилологического свойства, которые существенным образом сказались на положении художественного перевода в целом, и перевода португальской литературы – в частности. Рассказать о том, каким образом данные изменения отразились на характере восприятия произведений Ф. Пессоа в России, в рамках доклада «Филологический и экстрафилологический контекст переводов поэзии Ф. Пессоа на русский язык».

**Место перевода в компаративных исследованиях литературы
(От перевода к рецепции и литературным связям –
генетическим и типологическим)**

В компаративистике существуют по крайней мере три целостных единства с комплементарными областями исследований, так как она междисциплинарно задумана: общим для них является комплексное изучение по крайней мере двух национальных литератур и культур, двух языков в контакте. В подзаголовке вкратце описывается все то, что охватывают так широко задуманные исследования, какие они преследуют цели, на каких началах зиждутся, каковы их фазисы, какова методология, принципы и приемы анализа. Из отдельных частей подзаголовка можно создать названия единственных тематических блоков, свидетельствующих о последовательности и логической связи данного комплексного исследования: во-первых, от перевода к рецепции, во-вторых, и к литературным связям – генетическим и типологическим, и, в-третьих, к сопоставительной типологии нарративных стратегий.

В компаративистике не только нет заранее данного предмета исследования, но нельзя также строго определить и точку зрения исследователя, как это делается в других, менее сложных научных дисциплинах. Предмет в ней становится расплывчатым потому, что с самого начала является дихотомным: одна национальная литература (язык и культура) в сопоставлении с другой или, шире, с другими национальными литературами, языками и культурами. Вместе с тем ряд *язык – культура – литература* требует междисциплинарного подхода. Поэтому компаративистика любого направления не может обойтись раз и навсегда выдвинутыми приоритетными задачами, так как решение одной проблемы, как правило, влечет

за собой неминуемое решение другой, новой, а иногда и целого ряда...

Междисциплинарность компаративистики подразумевает также и применение комбинированных подходов исследования с применением соответствующих аналитических процедур: во-первых, имманентных при изучении каждой из национальных литератур в отдельности, то есть «изнутри», а потом – в сопоставлении с другой литературой, то есть «извне».

Исходя из того, что современная компаративистика любого направления и теоретических предпосылок в приоритетные задачи ставит¹ (1) *текст перевода литературного произведения* как конкретного и самого важного *посредника* литературных ценностей между различными национальными литературами, мы его выдвигаем на первое место между основными формами *контактных связей*. Таким образом заодно открывается еще целый ряд областей исследования: (2) *вопрос о месте, роли и значении литературного перевода в межнациональной литературной коммуникации* вместе с механизмами этой же коммуникации; (3) *проблемы аксиологии переводного текста*, который появился в результате (4) *процесса трансформации исходного текста* с целым рядом отступлений, характер которых зависит от отношения переводчика к оригиналу, обусловленного как объективными, так субъективными факторами (например, разница в языковых системах и моделях культуры, в жанровых традициях; профиль переводчика и его личный вкус и т. д.). Все это требует применения многих и разнообразных аналитических подходов: имманентных и компаративно-стилистических, чтобы лишь потом приступить к (5) *аксиологии эстетических ценностей переводного текста*. А это важно, потому что

---

¹ Здесь автор вынужден частично повторить с некоторыми изменениями свои наблюдения, опубликованные в статье: *Чович Б.* Белградская школа перевода и русское переводоведение (новизна и подражание или подражательное и инновационное в сербской транслатологии // *Русский язык и культура в зеркале перевода.* 2015. № 1. С. 686–697.

(6) *переводчик является интерпретатором литературно-художественного произведения*, так что идея автора текста в переводе проникнута (7) *индивидуальной проекцией переводчика-интерпретатора*, а каждый удачный перевод лишь только одна из возможных интерпретаций. Переводчик переводит не «текст», а лишь одно из его значений, так как интенции писателя-автора и читателя никогда полностью не совпадают, так что толкование литературно-художественного текста (и его перевода) на самом деле лишь реконструкция в собственном духе переводчика-толкователя, а такой перевод можно охарактеризовать как *репродукционно-модифицированный*. Хотя эта интерпретация не является эксплицитной, а только виртуально содержится в переводе, она является неминуемым фазисом для всех толкователей (8) *места и роли переводной литературы в собственной национальной продукции*.

Развитие научной мысли о литературно-художественном произведении – это путь постепенного приближения к тексту и его функционированию, так как любая история литературы должна включить помимо всего прочего следующий важный фазис в изучении литературно-художественного текста в литературной компаративистике – (9) *исследование стиля в рамках стилистической критики с применением имманентного и сравнительно-стилистического анализа*, то есть, во-первых, текста оригинала и перевода, каждого в отдельности и, во-вторых, в отношении одного к другому. Это постепенное и фазисное приближение к тексту можно реализовать при помощи целого ряда противопоставлений, чаще всего в виде бинарных оппозиций с основной целью добраться до настоящего предмета исследования – художественного текста как целостного вербально-эстетического единства в рамках новых научных дисциплин: прежде всего стилистики имманентной и сравнительной, лингвистики и стилистики текста с основной целью выявить случаи (10) *креолизации стиля источника и индивидуального стиля переводчика*, (11) равно как и *креолизации двух моделей*

культур – языка оригинала и языка цели, и, наконец, следов скрещивания жанровых традиций двух литератур в контакте.

Одно из направлений в литературоведческой стилистике ведет прямо в область компаративистики, которая широко распространяется вплоть до (12) *вопросов о сравнительной методологии* и (13) *имагологии* (общая характеристика об одном народе в другой национальной литературе), (14) *сравнительной нарратологии* и, наконец, до (15) *проблематики литературного посредничества*. Выработка теоретических установок в компаративистике все еще открыта. Пока в ней нет прочно выработанной системы, в которой видно было бы все, что она охватывает и на чем основывается. Поэтому одной из дальнейших целей компаративистики является заполнить существующие поныне теоретические пробелы, изолировать критерии и выкристаллизовать понятия и категории так, чтобы понятийно-терминологический аппарат стал более когерентным, а вся система компаратистики более консистентной.

Через неминуемый фазис *литературного посредничества* следует перейти к более сложным задачам: (16) к *вопросу о рецепции одной национальной литературы в другую* и, наконец, (17) к *вопросу о литературных связях – генетических (или контактных) и типологических (или дисконтактных)*. При изучении генетических и типологических соответствий, например, в русской и сербской литературах в контакте, нужно иметь в виду, что прямые контактные связи начинаются переводами, а типологические появляются под влиянием нелитературных факторов, прежде всего культурологических и политических, которые могли обусловить подобный путь развития двух рассматриваемых литератур, что в конечном итоге приводит к типологическим соответствиям или, чаще, соответствиям в композиционном, тематическом, языково-стилистическом плане.

Каждый из тематически целостных единств, хотя и противопоставлен всем остальным, так как решает свои специфические цели и задачи, обладает своими категориями и критериями, пользуется

ся своими методологическими подходами; соотносясь с ними, он и образует высшее единство, обеспечивающее комплексный подход.

В течение последних пятнадцати лет в Сербии были реализованы три долгосрочных межвузовских научных проекта Республики Сербии: 1. «Сербская и иностранная литература и культура в контакте: от перевода к рецепции и литературным связям – контактным и типологическим» (2000–2005); 2. «Сербская и иностранная литература и культура в контакте и дисконтакте» (2006–2010) – оба под руководством профессора Бранимира Човича; «Перевод в системе компаративных исследований национальной и иностранной литературы и культуры» (2011–2015) (руководила проектом проф. Лариса Чович).

Хотя компаративистика последней четверти XX века включила в состав задач первостепенной важности новые научные дисциплины и значительно расширила свою территорию, но такого комплексно задуманного систематического исследования как теоретического, так и прикладного характера, пока еще не было ни у нас, ни за рубежом.

Результаты наших исследований были опубликованы в отдельных сборниках и монографиях, представляющих собой обзор самых различных тем, связанных как минимум с двумя национальными литературами в контакте. Однако нередко такие парные исследования чаще включались в более широкие европейские и мировые рамки. Все это делалось с одной единственной целью – создать общие теоретические основы в компаративистике, у которой все еще нет прочно выработанной системы, из которой видно было бы, что она охватывает и на чем основывается.

Современная компаративистика начиная приблизительно с 1950-ых годов находится в расцвете: основываются новые институты и кафедры по компаративистике, намечены новые пути исследования, основываются новые интернациональные группы исследователей, объединенные вокруг новых совместных проектов,

опубликовано большое количество тематически однородных сборников и авторских монографий. Кроме того, ежегодно организуются региональные и международные научные конференции, посвященные актуальным вопросам компаративистики, на которых ученые обмениваются опытом, обсуждаются многие спорные вопросы, высказываются иногда диаметрально противоположные взгляды представителей разных течений и направлений: французской, русской, американской, немецкой, нашей отечественной (сербской) и других школ.

Надеемся, что результаты наших исследований будут практически применимы и в других областях как всесторонне обдуманый фундамент, способствующий развитию старых и появлению новых научных дисциплин. Результаты такого комплексного подхода могут быть применимы и в будущих планах по компаративистике в вузах, институтах и филологических факультетах на спецкурсах по междисциплинарному изучению иностранных языков и литератур. Все книги предназначена для широкого круга читателей: в первую очередь для филологов-специалистов. Все они в начале третьего тысячелетия не смогут обойтись в своей учебе без новейших научных результатов в области сравнительно-литературных и даже, шире, интермедийных исследований, так как интермедийность, включая актуальнейшую ныне тему «текст и интертекст» является преобладающим течением в целом цикле новых филологических дисциплин, предметом которых является любой эстетический объект: не только словесно-эстетический, но и пиктуральный, и кинематографический.

Литература:

Čović B. Motiv 'instinkt smrti' kod Andrića i Bunjina // Ivo Andrić 1892 – 1992 / Zbornik Matice srpske za književnost i jezik. Knj. XL. Sv. II. NoviSad, 1992. S. 213–229.

- Čović B. «Seobe» Miloša Crnjanskog u kontekstu modernog ruskog istorijskog romana. Beograd: Vedes, 2001. 157 s.
- Čović B. Stil istorijske proze A.N. Tolstoja // Radovi Insituta za strane jezike i književnosti. A: Jezičke studije, knj. 14. Novi Sad, 1991. 227 s.
- Čović B. Poetika književnog prevodjenja. Beograd: Naučna knjiga, 1994. 277 s.
- Čović B. Poetska slika // Radovi Instituta za strane jezike i književnosti. A: Jezičke studije, knj. 12. Novi Sad, 1989. 195 s.
- Čović B. Rusko-srpske književne paralele. Drugo izmenjeno i dopunjeno. Beograd: Vedes, 2004. 351 s.
- Čović B. Umetnost prevodjenja ili zanat. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1986. 176 s.
- Kazas E. «Treći svijet» i njegova mudrost isključivosti (Slika imperijalne ideologije i prosvjetiteljske utopije u Andrićevoj «Travničkoj hronici») // Slika drugog u balkanskim i srednoevropskim književnostima. Beograd: Institut za književnost i umetnost. Posebna izdanja. Knj. 30. S. 267–284.
- Slika drugog u balkanskim i srednoevropskim književnostima. Zbornik radova. Beograd: Institut za književnost i umetnost. Posebna izdanja. Knj. 30. 504 s.
- Šamić M. Istorijски izvori Travničke hronike Ive Andrića i njihova umjetnička transpozicija. Sarajevo: Veselin Masleša, 1962. 216 s.
- Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описний культуры // Труды по знаковым системам. Записки тартуского государственного ун-та. Вып. 236. Тарту, 1969. С. 460–477.
- Русско-европейские литературные связи / Сб. статей. АН СССР. Отделение литературы и языка. М.–Л.: Наука, 1966. 474 с.
- Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература / Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя. Тезисы и материалы. Москва: Российская Академия Наук. Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ). М., 1992. 112 с.
- Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. С. 121–122.
- Чович Б. Мотив “инстинкт смерти“ в творчестве Иво Андрича и Ивана Бунина // Славяноведение. 1995. № 1. С. 61–69.

Художественный перевод поэзии: между наукой и искусством¹

Уже стали прошлым те времена, когда литература стран социалистического лагеря, прежде всего братьев-славян, активно переводилась и широко публиковалась в Советском Союзе. Небольшие европейские народы получали огромную читательскую аудиторию, будучи представлены на русском языке. Все бы хорошо, но славянскую поэзию, в большинстве своем, переводили известные русскоязычные поэты, не владеющие языком оригинала, и подстрочные переводы для них делали филологи-слависты. Лучше была ситуация, насколько нам известно, в переводах польской поэзии. Мы же в своей статье коснемся переводов словацкой поэзии XX в.

По нашему глубокому убеждению (подкрепленному более чем тридцатилетним опытом), переводы поэтических произведений со славянских языков по подстрочнику – порочная практика, не имеющая аналогов при переводе с языков западноевропейских. Тот аргумент, что славянские языки считаются редкими, отнюдь не ставит их в положение второстепенных. То же самое относится и к литературам, создаваемым на этих языках. Обманчивая близость славянских языков для людей, владеющих лишь русским, оказывается медвежьей услугой.

Недооценка филологов-славистов как полноценных мастеров художественного перевода выявилась, в частности, при реализации проекта Сергея Гловюка – серии антологий современной славянской поэзии «Из века в век». Литературоведам и лингвистам, имеющим в своем багаже солидный запас переводов поэзии, предлагалось лишь делать подстрочники, а стремление переводить

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00365.

произведения прямо с оригиналов трактовалось как желание заработать слишком много денег (высказывание прозвучало при подготовке чешской антологии, в которой присутствовавшие при той беседе отказались участвовать). При подготовке антологии словацкой поэзии, в немалой степени – благодаря словацкому поэту и деятелю культуры Юраю Калницкому, переводчики-словакисты все же были привлечены, в том числе – автор этих строк и талантливая молодая переводчица Дарья Анисимова (Ващенко)¹.

Наша переводческая концепция не является строго теоретической. Для нас важно погружение в магию вибраций поэзии, попытка услышать ту музыку, которую всегда ощущает поэт, создавая свои творения. Перевод активно помогал нам в исследовательской работе последних лет: позволял глубже и точнее понимать изучаемого поэта (речь шла о словацких сюрреалистах). Знание языка, культуры, литературы данного народа, на наш взгляд, – неперемнное условие перевода. На славянском отделении филологического факультета МГУ не одно десятилетие давались как минимум два славянских языка плюс старославянский. Основной язык изучался очень интенсивно. Конечно, перевод – это не собственное творчество, здесь недостаточно спонтанности, природной одаренности. Нужно «набить руку». Однако ощущение той же волны, что и у автора оригинала, обретается довольно быстро.

Сошлюсь на свою собственную дорогу к переводам поэзии. Самым главным «моим» поэтом стал Мирослав Валек (1927–1991) – крупнейший словацкий поэт второй половины XX в. Знакомство с его творчеством состоялось в первом же семестре, когда языком мы еще не владели и читали имеющиеся переводы. Поэма «Слово» (1976), переведенная Риммой Казаковой (русское издание вышло оперативно, в 1977 г.), повергла меня в ужас. Гремучая, кондовая поэзия, местами слезливо сентиментальная. Я еще не знала, что перевод может серьезно исказить произведение. Вскоре мы стали

---

¹ Из века в век. Словацкая поэзия. М., 2006.

учить наизусть стихи в оригинале, и я узнала совсем другого Валека – тонкого, глубинно эмоционального лирика и мыслителя, мастера художественной формы. Сразу захотелось переводить, но тогда я еще не чувствовала просодию словацкого стиха, подгоняла его под знакомые русские клише. Уже на пятом курсе у меня стали получаться настоящие переводы.

Лучшим переводчиком для Валека из известных русских поэтов, на наш взгляд, стал бы близкий ему по духу и по стилю Юрий Левитанский, но он, увы, перевел всего несколько стихотворений («Грустный утренний трамвай», «Ода богу животных», «Гибель “Титаника”»). Хорошо переводил Валека и Юрий Вронский (ранние стихотворения, поэма «Из воды»), у него несколько усилена романтическая струя ироничного Валека.

В дальнейшем я много переводила – как Валека, так и множество других поэтов от середины XIX в. до начала XXI-го. Однако свой перевод «Слова» я полностью сделала совсем недавно. Оставим на время споры об идеологической стороне поэмы и ее месте в творчестве Валека. Многие специалисты, прежде всего в Словакии, ныне необоснованно считают поэму «коммунистической пропагандой». Прежде всего, это произведение, обладающее художественным совершенством. Лаконичность и емкость стиля Валека, гибкий ритм, ненавязчивость рифмовки в силлабо-тоническом и свободном стихе – все это нелегко передать на русском языке. Мой путь к «Слову» длился тридцать лет. Не всегда сопутствовала удача – это неизбежно. Но многое, на мой взгляд, получилось.

В чем основные недостатки перевода Риммы Казаковой? В нем чувствуется подстрочник, сделанный ведущей российской словакисткой Ириной Богдановой. Иногда кажется, что перевод подчеркнута точен, но точны на поверку лишь слова (далеко не всегда, впрочем). Создать из слов поэзию – это уже другое. Тем более – поэзию, созвучную оригиналу. В одном из интервью начала 1980-х гг. Казакова признавалась, что произведение Валека, как говорится, «на душу легло». Нельзя сказать, что перевод известной

поэтессы плох с точки зрения русской поэзии. Но это не Валек. Ему не свойственны «высокий стиль» с архаизмами, ораторский пафос или чрезмерная сентиментальность, зато в переводе исчезли его ироничность, сдержанная пронзительность, глубина подтекста. Порой бывало, что многослойный, неожиданный образ Валека оказывался переданным более привычным, «простым» или, наоборот, возвышенно-усложненным тропом. Стих оказался «разболтанным», хотя русский язык позволяет приблизительно соответствовать ритмике оригинала. Потеряна едва ли не половина рифм, а у Валека часто встречаются тройные и даже четверные созвучия, причем его рифмы поистине виртуозны.

В доказательство своих суждений приведем примеры из «Слова», свидетельствующие о неадекватности первого русского перевода, сделанного по подстрочнику (см. таблицу в конце статьи: в первом столбце – оригинальный текст, во втором – перевод Р. Казаковой, в третьем – перевод автора статьи).

Если кратко прокомментировать перевод Р. Казаковой, то получится следующая картина:

1. Исчезла горькая, провоцирующая ирония – важная черта стиля Валека.
2. Потеряна многослойная метафора.
3. Неверный перевод: *rozkoš* – нега, смысл метафоры – в «обслуживающем» понимании поэзии.
4. Один патрон – символ насилия, решающего вопрос жизни и смерти. Отголосок сентенции «кто сильнее, тот и прав».
5. Неверный перевод: *vrah* – убийца.
6. Неверный перевод: *úžas* – ужас, потрясение.
7. В оригинале – так называемые каламбурные рифмы, максимальное звуковое соответствие. Перевод дает неточную рифму «полутьме: тебе».
8. Гнев и ненависть – внешние факторы. Традиционное для Валека отождествление поэзии и любви.

9. Неверный перевод: *vyplazený jazyk* – высунутый язык, «дразнилка», провокация.
10. Возможен был более точный перевод, опять исчезает ирония.
11. Уже отмеченный образ – слабый свет, символ неуверенности, сомнительных поисков – пропал. Слово «любись» – стилистически маркированное, в отличие от нейтрального *miluj sa*.
12. В оригинале ложь «потрется о рукав»; льстивое кошачье движение. В переводе Казаковой – разговорно-непонятная конструкция. Наш перевод соответствует рифмовке оригинала и частично расшифровывает образ.
13. Мы предпочли буквальный перевод характерной для Валека «конкретной» метафоры в последней строке – в переводе Казаковой он звучит обобщенно, приблизительно.
14. Нарушена строфика, в целом две первые строки неудачны по звучанию (это относится и к неточной рифме), не соответствуют лаконичной, эмоционально сдержанной манере Валека.
15. Один из ярких примеров стиля Валека – космическая любовь, разлука и горький опыт, легкость и музыкальность звукописи, особенно последних двух строк (по пять раз повторяются звуки «l» и «v», рифма почти каламбурная, но не нарочитая). В переводе Казаковой есть удачный эквивалент – серебро висков как соответствие морщинам в оригинале, – но в целом четверостишие скомкано и звучит грубее оригинала.
16. В оригинале нет оценочного момента, перевод Казаковой не передает игры слов: *vykladať* – выкладывать (карты на стол) и объяснять (гадать на картах, толковать их). Звучит более «пропагандистски».
17. Потерян образ бродяги, значимый не только для Валека, но и для его предшественников – Л. Новомеского, надреалистов. Решение переводчицы интересно, но только само по себе. Важно, на наш взгляд, воспроизвести русское слово «перулок», поскольку речь идет о блуждании по Москве (в словацком

языке нет – и по законам лингвистики не может быть! – такого слова).

18. Очевидный провал в очень значимом месте. В оригинале формулировка предельно краткая и емкая. В переводе Казаковой – ненужный архаизм «отсель», затем – неуместный, тянущий на пародию пафос.

Переводить славянскую поэзию должны лишь поэты, хорошо владеющие языками этих народов и имеющие представление об истории страны и ее литературе (что делают, например, лингвист С. Скорвид или литературовед А. Базилевский). Лишь тогда перевод будет приближен к оригиналу. Не обязательно владеть языком оригинала свободно, но важно чувствовать его идиоматическое богатство, звукопись, ритмику (переводы Е. Тамбовцевой). Поэтами рождаются (poeta natus), но филологическое образование, в том числе знание языков и литератур, в этом деле не бывают лишними. Порой даже блестящее знание языка оригинала (какое было у талантливого писателя и переводчика Михаила Письменного) не позволяет избежать невнимательности (перевод «Принца Датского» Лаца Новомеского, с которым Письменный выступал на вечере к столетию поэта, опять потерял рифмы, которых не было в переводе Бориса Слуцкого и которые мы постарались сохранить).

Перевод «своих» поэтов, то есть всесторонне изученных с точки зрения литературоведения, очень значим для переводчика – и как ученого, и как поэта. «Родство душ» тоже немаловажно, но у филологов оно подкреплено собственным анализом оригинала. Если мы, литературоведы, стесняемся переводить, «свято место пусто не бывает». Мы должны, мы просто обязаны переводить – и «своих», и не очень знакомых, поскольку можем понять истоки оригинала, литературный контекст, исторические детали.

К сравнительному анализу переводов Риммы Казаковой и Натальи Шведовой («Слово» Мирослава Валека):

1. Ó, poézia, krásna vdovička	Поэзия, прекрасная вдова	Прекрасной вдовушки утешена судьбой, поэзия?
2. Stačilo škrtnúť telom o telo a žilo sa, aj keď to bolelo?	где телом тело согреться романтически хотело	о тело телом чиркнуть вам довольно – и жизнь была, пусть даже было больно?
3. A ona predsa je tu pre rozkoš	А ведь эта песня – блаженство. Ну и что ж...	Для развлечений Муза – ну и что ж?
4. Noc, jednoznačná ako revolver. A celá pravda v jednom náboji.	Ночь однозначна, как револьвер, который правдою заряжали.	Ночь однозначна, словно револьвер. И правду всю в один патрон вместить.
5. Do dverí vsunula sa noha vraha.	В дверь просунулась нога врага.	И дверь задержана ногой убийцы.
6. Aj oči sôch blednú od úžasu.	Прозрели от восторга и статуи безглазые.	И статуй взгляд от ужаса изменен.
7. To ja tam svetielkujem v prítmí podkrovného bytu. To ja ti vzlykám rytmy brutálneho beatu.	Это я чуть свечу в полутьме мансарды забытой. Это я рыдаю тебе ритмами жесткого «бита».	Я это, к полумраку приданный, среди скудного быта. Я для тебя рыдаю ритмами brutálneho beat'a.
8. Spím iba s najhoršími,	Сплю лишь с распоследними,	Я сплю лишь с наихудшими,

to sú: hnev a nenávisť.	гнев и ненависть их со мной.	а это гнев и ненависть.
9.Komunizmus? Červený jazyk, vyplazený na Západ!	Коммунизм? Красный язык пламенный, ползущий на Запад!	Коммунизм? Красный язык, показанный Западу!
10.Boli tam priepasti i výšky, cundričky aj mníšky	Были на ней и высоты и впадины, и ханжи и гулящие гадины	Там были горы и овражки, шлюшки и монашки
11.S diablom sa miluj v matnom svetle sviec, nech narodí sa lož. (Троїная рифма.)	С дьяволом любись, когда свет на мрак похож, пусть родится ложь.	С чертом сойдишь при свете неверном, шельмец, и пусть родится ложь.
12.dbaj, nech sa obtrie pravde o rukáv.	но пусть оботрется рукавом правды	следи, чтобы рядом с правдой держала шаг.
13.Napokon to, čoho nedotkne sa skon a zánik: návod na výrobu paník.	По прошествии дней в ход пусти то, что смерти сильнее: панический слух, подрывающий дух.	Наконец, то, что вечный жилец и охранник: инструкция по изготовлению паник.
14.Vždy bud' láskyplný k tým, čo vrátili sa z pekla samoty. Poznali aspoň toľko ako ty.	Тому, кем испита одиночества отравы, пусть твоей сердечности дарится награда. Он, как и ты, вернулся из ада.	Всегда милосердно услышь ты тех, что вернулись из ада безответности. Прошли через то, что тебе пришлось вынести.

<p>15. Vtedy? Nie, toto všetko bolo skôr.</p> <p>Padal som k tebe ako meteor</p> <p>a minul som tvoj svet len o vlások,</p> <p>svet plný vrások, od lások.</p>	<p>Тогда? Нет, это бывало с давних пор.</p> <p>Я падал, как метеор, с тобой разминулся всего на волосок, мир любовей, посеребривших висок.</p>	<p>Тогда? Нет, то знакомо с давних пор:</p> <p>к тебе я падал, словно метеор,</p> <p>твой мир скользнул вблизи, но только мимо,</p> <p>следы любви в нем прочертились зримо.</p>
<p>16. – k falošným vykladačom karát</p>	<p>к этой лживо пророчащей своре</p>	<p>к тем, кто передернув, карту кладет, –</p>
<p>17. ja som ten bludný kôň, čo prišiel o podkovy,</p> <p>ja som ten, čo sa vracia z túlok</p> <p>a hľadá správny pereulok</p>	<p>я – тот бедный конь, что растерял подковы, скиталец бывалый и бестолковый,</p> <p>что сутулится в поисках нужной улицы</p>	<p>я тот бродячий конь, который подковы потерял,</p> <p>я тот, кто возвращается из сплошных прогулок и ищет нужный переулоч</p>
<p>18. Viem. Svet býva aj ustatý</p> <p>a otrhaný.</p> <p>Lež liečiť svetu rany</p> <p>- aj to je polilika strany.</p> <p><i>(Буквальный перевод:</i></p> <p>Но лечить миру раны –</p> <p>и это тоже политика партии.)</p>	<p>Знаю, земля бывает грязной,</p> <p>усталой, потрепанной, но отсель –</p> <p>врачевать мировые язвы –</p> <p>партии благородная цель.</p>	<p>Я знаю. Мир измученный бывает</p> <p>и непригожий.</p> <p>Чтоб раны мира затянулись кожей –</p> <p>политика такой бывает тоже.</p>

Катя Штурм-Шнабль, Боян-Илия Шнабль (Клагенфурт)

**Перевод и межкультурный трансфер знаний на примере
«Энциклопедии словенской истории культуры в Каринтии
с древнейших времен до 1942 г.»**

Традиционный европейский межкультурный диалог во многом основывается на том факте, что достижения культуры и научные открытия **переводились** с одного языка на другой и знания становились доступными также для иных народов. Кроме того, существовали и существуют другие **модели трансфера** знаний, особенно в наше время. Например, «lingua franca» может иметь глобальный, региональный или профессиональный характер, и в зависимости от этого используются различные стандартные языки (английский, русский, французский и т. д.). К тому же в нашем распоряжении новые технологии, все больше, по крайней мере в Европе, развиваются такие явления, как многоязычность и мультикультурализм, объединяющие в себе разные культурные модели. Представители языковых меньшинств или малых по численности народов (например, голландцы и др.) издавна практиковали многоязычность, поскольку наряду со своим языком должны были / хотели знать также государственный язык и языки соседей.

«Энциклопедия словенской истории культуры в Каринтии с древнейших времен до 1942 г.» объединяет в своей междисциплинарной и межкультурной методологии все эти разные модели трансферов на многих уровнях, включая переводы. Эти переводы сами по себе имеют много пластов. Этот научный культурно-исторический справочник содержит более тысячи словарных статей, которые вместе с концептуальными распространенными указателями составляют более 2100 наименований. Авторами статей стали более 160 исследователей из Австрии, Франции, Италии, Германии, России, Словении и США.

Оригинальные тексты были написаны на разных языках, каждый из которых отражает специфическое социокультурное, культурнополитическое и общественно-политическое развитие, что при переводе было необходимо учитывать и добиваться оптимальной информативности транспозиции текста из одной социокультурной модели в другую. Так, каждый язык имеет свой собственный, отличный от других, социально-исторический фон. Например, немецкий – традиционно доминантный язык, имеющий сильную государственную традицию, то же самое можно сказать о французском и русском языках, каждый из которых имеет свои особенности.

Один и тот же язык может также иметь разные социально-исторический фон и традиции. Так, например, у современного стандартного словенского языка непосредственно в Словении они иные, нежели за границей. Авторы из Словении являются носителями государственных моделей своей страны (включая все ее переломные периоды и различные системы), а зарубежные словенцы – государств, в которых они проживают. Они были социализированы и получили образование в других государствах и, следовательно, в соответствии с другими моделями. Поэтому авторы, пишущие на одном и том же словенском языке, исходят в своих оригинальных текстах из совершенно различных психосоциальных моделей мышления и предпосылок. На уровне психоанализа переводчик должен соответствующим образом выразить эту «основную тональность» их мировосприятия. К тому же, в разных государствах, где прошла социализация авторов, существуют и различные системы среднего и высшего образования, там сформировались не только разные общественно-политические модели, но также и различные юридические и другие научные терминологии. Одни и те же слова могут иметь совсем разные семантические значения. Эти различия могут быть настолько велики, что дело доходит до межкультурных коммуникационных недоразумений даже внутри изначально одной и той же языковой общности.

Поэтому издатели стремились представить содержание энциклопедии в межкультурной и междисциплинарной перспективе. Энциклопедия предлагает синоптический обзор современного состояния научных фактов, полученных из доступных источников и материалов с разных научных и культурных точек зрения, ведь они высказываются различными авторами.

Энциклопедия издана на немецком языке для того, чтобы быть доступной как можно более широкому кругу читателей. Наряду с методологией перевода она предлагает и разнообразный межкультурный анализ. Необходимо было свести оригинальные тексты разных авторов к общей терминологии, то есть, было нужно отдельно разъяснять различные понятия и термины, чтобы энциклопедия стала читабельной, то есть понятной для людей с разными культурными, языковыми и научными представлениями.

Специфические перспективы и проставление разных акцентов является реакцией на общий общественно-политический и научный дискурс. Структурная форма энциклопедии облегчает доступ к существующим научным достижениям, а также предлагает путем компоновки различных словарных статей расширить кругозор и постичь новые измерения познания. Главное значение имеют оригинальные результаты исследований, возникшие путем междисциплинарного, межкультурного и транскультурного научного диалога между издателями и авторами отдельных статей и охватывающие разные направления гуманитарных наук. Так открываются новые аспекты истории языков раннего Средневековья, средневековой и новейшей правовой и конституционной истории, а также региональной истории и истории культуры, географии культуры, ну и конечно, социолингвистики, этносоциологии, этнографии, топонимии, диалектологии, славистики и музыки.

Новые взгляды на функцию, роль и значение народной культуры и народного искусства доказывают свою уместность как при рассмотрении языковой культуры в общественном и личном пространстве, так и при исследовании проблематики национальных

меньшинств и межэтнических взаимоотношений в региональном пространстве. Просопографическое изучение деятелей политики и культуры, отчасти до сих пор мало известных или забытых людей позволяет по-новому рассматривать общественно-политические процессы. Методологические инновации в определенных профессиональных сферах внесли весомый вклад в терминологическую и концептуальную кодификацию профессиональных языков Каринтии, как немецкого, так и словенского.

Помимо этого, в энциклопедии представлен обширный научный аппарат, приводится список архивов, источников и рекомендованной литературы. Это должно дать импульс новым исследованиям и облегчить их задачи.

Культурно-научный труд «Энциклопедия словенской истории культуры в Каринтии с древнейших времен до 1942 г.» способствует установлению регионального межэтнического взаимопонимания, междисциплинарному и транскультурному дискурсу как в Австрии, так и между Австрией и Словенией, Италией и остальной Европой, так как немецкий язык выполняет роль *lingua franca*. Благодаря своей транскультурной направленности энциклопедия истории словенской культуры в Каринтии во многом способствует пониманию природы и функционирования межэтнических отношений национальных меньшинств в пространстве Европейского союза. В этом смысле труд может дать импульс к развитию и интеграции, а также к позитивной общественной динамике.

Перевод со словенского Л. Кирилиной.

Франце Прешерн как великан мировой литературы и асимметрия переводов

В течение XIX века новоизобретенная в Европе формула «национального поэта» (В. Немоиану) играла роль инструмента, определявшего уровень отдельно взятой национальной литературы в соотношении с канонами и стандартами литературы мировой. В словенских землях именно Франце претендовал на соответствие образцу уникального «национального классика», поскольку его творчество компенсирует очевидное отсутствие классической традиции и новейших достижений в словенском языковом пространстве и стоит наравне со столпами европейского сверхканона. Изображаемый через внутреннюю перспективу словенской литературы путь Прешерна к покорению вершин мировой литературы посредством канонизации был признанным и идеологически успешным. Однако его реальное присутствие в пространстве мировой литературы не соответствовало представлению о его ценности на родине. Прешерн был утерян в переводах. Положение словенской литературы на периферии международной переводческой системы помешало Прешерну стать всемирно известным в качестве поэта романтического сверхканона, кроме тех стран, чьи издатели изначально демонстрировали языковые или политические симпатии к словенской литературе (см. перевод «Венка сонетов» Прешерна, выполненный Федором Коршем). К тому же мировому признанию Прешерна препятствовали в общем интертекстуально перенасыщенные, гибридные поэтические тексты. Они трудны для перевода без редуцирования уникального голоса Прешерна в квази-универсальном *locus communis*.

Перевод с английского А. Быриной.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Амелина А. В.</i> Русские поэты и писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла.....	3
<i>Аникина Т. Е.</i> Проблемы восприятия чешской литературы в России и русской в Чехии.....	4
<i>Базилевский А. Б.</i> Художественный перевод как факт сопротивле- ния глобализации: Польша – Россия – Сербия.....	8
<i>Бершадская М. Л.</i> Национальное и интернациональное в художественном переводе	9
<i>Будагова Л. Н.</i> Приветствие участникам конференции	10
<i>Будагова Л. Н.</i> Роль русского восприятия «бравого солдата Швейка» в повышении его мирового престижа	14
<i>Булынина М. М., Сумин А. В.</i> К вопросу о переводе с греческого на старославянский средств вербализации концепта «место лишения свободы».....	18
<i>Васильева Г. М.</i> «Фауст» Гете и славянофильская идея: к истории трех переводов	23
<i>Ващенко Д. Ю.</i> Пути концептуализации прецедентных топонимов в поэтическом тексте (сопоставительный аспект)	40
<i>Герчикова И. А.</i> Либор Дворак и вечные ценности русской культуры.....	42
<i>Калиганов И. И.</i> Сведения о Болгарии и болгарях в «Истории разных славянских народов ...» И. Раича	43
<i>Квилинкова Е. Н.</i> Русский язык в контексте гагаузской религиозной рукописной традиции	45
<i>Кирилина Л. А.</i> Проблемы перевода романа Бориса Пахора «Некрополь» на русский язык.....	47
<i>Котов В. В.</i> Сокольское движение и чешско-русский перевод	54
<i>Кузьмин Е. А.</i> Роль прямого перевода в гравитационной модели близости культур: оценка силы адгезии.....	73

<i>Липатов А. В.</i> Перевод: связующее звено европейской цивилизации.....	74
<i>Лысенко О. А.</i> Институт судебных переводчиков: балканский опыт	90
<i>Макарова-Томинец И. Д.</i> Русский язык в Словении: младшие представители русскоязычной диаспоры о своем языке	91
<i>Мочалова В. В.</i> Себастьян Петруций, польский переводчик Горация.....	100
<i>Перковская Ж. В.</i> О переводе как «искусстве канатоходца» (по следам монографии Штефана Вевара «Эквилибр перевода») ...	102
<i>Пескова А. Ю.</i> Словацкая драматургия в Советском Союзе и современной России.....	107
<i>Раздобудько-Чович Л. И.</i> Два перевода мемуаров В. Набокова с русского («Другие берега») и английского («Speak, Memoгу») оригиналов на сербский и хорватский языки	110
<i>Сагалович Е. В.</i> Перевод общегуманитарного научного текста: опыт контрольного редактирования	112
<i>Смирнова И. Н.</i> Поэзия Э. Багряны: трансформация женских образов в переводах А. Ахматовой.....	113
<i>Смолянинова М. Г.</i> Роль Ю. И. Венелина в распространении знаний о Болгарии	114
<i>Созина Ю. А.</i> Гоголь среди современных славян	116
<i>Соколов В. Н.</i> Перевод как передатчик смыслов литературы	128
<i>Степанова Е. В.</i> Опыт перевода стихотворений Ф. Прешерна со словенского и немецкого на русский язык.....	130
<i>Фирсов Е. Ф.</i> Литературный кружок М. Пешич – Ю. Балтрушайтис – К. Бальмонт в 1917 г. и его роль в сближении русской и сербской культур.....	150
<i>Цигленечки Е.</i> В едином поиске пропавшего читателя – переводчик и его издатель.....	153
<i>Чернов А. В.</i> Лингвистические и экстралингвистические аспекты художественного перевода на материале Ф. Пессоа.....	155

<i>Чович Б.</i> Место перевода в компаративных исследованиях литературы (От перевода к рецепции и литературным связям – генетическим и типологическим).....	156
<i>Шведова Н. В.</i> Художественный перевод поэзии: между наукой и искусством	163
<i>Штурм-Шнабль К., Шнабль Б.-И.</i> Перевод и межкультурный трансфер знаний на примере «Энциклопедии словенской истории культуры в Каринтии с древнейших времен до 1942 г.»	172
<i>Юван М.</i> Франце Прешерн как великан мировой литературы и асимметрия переводов	176

Научное издание

**Перевод
как фактор межнациональной
истории культуры**

Россия – славяне – Европа

Тезисы и материалы
международной научной конференции

19–22 апреля 2016 г.

ООО «Центр книги Рудомино»

109189, Москва, ул. Николаямская, д. 1

Отдел реализации издательства: (495) 915-31-00

e-mail: synkova@libfl.ru, amin@libfl.ru

<http://www.facebook.com/CentreBook>

Подписано в печать 02 декабря 2016 г.

Объем 11,25 п. л.

Тираж 100 экз.